

Расследование
МЕТОДОМ „X“

ПЕТРОЧЕНКО В.В.

РАССЛЕДОВАНИЕ МЕТОДОМ

«X»

РОМАН

1997

ББК Р2
П-29

Петроченко В.В. «Расследование методом Х». — Брянск:
Издательство БГПУ, 1997. — 176 с.

ISBN 5-88543-001-2

В этой книге читатель найдет и хорошо знакомые жизненные ситуации, и детективную фабулу, и попытку проникновения в непознанные еще тайны человеческого мозга, и размышления о непреходящих человеческих ценностях—добре, справедливости, стремлении к истине. Книга будет полезна широкому кругу читателей.

ББК Р2
П-29

Автор выражает глубокую признательность и благодарность спонсорам настоящего издания, оказавшим поддержку и финансовую помощь в это трудное время:

*ПУ «Новозыбковмежрайгаз»—
директор ИВАЩЕНКО О.Г.*

*АООТ ПМК «Новозыбков «Газстрой»—
генеральный директор ГЛИНКИН Н.М.*

*Межрайонное энергетическое предприятие (МЭП)
г. Новозыбков—директор ЖОРОВ А.И.*

18 ноября 1997 г.

Петроченко В.В.

ISBN 5-88543-001-2

© Издательство БГПУ, 1997.

Море слов откровенного смысла
полно,

Этот смысл я читать научился
давно.

Но когда размышляю о тайнах
Вселенной,

Понимаю, что мне их прочесть
не дано.

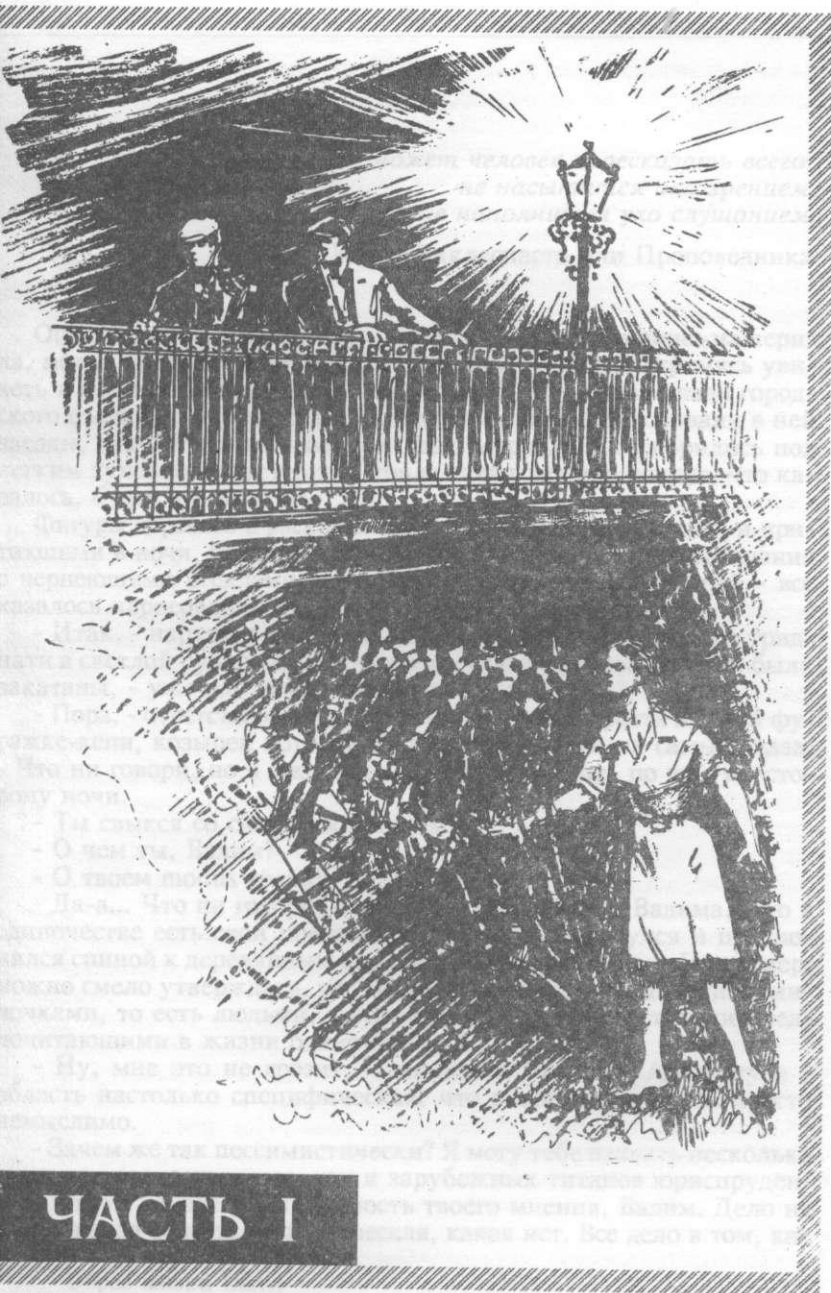
Абу-али Ибн Сина

От автора

Прочитав название книги, уважаемый читатель, вполне может подумать о лихо закрученном сюжете, об убийствах, погонях и выстрелах, которыми так изобилуют произведения подобного рода. Однако вас ждет нечто другое. И все же не спешите с разочарованием откладывать книгу в сторону, решив заняться более полезным делом; в конце концов, полезнее чтения ничего нет. Это понимали еще в глубокой древности: вспомните священную Книгу Ездры" из Ветхого Завета и слова, с которыми обратился народ к великому книжнику: «Встань, потому что это твое дело, и мы с тобою: ободрись и действуй!».

Долгие годы мы свято верили в непогрешимость официальной науки, принимая все непонятное и загадочное за предрассудки и суеверия, за пережитки прошлого, считая вздором или, в лучшем случае, беспочвенной фантазией. Сегодня искусственные ограничения теряют над нами власть, мы можем открыто верить или не верить вещим снам и приметам, ясновидцам и прорицателям, экстрасенсам и гадалкам, знахарям и целителям, но каждому следует помнить о высшем разуме, который выведет на тропу истины, добра и справедливости.

Открой следующую страницу, любознательный друг мой, войди в мир, близкий и понятный тебе. **ОБОДРИСЬ И ДЕЙСТВУЙ!**

ЧАСТЬ I

*... Не может человек пересказать всего;
не насытится око зрением,
не наполнится ухо слушанием.*

Книга Екклесиаста или Проповедника

Они остановились на широком мосту и, облокотившись на перила, молча смотрели в черную глубину воды, словно стремясь увидеть в ней нечто, отвечающее их мыслям. Но водная гладь городского озера была спокойна и безмолвна, лишь поблескивали в ней звезды, как светлячки в ночном лесу, мерцали и серебрились под легким дуновением ветерка. Стояла такая тишина вокруг, что казалось, будто все вымерло.

Фигуры деревьев с раскидистыми кронами, молчаливыми и пригнанными в ночи, уснувшие городские улицы, многоэтажные здания с чернеющими стеклами окон, огни электрических фонарей - все казалось нарисованным задумчивой кистью художника.

- Итак, - нарушил молчание Вадим, молодой человек лет тридцати в светлой рубашке крупными клетками, рукава которой были закатаны, - уже час ночи, и не пора ли по домам?

- Пора, - ответил его товарищ, невысокого роста в белой фуражке-кэпи, козырек которой был опущен почти на самые глаза. - Что ни говори, но я уже привык ложиться спать по другую сторону ночи.

- Ты свыкся со своим состоянием?

- О чем ты, Вадим?

- О твоём *modus vivendi*.

- Да-а... Что ни говори, - не сразу ответил друг Вадима, - но в одиночестве есть свои преимущества. - Он повернулся и прислонился спиной к деревянным округлым перилам моста. - Например, можно смело утверждать, что все великие открытия делались одиночками, то есть людьми, в большей или меньшей степени предпочитающими в жизни одиночество.

- Ну, мне это не грозит, - засмеялся Вадим. - Адвокатура - область настолько специфическая, что новое слово в ней просто немыслимо.

- Зачем же так пессимистически? Я могу тебе назвать несколько имен как отечественных, так и зарубежных титанов юриспруденции, чтобы доказать ошибочность твоего мнения, Вадим. Дело не в том, какая область специфическая, какая нет. Все дело в том, как

ты к ней относишься. Хочешь анекдот о курином яйце, которое Христофор Колумб поставил на стол?

- Ну?

- Как известно, он открыл Америку. Однако интриганы и завистники говорили, что его заслуга ничтожна и что подобное открытие мог бы сделать всякий. Колумбу надоело выслушивать эти бредни. Однажды во время большого придворного вечера, он велел принести куриное яйцо и попросил своих критиков поставить его на одном из лакированных столов дворца. Многие, считая это дело простым, брались, но ни у кого не получилось. Когда все желающие потерпели неудачу, Колумб взял яйцо, слегка ударив им по столу, поставил на смятый конец. А вывод, пожалуйста, сформулируй сам...

- Насколько я понимаю, успех всякого дела заключается в умении за него взяться?

- Совершенно верно. Или взять хотя бы Демосфена. Эта личность известна каждому школьнику. Природа наделила его слабым голосом, косноязычием и нервным подергиванием плеча. А ведь он так хотел быть оратором!.. Чтобы избавиться от косноязычия и развить голос, он уходил на берег моря, набирал в рот морские камешки и часами упражнялся в произнесении речей, стараясь заглушить ими шум прибоя. А чтобы избавиться от другого своего недостатка, он подвесил меч к потолку так, чтобы его острие подходило к самому плечу и при каждом подергивании кололо его... Целеустремленности нам не хватает - вот чего. Веры и целеустремленности.

- А я почему-то считал, что именно эти качества превалируют в нашей жизни, - усмехнулся Вадим. - Ведь вся наша действительность - свидетельство этой веры, целеустремленности и готовности совершить подвиг.

- Не верится, что это твоя точка зрения.

- Я вполне серьезен.

- В таком случае ты высказал мнение комсомольского секретаря... Я старше тебя на целых семь лет, и поэтому послушай, что говорит тебе старик. Вадим, боюсь, что в своей столице ты оторвался от реальности. Иначе ты заметил бы, что люди в основе своей погрязли в мелочах и суете. Громаднейшее большинство не умеет наблюдать, смотрит, но не видит, ощущает, но не чувствует. Мы потеряли привычку размышлять о виденном, искать связи между предметами иной раз самыми простыми. Мы живем, словно в каком-то летаргическом сне, но не замечаем этого и воспринимаем этот сон, если хочешь, как сказочное путешествие в безоблачное завтра...

- Здесь я с тобой согласен: духовное оскудение налицо.

- Да еще и какое! И оно возникло не сегодня... После окончания института я работал учителем в средней школе в одном рабочем

поселке. И вот всем классом посмотрели кинофильм по рассказу Шолохова «Судьба человека». Вечером после кино идем домой. И один из десятиклассников делится впечатлением: «А этот пацан, какой брехун, а!» Осторожно спрашиваю: «Почему ты так думаешь? Где и что он наврал?» «Ну, как же: выдал себя за сына этого мужика! А он никакой не сын. Не говорит ни имен, ни фамилий...» Ты знаешь, я растерялся, даже слов не нашел вначале. И дико не то, что я так и не смог пробиться к его душе. Дико то, что этот вопрос мог возникнуть. Да что я тебе говорю? Твоя адвокатская практика, наверное, потеряла счет примерам человеческого бездушия, лицемерия, подлости, нравственной деградации...

- Тише! - остановил вдруг Вадим своего друга. - Кажется, мы не одни.

Смутно в отдалении замаячила тонкая фигура и стала приближаться к ним. Когда она подошла вплотную, друзья увидели, что это была девочка-подросток в узкой короткой юбке и темной блузке с коротко подобранными рукавами. Появление ее было столь неожиданным, что они замолчали. В наступившей паузе прозвучал тихий немного надтреснутый девичий голосок:

- Закурить есть, ребята?

Рассеянный свет уличного фонаря, находящегося в трех десятках метров, падал сбоку, оставляя лицо незнакомки в тени. Густые волосы вились локонами по щекам, свободно опускались на плечи.

- Что же вы молчите? - девочка улыбнулась.

- Мы не курим, - сдержанно ответил Вадим.

- Жаль, - проговорила незнакомка, не двигаясь с места и, видимо, возымев желание вступить в разговор.

- Простимся, Вадим. Пока.

- Я завтра позвоню тебе, если не смогу зайти.

- Договорились... В какое время?

- Точно не скажу... Ведь мне пора уезжать. Вечером, может быть.

- Хорошо... Если у тебя получится, потому что...

Товарищ Вадима пристально посмотрел на девочку, словно пытаясь рассмотреть ее лицо, затем перевел взгляд на своего друга, сжал вдруг его локоть и повернулся уходить.

- Что ты имеешь в виду, САНТИЛЬЯНА?

- Пока, дорогой, - последовал тихий ответ.

И сутуловатая фигура товарища стала удаляться, пока не исчезла в темноте.

- Ну и прощаньице!..

Не отвечая, Вадим повернулся и направился в сторону ярко освещенной площади. Незнакомка последовала за ним, не отставая ни на шаг.

- Я вижу: нам по пути, - вежливо проговорил он, улыбнувшись одними губами. Происходящее стало казаться ему забавным.

- Пока да, - последовал короткий ответ.

Чуть повернув голову и скосив взгляд, он увидел овал довольно милovidного лица. Однако рассматривать свою нечаянную спутницу он посчитал неприличным и медленно произнес:

- Интересно, о чем сейчас думают ваши родители?..

Девочка не ответила. Шлепающие звуки - так слегка ударяют ладонью по гладкой поверхности стола - побудил его опустить голову и изумиться: на ногах попутчицы не было обуви.

- Вы - босиком? - только и смог выговорить он.

- Чем ближе к природе - тем здоровее, - усмехнулась незнакомка.

Против подобного постулата возразить было нечего. Прошла минутная пауза, в течение которой они пересекли площадь и углубились в отходящую от нее улицу.

- Я даже в школу ходила босиком, - нарушила молчание попутчица.

- Судя по вашему виду, вы действительно школьница. Класс десятый или одиннадцатый.

- Я закончила девять классов пять лет назад и на этом поставила точку.

- И вы не пытались куда-либо поступать?

- Нет.

- Почему?

Девушка пожала плечами и с прежней усмешкой ответила:

- Так.

Они подошли к перекрестку и остановились.

- Мне в ту сторону, - сказал Вадим, указывая налево.

- А мне туда, - кивнула девушка прямо, где сразу после освещенного перекрестка начинался глухой мрак, в котором не проглядывалось ни единой светящейся точки - фонаря.

- Я не простил бы себе, если бы оставил вас посреди улицы в два часа ночи. Вас проводить?

- А вы хорошо знаете город?

- Постараюсь не заблудиться.

- Я спросила вас, потому что мне кажется, что вы не местный.

- Нет, почему же?.. Я здешний, но в настоящее время живу и работаю в Москве.

Улица, погруженная в ночной мрак, напоминала туннель, стиснутый с обеих сторон деревянными, будто вымершими домами. Звезды исчезли. Навстречу - сверху, с боков, снизу - наполнила какая-то хмара, клубилась, скрадывая едва различимые очертания местности. Вадиму вдруг пришло на ум, что не так уж редки случаи, когда молодая красавица увлекала какого-нибудь неосторожного, случайного кавалера за собой, а потом он оказывался избитым и ограбленным. Но пытаться было уже поздно. К тому же в сложившихся обстоятельствах было нечто романтическое и авантюрное, что было близко его душе с детских лет.

- Раз мы вместе, то давайте познакомимся, - сказал он и при-

держал девушку за локоть, ибо темень казалась настолько кромешной, что под ногами даже не видно было земли. - Вадим Суходосев, адвокат.

- Ого! - воскликнула незнакомка и засмеялась. - Ну, и везет же мне на мусор!

- Простите, я что-то не понял. В каком смысле?

- Не обращайтесь внимания... Мое имя знаменитое - Маргарита.

- Очень приятно... Но позвольте спросить: чем же вы так знамениты?

- Неужели вы не слышали обо мне?

- А что я о вас должен был слышать?

- Ну, как же?... «Маргаритка» - мое имя превратилось в кличку, как у кошки или собаки, и гремит не только по всему городу, но и району.

- Простите, честное слово, я об этом ничего не знаю.

- Вы, наверное, разыгрываете меня. Здесь каждый камень, каждый придорожный столб знает, кто такая «Маргаритка». А фамилия моя - Иванченко. Маргарита Иванченко...

- Простите еще раз мою неосведомленность... Но чем же вы так прославились, Рита? Какими деяниями?

- Придете домой - спросите у мамы. Или хотя бы у вашего друга, если он местный... Кстати, как вы его назвали? Какое-то странное имя. Или - кличка?

- В нашей жизни много странного, Рита.

Мрак улицы казался бездонным. На расстоянии вытянутой руки ничего нельзя было разобрать.

- Мы не заблудились? - полушутливо спросил Вадим, по-прежнему придерживая девушку за руку.

- Нет... Вот здесь поворот... И дальше метров двадцать.

- Вашей ориентации просто позавидуешь.

Через несколько минут они уперлись в высокий забор и калитку в нем. Рита нажала шеколду.

Вадим стоял, не решаясь последовать за ней.

- Ну, что же вы? Не зайдете?

- Поздно, наверное... Два часа ночи, все спят.

- Если меня нет дома, никто не спит.

Она стояла в такой близости от него, что он ощутил на своем лице ее теплое дыхание.

- Неудобно все-таки...

Девушка потянулась к нему всем телом, и Вадим почувствовал на своих губах ее влажные сочные мягкие губы.

- Зайди, не бойся, - прошептала Маргарита, как-то незаметно переходя на «ты». - Я же говорю тебе, что никто не спит... Подожди здесь, я посмотрю, как дома. Только не уходи, хорошо?

- Хорошо.

Она взяла его за руку и потянула за собой по дорожке в глубину двора, пока они не очутились перед массивной широкой дверью.

Рита несколько раз довольно громко постучала. Через несколько секунд что-то внутри задвигалось, заскрипело, послышался хриплый женский голос:

- Кто там?

- Это я, мама.

Звякнули откинувшиеся крючки, и девушку поглотила тьма сеней.

Вадим стоял, не шевелясь, словно находясь в полусне. Происходящее напоминало именно авантюру, которую затеял и которой дал ход он, Вадим Суходоев. Он не мог себе объяснить, зачем познакомился с этой девушкой, зачем проводил ее и чего теперь ждет у открытых незнакомых дверей в два часа ночи. Он не был ловеласом и любовными похождениями не увлекался. По окончании средней школы он уехал к родственникам в Москву, там же закончил юрфак университета и там же остался работать, иногда выезжая домой навестить друзей и стариков-родителей. Сегодняшнее приключение ему совершенно не было надобно, его вполне можно было бы избежать, тем более что через два дня отпуск его кончался. К тому же какое-то смутное предчувствие говорило ему, что он начинает шутить с огнем. И может быть, лучше всего пока не поздно сейчас взять и уйти - и никаких последствий, разве только нечаянное воспоминание об этой нечаянной встрече... Однако он стоял, словно загипнотизированный минуты две или три, пока вновь не скрипнула дверь и перед ним не возникла тоненькая фигурка Риты.

- Пойдем, - почему-то шепотом сказала она, на мгновение прильнув к нему снова. И прошло определенное время, прежде чем это мгновение кончилось и они проследовали в дом.

Вслед за Ритой он перешагнул высокий порог и очутился в весьма просторной кухне, залитой электрическим светом, который из темноты показался ему просто ослепительным. За столом у окна стояла старая растрепанная женщина. Седые пряди ее волос были всклопчены, дряблые мутно-красные щеки обвисли, а под глазами темнели круги. На ее узких плечах, как на вешалке, висел халатик, весь замызганный, неопределенного грязно-серо-желтого цвета. Прямо на выступающем пороге сидел полураздетый, в брюках, мужчина лет сорока, подогнув ноги в стоптанных туфлях и свесив длинные костистые руки вдоль колен. Он не сделал ни малейшего движения посторониться, так что Вадиму, чтобы пройти пришлось несколько повернуться боком. Другой, значительно моложе, полулежал у входа в затемненную комнату, дверь в которую была открыта, и курил. Сизый дымок растекался по воздуху, распространяя приторный удушливый запах самосада. Рубашка на парне была расстегнута до пояса, обнажая бронзовое литое тело без единого волоса.

Из затемненной комнаты вышла женщина лет двадцати пяти, оправляя сбиту ю в комок прическу. На ней была черная шелковая

блузка с подобранными рукавами и такая же, как у Маргариты, юбка. По неестественному цвету ее округлого лица и свисавшим прядям темно-каштанового цвета Вадим понял, что эта женщина была пьяна. Пьяна была и старуха, вероятно, ее мать. Пьяны были и мужики, воззрившиеся на него с нахальным любопытством.

- Притон! - прокричал Вадиму внутренний голос, однако он ничем не выдал этой неприятной мысли. Лишь вдруг всплыла в памяти неоконченная фраза товарища, с которым полчаса назад он простился: «Если у тебя получится, потому что...»

На что намекал САНТИЛЬЯНА? Или он предвидел последствия?

- Здравствуйте, - кивнул Вадим женщинам, скупно улыбнувшись. Затем он протянул руку сначала сидевшему на пороге, потом лежащему напротив.

- Проходи сюда, Вадим, - торопливо проговорила Рита, указывая влево на еще одну дверь, которую он сразу не заметил. - Это моя комната, - сказала она, закрывая за собой дверь. - Без моего разрешения сюда никто не посмеет войти. Садись, - она придвинула к нему деревянный табурет и, помедлив секунду, добавила - Посиди немного, я пойду кое-что соображу.

Представилась возможность осмотреться и оценить ситуацию. Комната была небольшой, продолговатой, с двумя окнами. У одного окна стоял четырехугольный столик, накрытый цветистой скатертью. На нем примостилось округлое зеркало на подставочке, и лежали в беспорядке предметы женского туалета: расческа, булавка, пинцетик, раскрытая пудреница, катушка белых ниток с воткнутыми в нее двумя иголками. У стены справа от входа стояла аккуратно убранная кровать, упирающаяся в простенок у второго окна, на широком подоконнике которого лежали книги, тетради, альбомные листы бумаги и прочие предметы канцелярского предназначения. В куче этих предметов Вадим усмотрел дырокол, чему очень удивился, и пресс-папье, вызвавшее у него недоумение. Над кроватью на стене висела лубочная картина весьма пикантного содержания: обнаженная девушка с китайским личиком лежала в свободной позе на заросшем зеленой травкой берегу пруда и смотрела на двух лебедей, плавающих бок о бок посередине. Напротив кровати возвышался образца 60-х годов гардероб светлой полировки, на котором почти до самого потолка были навалены какие-то вещи, накрытые плотным серым покрывалом. Судя по обстановке, в этой комнате шла обычная рядовая жизнь без каких бы то ни было претензий и устремлений в заоблачные выси.

Вошла Маргарита, неся два стакана, до половина наполненных красным вином.

- Вот все, чем удалось разжиться, - сказала она, поставив перед ним стаканы и садясь прямо на кровать. - Может, принести закусить? Там еще остались котлеты.

- Спасибо... Я не голоден.

Теперь при свете электрической лампочки Вадим имел возможность рассмотреть свою случайную знакомую. На вид девушке действительно было лет восемнадцать. Чертами лица она напоминала китайночку с лубочной картины, нарисованной, без сомнения, искусным художником. Только лицо Маргариты было смуглее, а брови чернее и тоньше. Черные волосы обрамляли ее овальное личико с мягким подбородком и пухленькими губками, спускались свободно на узкие плечики и почти закрывали длинную тонкую шею. Весь облик ее был болезнен и хрупок, однако черные глаза с длинными ресницами смотрели прямо, даже несколько вызывающе, едва ли не гипнотизируя.

- Выпьем? - девушка держалась независимо и откровенно изучала его.

Вадим принял стакан, улыбнулся. Приключение становилось забавным и непредсказуемым.

- За знакомство?

- Если хочешь.

- Как-то неудобно даже, - сказал он спустя минуту. - Вот так сидим, пьем вдвоем, а там... родные.

- Не бери к сердцу... Моя матушка уже хороша. Пьют с вечера. А это ее гости, так сказать, друзья семьи... Не бойся, сюда никто не сунется.

Она подошла к двери и накинула массивный крючок.

- Уже поздно, Рита. Надо идти, - нерешительно проговорил Вадим.

- Куда идти?.. Переночуешь у меня.

Она приблизилась к нему, тут же села на колени и крепко обхватила своими тонкими руками.

- Никуда не пойдешь. Я не пушу... Сегодня ты мой.

- Рита, а что подумает твоя мама?.. А гости?.. Не надо так сразу.

- Надо... Разве я тебе не нравлюсь?.. - она вскочила с его колен и стала расстегивать блузку. - Посмотри, тебе нравится мое тело?

С изумленной растерянностью Вадим смотрел, как она в течение нескольких секунд сбросила с себя блузку, лифчик, юбку.

- Что ты делаешь, Рита?!

- Посмотри на мой бедра!..

Она откинула трусики в сторону и остановилась перед ним, изогнувшись как манекенщица на вернисаже мод. В растерянности он не мог вымолвить ни слова. Дальнейшее происходило стремительно, непредсказуемо, словно в каком-то лихорадочном сне. Схватив его за руку, Рита упала навзничь на кровать, потянув Вадима на себя. И он, не в состоянии сопротивляться, тоже упал на ее горячее, упругое, дрожащее тело.

- Рита, зачем так? Зачем так сразу? - повторял он, сжимая ее в объятиях и почти не отдавая себе отчета в том, что делает.

- Я хочу... хочу... Ты мой!.. Мой!..

Ее руки стаскивали с него одежду, и не было сил сопротивляться такому ее бурному натиску. Еще бы несколько секунд и, вполне вероятно, произошло бы то, что должно было бы произойти в подобной ситуации, но внезапно раздался стук в дверь, и голос старухи сварливо прокричал:

- Ритка, открой!.. Зачем закрылась? Открой, я тебе говорю.

- Не обращай внимания, - обжигаяще шептала девушка ему в плечо, двигаясь всем телом.

Но стуки в дверь, сильные и упорные, повторились, а голос стал раздраженнее и еще сварливее:

- Ритка, сука, открой! Я кому сказала?.. Открой!.. Сука, ты кого привела?.. Сука, проклятая, ты кого привела? Открой, пока дверь не сломала!..

Вадим пытался освободиться от девушки, однако она крепко обхватила его руками и ногами, удерживая на себе.

- Пусти, я не могу так, - вырывался он.

А между тем старуха озлобилась, и сражение с закрытой дверью вступило в иную стадию.

- Ну, подожди же, сука, я тебя достану, - прозвучала за дверью угроза, и через секунду гулкие удары в дверь возобновились с нарастающей силой. Вадим догадался: старуха вооружилась топором.

- Мама, перестань, - донесся слабый женский вскрик.

Мужики громко захохотали. Под градом ударов дерево затрещало, дело начинало принимать нешуточный оборот. Наконец, Вадим смог вырваться из объятий своей возлюбленной и сел на кровати.

- Вот старая стерва! - сквозь зубы прошипела Маргарита. - Ну, я ей сейчас покажу!..

Она вскочила с постели, накинула на свое разгоряченное тело халатик, обернула шнурок вокруг талии и прыгнула к дверям. Массивный крючок отлетел, и дверь распахнулась настежь. Глазам Вадима представилась следующая картина: чуть отступив назад, старуха уже изготвилась нанести очередной удар топором. Волосы ее разметались, глаза совершенно белые с вращающимися темными зрачками готовы были, казалось, выскочить из орбит. Мужики, по-прежнему оставаясь на своих местах, пьяно хохотали, подзадоривая ее своими криками; молодая женщина, ее старшая дочь, пыталась оттащить свою мать от двери.

- Что тебе надо, стерва? - неожиданно звонким голосом закричала Рита. - Что ты прицепилась, как репей к собачьему хвосту?

- Кого ты привела, потаскушка? - пяясь от неожиданности, прокричала в ответ старуха. - Кого ты привела, сучка ты подзаборная?

- Не твое собачье дело!.. Пошла вон отсюда, - последовал не менее пронзительный выкрик, и звонкая пощечина на лице матери

на какое-то мгновение воцарила тишину. Но в следующую секунду раздался оскорбленный старухин вопль:

- А-а-а, на мать родную руку подняла, зараза!.. А-а-а!.. Суко-тина! На родную мать!..

И старуха кинулась на нее, выставив руки с растопыренными пальцами.

- Стерва старая, чтоб ты сохла!

- Потаскушка, сука, сама сохни поскорей!..

Мать и дочь сцепились посреди кухни, таская друг друга за волосы, а старшая бегала вокруг них, пытаясь разнять. Мужики хотали, громкими возгласами распалая дерущихся:

- Так ее!.. так!..

- Тащи за волосы!..

- Врежь ей под дых!

Происходящее казалось Вадиму настолько нелепым и безобразным, что просто не укладывалось в голову. Как он, московский адвокат, со- лидный и уважающий себя человек, мог оказаться в этом притоне, окунуться в это дно, которое увидишь разве что в каком-либо кино или прочитаешь о нем в книжке? В мгновение ока он оказался у выхода, однако Рита заметила его и, сбив свою мать с ног, вы- кочила за ним следом в темные сени.

- Рятуйте, люди добрые! - кричала старуха, сидя на полу и пьяно плача под хохот своих гостей. - Вот до чего дожила: родная дочь из-за какого-то паршивого кобеля готова убить родную мать... Сука, из сук сука!.. А-а-а!..

Весь дрожь не то от увиденного, не то от ночной свежести, охватившей все его существо, Вадим выскочил за калитку и перевел дыхание.

Рита, оказавшись рядом, прижалась к нему и тихо, срывающимся голосом сказала:

- Извини, Вадим, извини, что так получилось. Но моя матушка, особенно когда выпьет, просто теряет разум... Завтра она будет, как ангел. И начнет уверять, что ничего не помнит, и будет просить прощения. Извини, тысячу раз извини...

Она дернула шлейку халата, распахнула его полы и вновь при- лнула к нему дрожащим горячим телом.

- Я знаю: теперь ты больше не придешь. Знаю... Тебе расскажут про меня гору всякой всячины... Но ты мне понравился, и я... я хотела сделать тебе приятное...

Вадим почувствовал, как начинает кружиться голова. Им вдруг овладело безудержное желание. Там, в комнате, подобного он не испытывал.

Губы слились в бесконечном захватывающем поцелуе, а ладони его гладили и мяли ее юное упругое тело. Так прошла минута этой пьянящей сладостной близости. И казалось, ничто сейчас не могло ему помешать взять то, что само шло в руки. Но внезапная мысль вдруг пронзила его и заставила остановиться: «А вдруг она - больная?!»

Осторожно отстранился и запахнул ей халатик.

- Что ты, Вадим?

- Простудишься, Рита... До свидания. Надо идти.

- Ты придешь, Вадим?.. Придешь?

- Не знаю.

- Приходи. Для тебя двери всегда открыты... А я буду ждать тебя.

- Не знаю, - тихо, почти шепотом повторил он, целуя опять ее в губы.

И вдруг нечто похожее на жалость колыхнулось в его душе. Девушка стояла, опустив руки, робко взглядывая на него снизу вверх, словно боясь до него дотронуться.

- Я постараюсь, - тихо произнес он. - Но ты понимаешь, Рита, завтра я иду за билетом... Даже не завтра - сегодня! Мне пора уезжать.

- Я буду ждать тебя.

- До свидания... Я... я постараюсь.

Вадим, чувствуя, как все более кружится голова, отвернулся и шагнул в темноту.

- Ты слышишь, Вадим? Я буду ждать тебя, - последние ее слова прозвучали шелестом ветерка в кронах деревьев.

Как будто бы посветлело: ночь, наверное, засобиралась на убыль.

Вновь проглянули звезды. Стояла тишина, лишь порой время от времени взлаивали где-то далеко собаки. Предутренний ветерок освежал лицо, проникал за воротник рубашки, ознобом проходил по телу. И в эту минуту случившееся представилось ему каким-то нелепым, бессмысленным сном, какой может возникнуть только в воспаленном больном воображении.

Он проснулся в двенадцатом часу дня и некоторое время лежал без движения, глядя на солнечные блики, падающие из высокого окна сквозь наполовину задернутые шторы. Побаливала голова то ли от того, что плохо спал, то ли от мыслей о ночном приключении, которые, казалось, и не думали его оставлять. Настроение было подавленное.

Идти или не идти к своей случайной знакомой? Нравится она ему или не нравится?.. Глухое раздражение на себя вскипало именно от того, что больше ни о чем другом не думалось. Этот неожиданный ФЛИРТ перед отъездом с девицей, судя по всему самой заурядной провинциальной проституткой, действовал на нервы, вызывая какое-то гнетущее чувство пустоты в душе. С подобными девицами по Москве он сталкивался не раз, хотя близко никогда не сходилась. Однако он видел: те умели *подать* себя, слывя в глазах окружения едва ли не «принцессами», «леди», «недотрогами». Здесь же все было до примитивности просто, обыденно, как глоток воды. Мар-

гаритка... «Здесь каждый камень, каждый придорожный столб знает, кто такая Маргаритка», - всплыл в его сознании полунасмешливый с ноткой горечи голос...

Приняв ванну, Вадим прошел на кухню. На столе лежала записка от матери, сообщавшая, что завтрак находится в холодильнике и на плите. Вадим знал, что, несмотря на субботу, в школах города был рабочий день. С понедельника начинался августовский педсовет для всех учителей города и района. Отец и мать, конечно, сейчас были на рабочем совещании в своей школе. Неторопливо допивая разогретое молоко, Вадим решил съездить на железнодорожный вокзал, взять на завтра билет до Москвы. А потом позвонить своему другу и договориться о встрече. Они дружили со школьных лет, ибо не только учились в одной школе, но и были соседями. Их квартиры находились рядом, в четырехэтажном доме на третьем этаже. Потом жизнь их разъединила. Вадим закончил среднюю школу и уехал в Москву, а его товарищ по окончании института укатил в Прибалтику, работал преподавателем русского языка и литературы, женился, однако неудачно. Несколько лет назад умерла его мать, и он, разведясь к тому времени с женой вернулся домой. Но квартира была уже потеряна. Веселый и общительный по характеру, каким знал его Вадим, после неудачной женитьбы и смерти матери его товарищ сделался неразговорчивым, замкнутым и нелюдимым. Друзей у него не было, но с Вадимом сохранились теплые отношения в память, наверно, совместному детству и отрочеству.

Автобусом Вадим доехал до железнодорожного вокзала, купил билет на пассажирский поезд «Гомель - Москва» и вышел на при вокзальную площадь. Ярко светило солнце. Несколько такси стояло в конце площади у сквера, заполненного пассажирами. Во всю шла торговля квасом. Потолкавшись среди людей и заглянув в стационарные киоски, Вадим вошел в будку телефона-автомата и набрал номер общежития педагогического училища. Только вчера он узнал, что его друг работает там воспитателем, и был чрезвычайно изумлен этой новостью.

- Сменить должность инспектора РОНО на должность воспитателя общежития?! Ты с ума сошел?!

- С новым заведующим я не сработался бы. Дремучее педагогическое невежество в сочетании с безграничным самомнением - ты представляешь, что это за суррогат?.. Но его рекомендовал нам райком партии и утвердил обком. Я ушел подальше от греха... И к тому же мне в училище директор пообещал преподавательскую работу.

- И когда он пообещал?

- Прошло уже два года.

- И ты веришь, что это обещание будет выполнено?

- Пока - верю.

- Я не понимаю тебя, САНТИЛЬЯНА... Неужели ты не знаешь,

что из всей иерархии педагогических должностей должность воспитателя стоит самой последней? Ты стал пушкинским *станциионным смотрителем* - вот кем ты стал!.. Даже и того ниже. Ибо в обиходе бытует мнение, что воспитателями обычно становятся или неудачники, или люди педагогически бездарные, интеллектуально ущемленные.

- Ничего, - хладнокровно заметил товарищ. - В этой должности я не задержусь, зато она научила меня лучше разбираться в людях.

Узнав у дежурного вахтера, что воспитатель еще не пришел, Вадим не стал дожидаться автобуса и неторопливо пошел прямо по улице к центру города. Во всей природе чувствовалась устоявшаяся теплота последних летних дней. Но уже под ногами то тут, то там валялись опавшие с дерсвьев желтые листья. Эти листья уже расцвели и зелень берез, лип и тополей. Чувствовалось приближение ненастной осенней поры не только в этом, но и в нежарких лучах солнца, и в стайках воробьев, оживленно щебечущих по кустам и прыгающих по дорожкам, и в невысоком небе, подернутом тонкими, как кисея, белесыми облачками, да и в самом воздухе, сразу свежавшем при дуновении ветерка.

Мимо и навстречу ему шли люди, Вадим не узнавал их. Город, в котором он родился, учился, вырос, в котором было все знакомым до последнего, казалось, камня, стал буквально неузнаваемым за те несколько лет, которые он жил в Москве. Стало больше новых многоэтажных домов, появились новые переулки, панно, обелиски. Бывшие одноклассники разлетелись тоже по всей стране. Да и помнит ли кто его? У каждого своя жизнь, свое хобби, своя цель, свой путь. Ни с кем он не встречался, не переписывался и практически ничего ни о ком не знал... Вот только САНТИЛЬЯНА, странный и необъяснимый, только с ним сохранилась связь.

Вчера Вадим рассказал сон, приснившийся ему на днях, глупейший и бессмысленный, по его мнению, который только может присниться. Будто бы он едет на велосипеде по дорожке, которая заросла травой. И вдруг впереди яма, остановиться он уже не может, с налету на полном ходу преодолевает ее, но падает прямо в лужу за ней. Откуда-то собираются мальчишки, и Вадим в сердцах говорит: «Что же вы не поставили дорожный указатель, что здесь нельзя ехать? Хоть бы палку воткнули с какой-нибудь тряпкой - и то было бы видно!..» Велосипед совершенно сломан: переднее колесо, правда, нормальное, но заднее согнуто восьмеркой, крышка и камера даже выступили из обода. Присев тут же у лужи, Вадим взялся за это колесо, намереваясь его поправить, и ... проснулся. САНТИЛЬЯНА, не перебивая, внимательно выслушал рассказ Вадима и потом на полном серьезе сказал:

- Тебя ждет какая-то неожиданность, приятная или неприятная - не могу сказать, но ты из нее выберешься - это факт.

- Ну, ты наговоришь, - засмеялся Вадим, - словно оракул какой.

Все это чушь!.. Ты же сам знаешь, что я на велосипеде даже не умею ездить.

- Это не важно... Я считаю, что над каждым сном, какой бы тебе не приснился, необходимо хорошенько поразмыслить. Ведь сновидения отражают нашу жизнь, то есть то, что было, что есть и что может быть. В последнем случае они являются пророческими или вещими. Вот как бы ты растолковал увиденное?

- Я не верю в сны.

- Зря... Послушай меня. Яма предвещает в прямом смысле смерть, но ты миновал ее и упал в лужу. Это нечто неприятное, грязное, скорее всего, дурное общество или нехорошая кампания, о чем свидетельствуют и мальчишки, собравшиеся вокруг тебя. Сломанный велосипед - это, скорее всего, твои взгляды, привычки, возможно, и принципы, которые подвергнутся определенному воздействию со стороны. И даже сама дорожка, заросшая травой, по которой ты ехал, предвещает эту неожиданность... Но в конце концов все кончится для тебя благополучно.

- Странно все это от тебя слышать, - все так же со смехом сказал Вадим. - С одной стороны, учитель - человек с высшим образованием, воспитывающий и обучающий детей, с другой - эта-кая философия, опкулизм чистейшей пробы, противоречащий материализму...

- Предположим. Но как ты посмотришь на следующие факты. В «Комсомолке» когда-то была напечатана интереснейшая вещь о знаменитом испанском матадоре Мануэле Бенитесе. Любители боя быков его прозвали «Эль Кордобес». Так вот шесть лет подряд этот безумный смельчак заставлял почитателей корриды ломать голову над единственным вопросом: каким образом он останется живым? Он ввел в корриду трюки, от которых оторопь брала не только публику, но и его товарищей по работе. Он вскакивал на спины разъяренных быков, прыгал через них, хватаясь руками за рога. На всех его представлениях места были забиты до отказа. Но в один прекрасный день карьера его вдруг закончилась. Оказывается, он увидел сон, в котором некто ему приказал: «Остановись, безумец!» И, проснувшись, он немедленно повиновался. Он отказался выступать сразу и бесповоротно, и все 77 его запланированных на год выступлений были отменены... Вот тебе пример пророческого сна. Если бы Мануэль Бенитес игнорировал предсказание, его жизнь закончилась бы в тот же день на рогах быков.

- И сейчас он жив?

- Наверное, хотя с тех пор прошло, видимо, лет двенадцать.

- И чем же он стал потом заниматься? - вновь спросил Вадим: рассказ товарища произвел на него сильнейшее впечатление.

- Стал заниматься земледелием, разведением баранов и так далее... Но дело не в этом, а в том, что если мы воспринимаем обычный ночной сон как торможение, охватывающее почти все отделы головного мозга под воздействием определенных условий, то сновидение

является своего рода охранником, стоящим на страже человеческого естества, если хочешь, барометром, предсказывающим погоду...

- Эти взгляды так же стары, как мир, дорогой мой. Еще древние воспринимали сон как временное отделение души от тела, уход ее в странствие. Этим же объяснялась и загадка сновидений - приключения странствующей души заснувшего человека. Но ведь это было в древние времена, когда остро ощущался недостаток научной информации. И люди по-своему истолковывали непонятные явления... Материалистическое учение нам объясняет, что...

- Материализм - это догма, лишенная кругозора. Вспомни Александра Македонского, величайшего полководца древности, который собственно и действовал так, как предсказывали ему прорицатели и жрецы. Желая однажды узнать у бога о предстоящем походе, он обратился к одной прорицательнице, но та не явилась, ссылаясь на закон, запрещавший предсказывать в этот день. Тогда Александр сам пошел к ней и хотел силой притащить в храм. Увидев его, жрица воскликнула: «Ты непобедим, сын мой!» Александр Македонский сказал, что этого достаточно и он больше не нуждается ни в каких предсказаниях...

- Так ты хочешь сказать, что надо верить всем этим прорицателям и гадалкам, этим шарлатанам, которыми кишмя кишит любой базар?

- Вадим, верить - не верить - это личное дело каждого... Мы не можем отрицать, что в мире много происходит непонятных вещей, не поддающихся доводам современной науки. Зачем же сразу подвергать это непонятное бичеванию? Может быть, надо разобраться? И даже отступить от общепринятого утверждения?.. Я, например, не рискну каждую гадалку обвинить в шарлатанстве, хотя вполне допускаю, что она может врать напрапалую. Но тут, как говорится в литературе, есть еще законы жанра. Именно эти законы и создают порой видимость правдоподобия.

- Ты не учишься одного, САНТИЛЬЯНА, что арсенал приемов и способов у гадалок и всяких прочих ясновидцев до примитивности одинаков. Вот она смотрит на твою руку, на ладонь, и говорит, что тебя ждет дальняя дорога... Да Боже мой! Да мы каждый день куда-то идем или едем - вот тебе и дальняя дорога! Вещие сны, народные приметы, проницательность ясновидцев, мгновенные исцеления от болезни - всему этому можно без особого труда дать материалистическое обоснование. Все исходит от человеческой психики. Взять хотя бы так называемые вещие сны. Практически каждую ночь мы видим сны, которые по существу состоят из событий предыдущих дней. Но запоминаем мы лишь тогда тот или иной сон, когда наши предчувствия выполняются. То же касается и примет. Большинство из них, вроде перебежавшей дорогу черной кошки, является самой настоящей *рениксой*, то есть чепухой.

- Как сказать Вадим, как сказать... Я думаю, что не каждый сон отражает события предыдущих дней. Есть нечто другое, мало еще познанное, но самым тесным образом связанное с человеческой индивидуальностью. Благодаря вот этому нечто можно узнать практически все, что захочешь, раскрыть любую тайну и даже исцелиться от болезни... Русский психиатр Владимир Михайлович Бехтерев в одной из своих книг рассказывает о мальчике, который был парализован. Врачи оказались бессильны перед его болезнью. И вот однажды мальчику приснилась Божья Матерь, которая приказала ему поклониться святой иконе, находящейся в одной часовне по Шлиссельбургскому тракту. Эта икона была известна тем, что некоторое время назад молния ударила в часовню и все внутри разрушила, но образ Пресвятой Богородицы сохранился. Проснувшись, мальчик настойчиво начал просить, чтобы его отвезли к этой иконе. И когда желание это было исполнено, то оказалось, что уже во время молебна он встал на ноги, а после полностью излечился.

- Самовнушение, дорогой друг, самовнушение.

- Допустим... Но почему ему приснилась именно Божья Матерь и почему она его направила именно к этой иконе?..

Вадим вдруг с удивлением заметил, что как-то непроизвольно свернул на ту улицу, по которой шел этой ночью. Задумавшись, он уже успел миновать два квартала и вот теперь подходил к той самой калитке, за которой виднелась крыша дома его нечаянной вчерашней попутчицы... Вот оно как получается: ноги сами привели его туда, куда отказывалась вести голова, Нет у него силы воли, нет... А, впрочем, все равно завтра уезжать. А потом - хоть трава не расти. Поразмыслив таким образом, Вадим нажал щеколду калитки и вошел во двор. Входная дверь оказалась без ручки. Он постучал несколько раз, но изнутри не доносилось ни звука. Он сунул пальцы в широкое отверстие рядом с металлической накладкой и потянул на себя. К его удивлению, дверь со скрипом подалась, и Вадим очутился в тесных сенях, заставленных ведрами, кастрюлями, тазами, стеклянными банками и прочими атрибутами домашнего хозяйства. Он вновь постучал и, услышав чей-то неясный возглас, толкнул дверь вперед и переступил высокий порог.

Того беспорядка в комнате, который он увидел сегодняшней ночью, уже не было. Кухонный стол был застелен светлой чистенькой клееночкой, посередине стола стояла высокая стеклянная вазочка с букетиком незабудок, до половины наполненная водой. Два стула вплотную были придвинуты к столу, на чистом подметенном полу лежали коврики самодельной работы. Девушка, кото-

рую увидел Вадим, была сестрой Маргариты. Те же черты лица, тот же китайский разрез глаз, только ростом она была чуть повыше и фигурой покрупнее. Аккуратно подобранные волосы цвета темного каштана на затылке закреплял обыкновенный полукруглый гребень. От правого виска через голову протянулась седая прядь, словно полоса изморози на почерневшей от осеннего ненастья земле.

- Простите, - смущенно проговорил Вадим. Я общал Маргарите, что приду...

- Да-да, - торопливо закивала она. - Рита с минуты на минуту подойдет. Вы подождете?..

Вадим в нерешительности стоял у порога.

- Проходите... Меня зовут Галя, я сестра Риты.

Сегодня ночью эта девушка была изрядно пьяна, казалась потасканной и растрепанной. Сейчас же он увидел, что она довольно милновидна и не менее приятна по внешности, чем ее младшая сестра.

- Я вас узнала, - сказала Галя, смущаясь и краснея. - Это вы приходили с Маргаритой.

Не отвечая, он присел на пододвинутый стул.

- Вы давно знакомы с моей сестрой?

- Если быть точным, то еще нет и дня... 14 часов.

- Вы, наверное, приезжий. Я вас раньше не встречала...

Галя села напротив, положив свои руки на стол. У нее были длинные пальцы с чуть подкрашенными короткими ногтями. На указательном и среднем правой руки он увидел колечки из стальной проволоки. Обычно такие колечки в два-три-четыре витка, почти уже вышедшие из моды, носили девочки-школьницы. Старшая сестра Риты не делала никаких попыток понравиться, держалась скованно и казалась какой-то поблекшей, осунувшейся или от вчерашней попойки, или от болезни. И взгляд ее черных глаз тоже казался поблекшим, безжизненным.

- Я вас раньше тоже не встречал, - пошутил Вадим, - но не думаю, что вы - приезжая.

Шутка прозвучала грубовато, и чтобы сгладить возникшую неловкость, он сказал:

- Повстречались с Маргаритой мы в центре города... И не боится гулять одна в такое позднее время. Вас это не беспокоит?

- Она вполне самостоятельная особа. Девятнадцать лет... Няньки ей ни к чему.

- Но признайтесь: странно увидеть в час ночи девушку посреди города... У кого она была и где?

- Спросите у нее, - послышался равнодушный ответ. - Нам она не отчитывается.

- Вы втроем живете?

- Рита с матерью, а я... Отдельно, в новом микрорайоне.

- У вас там квартира?

- Да, двухкомнатная.
- И вы, простите... замужем?

Галя потупилась и, поджав пухлые, как и у ее сестры, губы, почти шепотом проговорила:

- Сейчас нет.
- Почему - сейчас?

- Я была замужем... Мой муж погиб два года назад. Ехал на мотоцикле и... опрокинулся в кювет, а там... огромный камень и... Сразу насмерть.

- Простите...

Девушка закачала головой, лицо ее стало серым, словно припорошенным пылью.

- Простите, - повторил Вадим, коснувшись ее руки. - Я не хотел, честное слово.

- Ничего, ничего, - губы ее дрогнули. Она поднялась и, помедлив, вышла в коридор.

Вадим взглянул на часы: время уже пододвигалось к четырем.

Прошло полчаса, как он сидел здесь. И теперь он подумал: уйти или подождать еще?... Главное - он пришел, как и обещал. И никого ни о чем не расспрашивал, ибо не имел привычки судить о людях на основании чужих слов. Сегодня ночью эта комната представляла собой притон с какими-то пьяными субъектами, здесь ругалась матом, курили, пили и дрались. Сейчас она выглядела совсем по-иному и трудно даже было представить, что может быть совсем не такой. И эта девушка с потухшим взором своих черных и таких притягательных глаз не имела ничего общего с прежней. Открылась дверь, и она вошла, как тень.

- Я пойду, наверное, - сказал Вадим поднимаясь.

- Подождите еще немного... Они пошли в магазин и должны вот-вот. И Рита же вас ожидает, знает, что вы придете.

- Я не вполне был уверен, что смогу прийти. Так что я ее особенно не уверял.

Ходики на стене отсчитывали время. И в наступившем молчании равномерное качание маятника и его звонкое «тик-так, тик-так» вдруг стало казаться необычным. Как получилось, что он сидит в этой комнате, совершенно далекой от его жизненной стези? Что привело его сюда и почему он ведет беседу с девицей, которая пьянствовала ночь в кругу таких же пьяниц, какой является, вероятно, сама? Ведь он живет своей жизнью, имеет свои проблемы, свой круг общения, своих друзей и знакомых. Неужели САНТИЛЬЯНА прав, изложив ему подлинную сущность его сна? Вот она, яма, которую он миновал, и вот она, лужа, в которой он барахтается.

- А вы на какой улице живете? - спросила Галя, прервав затянувшееся молчание, но ответить он не успел.

Послышались голоса снаружи, распахнулась дверь, и появилась

Рита со своей матерью. Вместе с ними порог перешагнул приземистый молодой человек с гитарой через плечо в расстегнутой до пояса рубашке, прихваченной на нижнюю пуговицу. Вадим узнал в нем вчерашнего парня, который полулежал на полу и курил.

- Вадим! - воскликнула Рита и, метнувшись к нему, схватила его за руку. - Мама, я же говорила, что он придет.

Старуха, ночью всю орудовавшая топором, явно застеснялась. О том, как она фокусничала у дверей, ей, конечно, рассказали, и теперь перед незнакомым и с виду таким респектабельным молодым человеком, она чувствовала себя крайне неловко. Но все же она являлась хозяйкой в доме, а пришедший был гостем.

- Она вас ждала, - громко заговорила мать, засуетившись по комнате и начав выкладывать содержимое принесенных с собой сумок прямо на стол. - С утра все уши прожужжала... Вадим - вас, кажется, так зовут? - хорошо, что вы нас дождались. Сейчас будем обедать.

Молодой человек, патлатый и белобрысый с широким веснушчатый лицом и голубыми глазами примостился на деревянном табурете и потихоньку стал настраивать гитару.

- Это Федор, приятель нашей семьи, - отрекомендовала Вадиму Рита. - Познакомься... Он хороший парень... когда спит.

Они обменялись рукопожатием. На последние ее слова, видимо, шутку Федор не обратил никакого внимания. Рита взяла Вадима за руку и повлекла в свою комнату.

- Если бы ты знал, как я рада, что ты пришел, - прошептала она, прижимаясь к нему и подставляя губы для поцелуя.

- Еще бы немного, и я ушел.

- Мне было бы больно.

- Я скрасил ожидание беседой с твоей милой сестрой.

- Галя?.. Она действительно милая и очень добрая... И пережила тоже много.

- Я знаю... Она говорила, что у нее погиб муж. Потому у нее и седина?

- Не только от этого.

- А что еще?

- Пять месяцев назад у нее пропал сын.

- Как так - пропал? - не понял Вадим, отстранившись и посмотрев на Риту с некоторым недоумением. - Сколько ему было лет?

- Четыре года... Алеша - так его звали. Забавный такой малыш - и вот...

- Но... я не понимаю, Рита. Человек - не иголка, не катушка ниток какая-нибудь, которую можно потерять.

- Третьего апреля это произошло... Он пошел в детский садик. И идти - то всего ничего - один квартал, даже меньше. А Галя не проводила: утром обещались приехать газовщики и проверить ко-

лонку. И вот она отправила Алешу в садик, а сама их осталась ждать. Из окна смотрела, как он шел. До угла.

- А потом?

- Потом свернул, как обычно. От угла до садика всего две сотни метров каких-то, а в садик он не пришел.

- Но куда же он делся?

- Потом она часа через два позвонила, а ей сказали, что Алеша в садик не приходил...

- Искали? - спросил потрясенный услышанным Вадим.

- Искали... Весь город, кажется, перерыли, ночами не спали. В милицию заявили - все напрасно... Вот тогда она и поседела.

Голос Риты снизошел до шепота. Всхлипнув, она уткнулась ему в плечо. Худенькие ее плечи затряслись.

- Но пять месяцев - это срок. И город маленький. Неужели за это время милиция ничего не выяснила? - тоже шепотом проговорил он.

- Сначала Галю вызывали. Писала она там что-то, подписывала много каких-то бумаг... Потом сама стала ходить. А теперь они, наверное, и не ищут.

- Не может быть, чтобы они не искали... И не только через милицию, можно и в прессу обратиться: радио, телевидение, газета, наконец.

- По радио раз объявили - это было... На все нужны деньги, Вадим. Мы и так в долгах сидим, никак не выкарабкаемся. Мать на пенсии, гроши получает. А Галя, после того как пропал Алеша забросила все, погасла, как свеча... Жизнь для нее остановилась. Пить стала, короч, сломалась...

Острое чувство жалости пронзило его насквозь. Ладонями он сжал ее мокрое лицо, потом стал целовать глаза, щеки, губы, гладил плечи, пытаясь хоть как-то успокоить.

- Но ведь... есть же хоть какие следы, Рита? Не может же быть такого, чтобы не обнаружилось никаких следов, - произнес он спустя несколько минут.

- В том-то и дело, что нет следов. Никаких... Последний раз Галя ходила в милицию дней двадцать назад, и ей сказали прямо: «Не ходите. Если что станет известно, мы вас вызовем». С тех пор - ничего...

- А какую они выдвинули версию?

- Не знаю... О своих секретах милиция предпочитает не распространяться.

Потом был стол, и Вадим видел, что он является центром внимания. Видимо, в их устоявшийся мир он вторгся, как метеор из космических далей, так заплесневелое болото вдруг расцветивается лучом солнца, несущим жизнь, вдохновение, радость. Но вот луч гаснет - и снова та же плесень, та же мошकारа, та же гниль. Это сравнение пришло ему на ум.

Но после того, что ему стало известно от Риты, возникшие в фантазии образы показались слишком неуместными и надуманными. И, тем не менее, каждое его слово, каждое движение воспринималось в этом обществе с таким почтением, что ему порой даже становилось неловко. И в то же время обстановка была проста, не наигранна и в достаточной степени раскованна.

- Рита закончила девять классов, - говорила мать с полуулыбкой на своем маленьком лице с белесыми бровями и морщинками вдоль порозовевших от выпитого вина щек, - а потом долго болела... Пыталась устроиться на работу, но молодых нигде не берут. Я ее могла бы устроить в торговлю, связи у меня кое-какие сохранились, но она отказывается.

- А учиться?.. Почему она не пошла учиться?

- А вот спросите у нее. Не хочет и все... В гульню вдарилась.

- Хватит сочинять, - улыбаясь говорила Рита. - Я живу, как и все. Не лучше и не хуже... А работа с учебой от меня не уйдут. Когда захочу, тогда и пойду.

- Но жить-то как-то надо, - заметил Вадим, подчиняясь общему тону разговора.

- А мы и живем. Нам хватает, - ответила с подъемом мать, в чем-то противореча себе и не замечая этого.

- Моя матушка, - сказала Рита, - всю жизнь проработала в магазине. А потом ушла... И зря! Когда она работала, мы хоть что-то имели.

- Перестань трепаться!.. Я горелой копейки лишней не взяла от государства. Работала всегда от и до. А если меня просили поработать сверхурочно, я никогда не отказывалась. И покупатели меня хвалили. Сколько у меня в трудовой благодарностей!..

- А потом выгнали, как собаку, - сказала Рита. - Хорошо еще что в тюрьму не посадили.

- И не выгнали... Я сама ушла, по собственному желанию. Я работала на вокзале в магазине. Ни один покупатель не скажет, чтобы я кого-то обсчитала, обмерила или обвесила. И цены никогда не завывшала, товары не припрятывала. Только раз случилось, и то я не виновата... Вадим, вы адвокатом работаете, да? Вот рассудите, кто прав. Позвонили мне из конторы. Пришла дефицитная обувь, кроссовки, попросили отложить три пары для какого-то родственника директора. Ну, я, дура, не могу отказать и отложила. А тут контроль, давай проверять в подсобке. Нашли эту обувь и шум такой подняли, будто я банк обворовала... Имели они право так поступать, а?

- Видите ли, товар, поступивший в магазин, должен находиться на прилавке, но ни в коем случае не припрятанным. Если вам позвонили и сказали, чтобы вы его отложили, то это, конечно, неправильно. Вас подтолкнули к нарушению правил торговли...

- А-а-а!.. Вот именно подтолкнули, чтобы уволить и на мое ме-

сто поставить своего человека. Мне потом Дуська из конторы говорила, что это специально было сделано, специально...

- Если я куда и пойду работать, - сказала Рита, - то только на швейную фабрику. К тебе, Галка... Тепло, спокойно, уютно. Сидишь и шьешь и никто тебя не провоцирует.

- А может, замуж выйдешь, - предположила все с тем же подъемом мать, скосив глаза в сторону Вадима, - тогда и работать не надо. Муж прокормит и оденет!..

- Да-а, теперешние мужья прокормят и оденут, как же!.. Федя, ты свою жену прокормишь?

- А она у меня есть? - хриплым басом проговорил парень.

За все время разговора он молчал, неторопливо и обстоятельно поглощая все, что лежало на столе. Он явно старался остаться в тени.

- А когда женишься? - не отставала от него Рита.

- Женюсь - прокормлю и одену. Воровать пойду.

Трудно было понять, то ли он шутит, то ли говорит серьезно, но за столом раздался дружный смех.

- Будешь воровать - опять сядешь, - сквозь смех сказала Рита. - Ты же уже сидел.

- Ну и что?.. Это мое дело.

- По какой статье? - поинтересовался Вадим.

- 209-я, - Федор потянулся, взял гитару, и толстые его пальцы забегали по струнам. - Два года врезали, - добродушно сказал он. - Говорят, что я тунеядец.

- Давай, Федя, что-нибудь, - сказала Галя, наклонившись к его плечу.

Он затряс головой, устремив взгляд своих голубых глаз в притолоку над дверью, и тихим басовитым голосом начал:

Серебрится серенький дымок,
Тая в грозových лучах заката.
Песенку донес мне ветерок, ветерок,
Ту, что пела милая когда-то...
Жил в Одессе скромный паренек,
Ездил он в Херсон за арбузами,
И вдали мелькал его челнок, его челнок,
С белыми большими парусами.

Все примолкли. Все, что происходило сейчас, казалось Вадиму необычным и в то же время будто бы уже увиденном в каком-то кинофильме: мирное семейное застолье, теплая, свободная раскованная атмосфера среди гостей и обязательно простая задушевная песня, заводимая, как всегда, талантливым близким самоучкой... Завтра в шесть часов вечера он уезжал, и от мысли о том, что он больше никогда не вернется сюда, не увидит больше Риту, ее мать и сестру, не увидит Федора, отсидевшего за тунеядство, что все

происходящее пройдет, как проходит время, и никогда больше не повторится, ему стало грустно и жалко всех присутствующих.

Но однажды славный паренек
 Не вернулся в город свой родимый,
 И напрасно девушка ждала, его ждала
 На причале в платье темно-синем.
 Кто же познакомил нас с тобой?
 Кто же нам нанес печаль-разлуку?
 Кто на наше счастье и покой, и покой
 Поднял окровавленную руку?

Да, он уедет к своим делам, товарищам, коллегам, а все *это* останется здесь и будет таким завтра, послезавтра, через месяц, через год... Каждый вечер сюда будут слетаться разные личности, превращая уют и теплоту, гостеприимство и радушие в заурядную обычную пьянку. И ребенка этой несчастной Гали, вполне возможно, никто и не ищет... Люди, которых закрутили мельничные жернова жизни. Они еще пока держатся на плаву, но долго ли это будет продолжаться?..

■
 - Тебе кто-то звонил, - таким сообщением встретила Вадима мать, когда он в двенадцатом часу ночи пришел домой.

- Кто?

- Не знаю... Мужской голос. Сказали: из педучилища... Где ты пропадаешь, Вадим? Мы с отцом даже заволновались. Хоть бы запиской предупредил.

- Все нормально, мама. Купил сегодня билет... А потом так... По знакомым, товарищам.

Он прошел в свою комнату, щелкнул выключателем, зашторил окно.

- Значит, завтра едешь? - спросила мать, стоя в дверях.

- Да, мам... Гомельским.

- Тебе же собраться надо.

- Время еще есть... Сегодня, завтра полдня.

- Ты ужинать будешь?

- Нет, спасибо... Хотя стаканчик чая выпью.

- Сейчас я поставлю.

Мать ушла на кухню, а Вадим остановился у своего стола. Он все раздумывал, сказать ли матери о нечаянном знакомстве или нет.

Перед уходом он и Рита уселись в комнате и погрузились в любовь безудержно, со всей страстью, на которую только оказались способны. Конечно, то, что произошло между ними, ни к чему его не обязывало, хотя в мыслях появился какой-то сумбур.

Щемящее чувство жалости становилось все острее и острее. Будто бы эти люди ждали от него чего-то, какого-то действия, какой-то помощи... А может быть, ничего подобного в их мыслях и не было? Может быть, просто расходилась его мнительность, и он придумал, что они от него якобы чего-то ждут? Может быть, надо смотреть на вещи проще, без излишних эмоций?..

- Нашу квартиру в городе считают притоном, - тихо с горечью в голосе говорила потом Рита. - Ходят все, кому не лень... И даже на учете в милиции мы состоим.

- Вы - на учете? - поразился Вадим.

- Нравственность наша под контролем... А то, что в душе, - никому ни до чего нет дела.

- Рита, но ведь милиция на чем-то основывалась, когда брала твою семью на учет, - осторожно произнес Вадим, стараясь не обидеть ее этими словами. - Видимо, были причины, факты, которые и побудили пойти на эти меры.

- Если мы выпиваем - это наше личное дело.

- Но ты же сама сказала, что к вам ходят все, кому не лень.

- Да, это правда... Дрянь всякая, но их никто не зовет. Мне лично никто не нужен. И матушке тоже... А сестре тем более.

- Предположим. Но вы же их встречаете, Рита... А как размышляют люди, видя происходящее? Три женщины, две из них молодые, красивые, а вокруг крутятся пьяные нечистоплотные личности...

- Каждый размышляет в меру своей испорченности. И к тому же мне плевать, что обо мне думают...

- Согласен. Рита, я понимаю тебя и верю тебе, но пойми одно: людям не до нюансов. Они видят то, что видят, и делают свои выводы. И выводы не в твою пользу.

- А какос их дело?.. Я живу сама по себе и ни к кому не лезу. Пусть и они к нам не лезут. Мы никому не мешаем. Мы сами себе. Если выпили, то сами выпили. Если даже к нам пришли, то к нам пришли, а не к ним. И мы сами разберемся, что к чему... А то сплетнями окружили, как сетями, как паутиной какой. Идешь по городу, просто так идешь - пальцами показывают и злословят. А сами - подлее нас, грязнее в тысячу раз!..

- Тем более не надо давать повода для сплетен.

- А милиция!.. Да она хуже тех, кто к нам ходит! Как коршуны кружатся вокруг нас... Отмечали как-то матушкин день рождения, а кто-то из соседей позвонил в отдел: пьянствуют, мол. И вот примчались на «вороне», входят без стука. «Что здесь? Кто такие за

столом? Почему пьете, соседям мешаете?..» Ходят, как хозяева, заглядывают во все углы, Галю схватили, потащили в машину. Да какое они имеют право?.. Сволочи, видеть никого не могу!..

Он гладил ее по голове, как маленького ребенка, целовал глаза, губы, ласкал тело, прижимая к себе. И она, успокаиваясь, шептала:

- Ты не такой, как все... С тобой можно говорить, ты умеешь слушать и понимаешь. Я люблю тебя, Вадим. Очень и очень люблю...

- Рита, твоя сестра, мама... Неужели вы живете для того, чтобы ублажать свору нечистоплотных подонков и давать пищу для болтовни?.. Ты красивая, умная девушка, возьми себя в руки...

- Я тебя не только люблю. Я благодарна тебе за то, что ты видишь во мне человека.

- Вы - ты, твоя сестра и мать - должны уметь противостоять окружающей пошлости. Но для этого вам надо самим... хотя бы немного измениться.

- Я - ладно, - помолчав, тихо заговорила Рита. - Ты уедешь и когда-нибудь, возможно, вспомнишь обо мне. Но я тебя век не забуду. Память о тебе и не позволит мне погибнуть. А если погибну - не большая утрата. Я хочу только одного и прошу тебя, Вадим, прошу...

- О чем, Рита?

- Помоги моей сестре. Она высохла вся и спилась. Она стала уже проституткой. Нет никакой воли... Первое время я гоняла этих мужиков, но мы... мы бессильны. Верить ли, ее и в милиции пытались всем хором.

- Но... но что я могу, Рита? Я завтра уезжаю надолго, на год самое малое. Что я могу, милая?

- Сейчас хоть Федя чуть помогает отбиться от всякой швали. Он защищает нас, но... Он бродяга, нигде не работает, и его уже вызвали в отдел. Он собирается съехать. И мы останемся совсем одни...

- Рита, если бы я не уезжал! Но... я не знаю, честное слово, что я могу.

- Вадим, помоги найти Алешу.

Он растерянно смотрел на нее, настолько неожиданной была эта просьба.

- Рита...

- Вадим, - горячо и торопливо заговорила она, не давая ему возможности вставить хотя бы слово, - ты живешь в Москве. Ты адвокат, тебе все там знакомо и у тебя там много знакомств... Я умоляю тебя, Вадим! Я готова стоять перед тобой на коленях: по-

моги Гале, помоги нам разыскать Алешу!.. Здесь никто об этом не думает. От нас отмахиваются, как от назойливых мух... Помоги, Вадим. Найди Алешу!..

Она всхлипнула. Слезы текли по лицу, а он, совершенно потерявшись, стоял, не зная, что говорить и что делать.

- Ты можешь... Я верю. Не знаю, как, но ты сможешь найти. Хотя бы узнать: жив он или нет?

- Рита, я уезжаю завтра... Ведь это не так просто, Рита. Я даже не могу представить, как и с чего начать... Ведь это надо поднимать десятки инстанций...

- Подними... Ты адвокат и все знаешь... Я... я на колени...

И она опустилась у его ног, склонившись головой к полу.

- Алеша... Алеша... наш Алеша...

- Рита!.. Ну, что ты? - он поднял ее на руки, как ребенка, прижимая к себе и целуя. - Хорошо... Хорошо... Завтра вечером я уезжаю, приходи на вокзал... Может, я что-нибудь придумаю.

Мать принесла чай и булку с маслом.

- Ты думаешь еще что-то писать? - спросила она, увидев, как сын склонился над двумя форматными листами бумаги.

- Да так... Позанимаюсь, - неопределенно повел он плечом.

- Не засиживайся, уже поздно. Перед поездкой надо отдохнуть.

- Хорошо, мам, хорошо... Тот, кто мне позвонил, ничего не просил передать?

- Нет. Узнал, что тебя нет, и повесил трубку.

Разумеется, это звонил САНТИЛЬЯНА, подумал Вадим. Из педучилища больше никто звонить не будет. Может, завтра перед отъездом сходить к нему домой? А кто его знает, как он работает: у него ненормированный рабочий день. Да и где гарантия, что Вадим застанет его дома?.. Какая-то еще не окончательно сформировавшаяся мысль маячила в голове, возникала и пропадала, словно сдуваемая ветром. О чем только позавчера они не переговорили? О возможности передавать наши мысли на расстояние, о космических пространствах и морских глубинах, о смерти и бессмертии, о человеке и природе. О том, например, что человек, вторгаясь в жизнь природы, нарушает ее законы. И за это природа вполне сознательно мстит человеку. К примеру, леса, прилегающие к городам, замусорены, полувыврублены, изрыты и изъезжены

всеми видами транспорта. И как в ответ на людское варварство природа отвечает тем, что мслекют и оскудевают водные источники, засыхают целые участки леса, исчезают грибы, ягоды, животные. Природа людям друг, но люди этого не хотят понимать и обращаются с ней, как с врагом, бездумно. А ведь она - живой организм и имеет свою душу.

- Есть десятки постановлений, - сказал Вадим, - есть определенные статьи уголовного кодекса, которые регулируют взаимоотношения человека к окружающей его флоре и фауне. Практически на всех водоемах страны действует рыбоохрана, а по лесам - охотинспекция...

- Все это - поиск комара или точнее - кошачье мяуканье по сравнению с тем, что происходит в реальной жизни, - сказал САНТИЛЬЯНА. - Надо вести речь о другом...

- О чем?

- О дремучести сознания советского человека... Пора понять, что василек на лугу, муравей на дорожке живут и развиваются по одним и тем же законам, что и люди, иначе всем этим постановлениям грош цена. Ты должен знать, что когда ты протягиваешь руку, чтобы сорвать цветок, этот цветок сжимается от ужаса, ибо он предчувствует свою смерть.

- А что же в таком случае происходит в поле, на лугу, куда люди пришли косить траву? - с изумлением спросил Вадим.

- То и происходит. Трава на лугу чувствует свою гибель, стонет и плачет.

- Но если не накосить травы, что скотина будет есть зимой?

- Таков закон бытия: одно уничтожает другое, чтобы прожить самому и дать жизнь третьему. В природе все взаимосвязано. Однако мы говорим о бездумности, нравственной деградации человека, когда он своим бездушием разрушает все сущее вокруг... Ты помнишь «четыре китайских зла»? Для построения социализма им понадобилось уничтожить мух, комаров, мышей, а заодно и воробьев, которые, якобы, расхищали урожай риса на полях. И вот миллионы людей взяли в руки мухобойки, принялись заливать нефтью болота, уничтожать личинки комаров, ставить корытца с отравленным зерном в полях, чтобы истребить воробьев. И чем все это кончилось?.. Зная, что воробей не может долго держаться в воздухе, им не давали нигде садиться. В ход шли трещотки, погрмушки, камни, рогатки. Но более всего меня в этой истории поражает всеобъемлющая людская тупость: один деятель подкинул идею, что воробьи, к примеру, мешают строить социализм, эта идея

возведена в ранг государственной политики, и миллионные толпы безмозглых исполнителей бросились эту идею претворять в жизнь. Как тут не вспомнить Зигмунда Фрейда, его теорию о психоанализе? Истерия высшей пробы, сказал бы Фрейд, а истерики не могут вызывать к себе симпатий...

...Кажется мысль сформировалась. Вадим придвинул к себе чистый листок формата, снял колпачок шариковой авторучки и старательно стал выводить своим четким каллиграфическим почерком: «Дорогой друг!..»

Тяжелый маятник старинных настенных часов ритмично раскачивал время. Вадим то и дело поднимал к нему глаза, тщательно перебирая мысли. Ибо та просьба, с которой он обращался к другу, казалась ему в высшей степени необычной. Одно он твердо знал, что если его послание попадет по адресу, то без последствий не останется.

ЧАСТЬ II

Франциск. *Что ты называешь «глубоко проникать»? Хотя, как мне кажется, я понимаю тебя, но хотел бы, чтобы ты объяснил мне точнее.*

Петрарка Ф. «О презрении к миру»

Здесь прошелся загадки таинственный ноготь...

Б.Пастернак

Кажется, наступила минута, когда можно спокойно сесть за стол и приступить к написанию плана. Воспитатель так и сделал. Перед этим он по обыкновению раскрыл дверь своей комнаты настежь, чтобы видеть всех, кто проходит по коридору этажа. На третьем этаже сейчас, точнее в 16 часов 30 минут, было тихо. Учащиеся педагогического училища (их еще не называли студентами) разошлись кто куда, хотя по распорядку дня наступило время самоподготовки, обязывающее всех находиться в своих комнатах и выполнять домашнее задание. Но это время, несмотря на строгое указание администрации училища, никогда практически не соблюдалось.

Не соблюдалось оно в прошлые годы, и по всему было видно, что не будет соблюдаться и в этом, потому что именно во время самоподготовки в училище проходили самые разные мероприятия: занятия кружков, секций, репетиции, экскурсии, встречи и тому подобное.

По укоренившейся привычке придавать всему, за что бы он ни брался, эстетический вид, воспитатель отвернул синюю обложку общей тетради и остановился, некоторое время раздумывая, как оформить титульный лист, затем фиолетовым фломастером начертил посередине красивую прямоугольную рамку, подрисовал в углах ее завитушки и, наконец, авторучкой начал выводить в ней четкие прямые печатные буквы: «Анализ воспитательной работы и работы Совета 3-го этажа общежития педагогического училища за прошлый, 1983-1984 учебный год».

Воспитатели в общежитии (а их было четверо - по количеству этажей, на которых проживали ученики) всегда составляли планы работы на год. Администрация училища почти никогда эти планы не проверяла, в отличие от планов классных руководителей, что порой приводило к формализму в их составлении и необязательности выполнения. Воспитатель это знал, однако он был слишком честен и добросовестен, чтобы вводить кого бы то ни было в заблуж-

ждение на этот счет, и все, что им планировалось, самым тщательным образом им же и выполнялось. Ему доводилось видеть планы своих коллег по работе, воспитателей: обыкновенная тетрадка, расчерченная на графы, набор стандартных мероприятий, наугад проставленные даты. Но стоило только администрации поинтересоваться, чем в настоящую минуту занимаются воспитанники, в ход сразу же шли воспитательские языки, которые трещали без умолку. Особенно в этом поднаторела Елена Григорьевна, воспитательница учащихся-девочек, проживающих на пятом этаже. Она нанизывала одно мероприятие на другое влопад и невлопад, как бусы на нитку, не замечая противоречия в своих словах. Воспитатель же был чрезвычайно сдержан, не умел размахивать руками и наводить тень на плетень. Именно эти качества отличали его не только от Елены Григорьевны, но и от двух других воспитательниц, Веры Александровны и Светланы Федоровны, по-своему обаятельных женщин, более серьезных и более ответственных, чем Елена Григорьевна. Причем эти качества отличали его в довольно-таки невыгодную для него сторону: профессия воспитателя, как никакая другая, просто обязывает уметь *выгораживать* себя.

«В течение прошлого учебного года, - начал писать он быстрым мелким, трудно разборчивым для постороннего почерком, - главное внимание в воспитательной работе среди мальчиков, проживающих на третьем этаже общежития, было уделено совершенствованию ученического самоуправления и сплочению коллектива. В октябре на общем собрании учащихся этажа были приняты социалистические обязательства, состоящие из 10 пунктов. Большинство ребят активно включилось в социалистическое соревнование и в течение всего года добросовестно относилось к своим обязанностям. Хочется отметить таких ребят, как Пантюшин Игорь, Костеренко Александр, Солоп Вячеслав, Ефременко Виктор - 1«г» группа...» Дисциплинированных и исполнительных ребят на этаже было немало, и воспитатель записал не менее 15 человек из всех четырех групп.

«Для них всегда было характерно развитое чувство долга, сознательности и ответственности за порученное дело. К концу учебного года значительно улучшилось санитарное состояние комнат и этажа в целом, хотя с февраля начался ремонт. Очень хорошо в истекшем году работала редколлегия. Это потому, что ее состав с начала года значительно обновился за счет первокурсников...»

Он приостановился, вспомнив, сколько ему пришлось перетерпеть из-за обычного выпуска стенных газет. Оказывается несколько лет подряд этим делом занимался Киселев Сергей, спокойный и молчаливый парень, обладающий несомненным талантом художника. Он был главным редактором не только в общежитии, на этаже, но и в училище, и ни одна газета, ни один журнал или альбом, ни один стенд не оформлялся без его участия. Он оформлял газету один, почти не допуская исправлений, его наметанный глаз

схватывал необходимое с налету, а рука выводила линии уверенно, напористо, твердо. Карикатуры, зарисовки, наброски отличались живостью, дышали юмором, фантазией, жизнью. В училище Киселеву неоднократно объявлялись благодарности, его награждали грамотами и ставили в пример многим сокурсникам. Однако странное творилось в общежитии педучилища на третьем этаже. Настенная печать, оформляемая Киселевым Сергеем, держалась день, от силы два: кто-то систематически из выпуска в выпуск ночью безжалостно срывал ее со стен, разбрасывая клочки бумаги по полу. Несколько месяцев бился воспитатель, пытаясь выяснить, чья это работа, привлек на помощь своих активистов, членов Совета этажа, проводил многочисленные беседы и разбирательства, советовался со Светланой Федоровной и Верой Александровной - все шло насмарку. И тогда он провел тайное, самостоятельное расследование, не привлекая практически никого из учеников. Каково же было его изумление, когда обнаружилось, что Киселев, который рисовал, писал и оформлял стенную печать, сам же после отбоя и уничтожал свои труды. Именно таким образом этот по виду спокойный и уравновешенный парень, чья фотография как лучшего ученика висела в училище на Доске Почета, реабилитировал свою общественную активность в глазах товарищей. Многие из сокурсников об этом знали, но помалкивали, с одной стороны, не желая быть стукачами, с другой, - предпочитая не связываться с Киселевым, зная его мстительный характер. В прошлом году Киселев закончил училище, получил диплом и квалификацию учителя трудового обучения и черчения и ушел в самостоятельную жизнь таким же тихим, спокойным, а по сутиности двуликим. Перед выпускным вечером воспитатель попытался с ним поговорить о простейшей человеческой порядочности. Но Киселев, догадавшись о сути разговора, предпочел не попадаться ему на глаза и последние дни жил не в общежитии, а у родственников в городе.

«...Каждый сектор работал соответственно своему плану, - продолжал писать воспитатель. - Культурно-массовый сектор провел ряд вечеров, посвященных торжественным датам: Дню учителя, 8 Марта, музыкальный лекторий на тему «Любимые песни Ильича». Мальчики принимали также самое активное участие в проведении «Осеннего бала», новогоднего вечера, в викторинах. Правда, в этом году этаж примет участие в викторинах лишь при условии выборности состава жюри...» Эту фразу он записал в полнейшем спокойствии как констатацию факта.

По какой-то непонятной традиции во всех судебных коллегиях принимала участие и Елена Григорьевна. Ее никто не выбирал, она садилась за стол жюри сама, порой шокируя своей бесцеремонностью собравшихся. Нередко при проведении того или иного мероприятия она предлагала уже готовый список судейской коллегии, непременно включая в него и себя, ничтоже сумняшеся в

какой-то скромности. Как обычно, в этот список входили люди угодные ей или из числа администрации, профсоюзного комитета или комитета комсомола, против которых никто ничего не мог возразить. Поэтому не было ничего удивительного в том, что практически во всех викторинах или КВНах пятый этаж выходил победителем. Елена Григорьевна из кожи лезла, только чтобы быть первой. И что до того, что побежденные порой, как говорится, рвали и металы из-за явного подыгрывания судей или заниженных оценок?.. В училище Елена Григорьевна имела часы: вела уроки домоводства и биологии. Заведующая начальным отделением Захарченко Антонина Филипповна слыла ее подругой, они вместе пили чай и ходили друг к другу в гости. Рассказывали, что Елена Григорьевна ранее работала в одной из школ района. Своей вздорностью она доводила весь педагогический коллектив до белого каления. Школу постоянно лихорадило от бесконечных комиссий, разбиравших то одну, то другую, то третью жалобу или анонимку. Когда она перешла работать в училище, то директор школы прямо на учительском совещании района объявил, что все эти годы он не работал, а мучался. Обнародовав по неосторожности фамилию злопыхательницы, он поплатился работой, ибо Елена Григорьевна была замужем за сыном весьма известного работника горисполкома...

■

Воспитатель отложил ручку и поднялся из-за стола. Как будто бы в коридоре послышалось какое-то движение и раздались чьи-то голоса. Он вышел из комнаты. Дежурный четверокурсник Толик Куча сидел за столом у входа и что-то чертил на альбомном листе. Это был ничем не выделяющийся особо парень из Черниговской области. Воспитатель уже работал третий год здесь, но ни разу не видел, чтобы Куча курил или пил, или с кем-то спорил и ругался. Он жил в 61-й комнате вместе с такими же покладистыми ребятами, как и он сам, Шарাপовым и Кривоусом, тоже четверокурсниками, бесхитростными и простыми. С такими ребятами воспитателю было легко: они всегда шли навстречу, были надежны в любом деле, не умели врать и изворачиваться, с ними можно было поговорить, пошутить и даже посоветоваться. И комнату они держали в надлежащем порядке: никогда у них не били оконные стекла, не ломали замки и двери, не совершалось пропаж и оценка за санитарное состояние не опускалась ниже четырех баллов.

- Чем занят, Толик? - спросил воспитатель, подходя.
- Замучило черчение, Иван Дмитриевич, - спокойно, как бы про себя ответил Куча.
- Тут, кажется, кто-то был?
- Да это девочки приходили. Спрашивали Солопа, старосту этажа.

- Зачем он им?

Куча, не отвечая, пожал плечами и снова взялся за линейку. Воспитатель пошел вниз по лестнице. У стола вахтера по обыкновению былолюдно: девочки звонили по телефону, незнакомый парень стоял у входа, вероятно, ждал, когда придет подруга. Сама вахтер Александра Сергеевна, старушка интеллигентного вида, писала что-то в журнале дежурного. Несмотря на свои 65 лет, она обходилась без очков, чем чрезвычайно гордилась и при случае любила похвастаться.

У входа в общежитие тоже былолюдно: уже начинала стекаться городская молодежь. Почти каждый вечер собирались сюда молодые люди, чаще всего искатели приключений, затрагивая проходящих девушек и напрашиваясь на знакомство. Некоторые, будучи под хмельком, пытались проникнуть в общежитие, используя самые разные способы, начиная от безобидного уговаривания вахтера и кончая самым нахальным прорывом. Порой случались драки, тогда сразу же посылали за воспитателем. Однако Иван Дмитриевич предпочитал не ввязываться в подобные инциденты. Однажды разгорелась драка за углом общежития. Дежурила как раз Александра Сергеевна. Она послала за воспитателем, но тот отказался разнимать дерущихся, и тогда Александра Сергеевна прямо при всех присутствующих бросила ему в лицо:

- Там избивают ваших детей, а вы боитесь?..

В холле сразу стало тихо и стало еще тише, когда он, рискуя своей репутацией, громко и отчетливо отчеканивая каждое слово, произнес:

- Да, я боюсь.

И не вдаваясь больше ни в какие объяснения пошел наверх.

Вахтер, этот «божий одуванчик» с ясными светло-синими глазами, не преминула вечером того же дня сообщить о происшедшем директору. Рассказ, дополненный и расцвеченный соответствующими эмоциями, произвел на директора такое впечатление, что спустя два дня он вызвал воспитателя к себе в кабинет. О теме разговора и причине вызова Иван Дмитриевич догадался не сразу, тем более что Леонид Сергеевич беседу начал издали. Вначале он поинтересовался вообще положением дел в общежитии и общим настроением учеников.

- Что вы имеете в виду? - не понял Иван Дмитриевич.

- Ну, вы же знаете, какой у нас подбор учащихся. Практически это все сельская молодежь, не приученная соблюдать правила и нормы общежития. Да и где и кто их мог научить?.. Село есть село.

- Вы хотите узнать, Леонид Сергеевич, как происходит их адаптация к условиям совместного проживания?

- Да, именно это.

- Мне думается: все нормально... Конечно, правила необходимо соблюдать и здесь никаких отступлений быть не может. Если име-

ются трудности, то только во внутренней дисциплине, точнее, самодисциплине... Про девочек я говорить не буду, там у них свои воспитатели. Что же касается мальчиков, то многим из них трудно научиться убирать за собой - это, пожалуй, главное. Для многих просто откровение, что оказывается утром после подъема надо самому застелить постель, причем не как зря застелить, а аккуратно. Обычно этим делом всегда занималась мама. Если поел, надо после себя помыть посуду: ложку, тарелку и так далес... Для большинства это просто дико, они никогда этим делом не занимались дома. Некоторые не понимают разницы между своим и чужим, что такое «можно» и что такое «нельзя»... А общий недостаток, единый для фактически всех ребят (может быть, за редким исключением) - они не отдают себе отчета, где учатся и к чему обязывает их звание *учитель*. Причем это касается учащихся и 1 курса, и 2-го, и 3-го, и 4-го тож.

- Вы не преувеличиваете? - спросил Леонид Сергеевич, несколько шокированный последними словами воспитателя.

- Нисколько.

- Не знаю, - закачал головой директор, - не знаю, Иван Дмитриевич, на чем основывается ваш вывод. Если согласиться с вами, то придется перечеркнуть работу всего педагогического коллектива.

- Леонид Сергеевич, на 120 учащихся-мальчиков, проживающих на третьем этаже, лишь человек 30, пусть 40, *понимают*, на кого они учатся. Все остальные - лишние, случайные люди. А для школы нет ничего хуже, когда в ней работает случайный человек. Только и остается сказать: бедные наши дети...

- Я с вами совершенно не согласен, - голос Леонида Сергеевича утратил мягкость и стал твердсть. - Как вы можете воспитывать детей с такими взглядами, я не понимаю.

- Это не взгляды, Леонид Сергеевич. Это точка зрения... Возможно, она ошибочна и не вполне бесспорна. Но на моем отношении к работе эта точка зрения не сказывается.

- А я вот думаю по-другому, Иван Дмитриевич.

- Что вы имеете в виду, Леонид Сергеевич?

- Позавчерашнее ЧП, о котором вы предпочитаете умалчивать.

- ЧП?... Простите, не знаю, о каком ЧП вы ведете речь.

Воспитателю действительно были непонятны намеки директора, и лишь когда тот прямо заговорил о происшедшем, он понял причину вызова.

Инциденту в холле Иван Дмитриевич не придал значения. Драки у стен и окон общежития совершались частенько, в причинах и поводах их не было смысла, по его мнению, разбираться. Столкновения происходили из-за девочек, из-за брошенного вскользь взгляда, не так понятого слова или просто из-за отсутствия в нужный момент коробки спичек или папиросы. Начинали обычно разговор городские, ученики педагогического училища почти всегда

защищались. Получив отпор, городская шантрапа разбегалась, но спустя некоторое время или даже на следующий день они собирались вновь и в еще большем количестве. Эти разборки происходили всегда: и пять лет назад, и теперь. Иногда в самые критические ситуации вызывали милицию, которая ловила и разгоняла дерущихся, но положение к лучшему не менялось: на смену одним приходили другие. Два года назад, поступив только на работу в общежитие, Иван Дмитриевич попытался вмешаться в эти разборки, чтобы их прекратить. Он установил круг проходящих к общежитию: ими оказались учащиеся сельскохозяйственного техникума и некоторые из городских парней, слоняющихся обычно вечерами без дела. Иногда приходили солдаты местного гарнизона, но это были парни спокойные, дисциплинированные и отличались постоянством в своих привязанностях. Два раза он подавал в администрацию училища списки техникумовских драчунов, вечерами ищущих у стен общежития на кулак работы, двух городских хулиганов сдал в милицию, пока вдруг с удивлением не обнаружил, что толчет воду в ступе. На рабочем совещании у директора ему прямо сказали, что в общежитии четыре воспитателя и навести порядок у его стен - их прямая обязанность. И рассчитывать на чью-то помощь им нечего.

Более того, Иван Дмитриевич вдруг заметил, что сам превратился в объект охоты. Неизвестные личности стали угрожать ему, подбрасывая записки определенного содержания. Однажды его попытались подловить ночью, когда после работы он шел домой. И тогда он вновь обратился к Леониду Сергеевичу, но теперь уже по вопросу собственной безопасности.

- А что я могу сделать? - развел тогда руками Леонид Сергеевич.
 - Вы взрослый человек. Есть милиция. Обратитесь туда. Пусть они на первых порах приставят к вам охранника.

Воспитатель понял, что все его сигналы не воспринимаются серьезно, что спасение утопающих - дело рук самих утопающих... К тому же совет директора показался ему настолько оскорбительным, что с того дня он прекратил всякие попытки *приструнить* ули-цу. К тому, что происходило за стенами общежития, теперь ему не было никакого дела.

- Я не понимаю, как можно так безответственно относиться к своим обязанностям, - говорил директор, все более распаясь от внешнего спокойствия сидящего перед ним воспитателя. - Вам доверены дети, вы отвечаете за их здоровье, их жизнь. После того как они приходят с занятий, вы обязаны так организовать их досуг, чтобы у них не было времени даже подумать о каких-то драках, а вы всю воспитательную работу, Иван Дмитриевич, пустили на самотек. Вы не знаете, чем занимаются ваши дети в свободное время!.. Более того, я поражен, как у вас хватило смелости заявить прямо при всех: «Я боюсь»?.. Женщины там, девочки - и вам не

стыдно?.. Вы не подумали, что весь ваш авторитет, как воспитателя, как человека-педагога, воспитывающего подрастающее поколение, рухнул в одно мгновение. Вся ваша работа с детьми, результат этой работы - нуль! И больше ничего. Я не ожидал подобного от вас... выверта (простите, не могу подобрать нужного слова!). Единственный в общежитии мужчина, воспитатель, на него вся надежда, вся опора, кажется, взяться надо за дело, засучив рукава. При желании там все можно перевернуть и хулиганов привести к порядку: так их зажать, что они даже и не пикнули бы. А вместо этого - «Я боюсь!» Плохо, Иван Дмитриевич, плохо. Я на вашем месте после такого высказывания провалился бы от стыда. Вы не подумали, какое о вас мнение сложилось у ребят, ваших воспитанников? А в вашем лице и обо всех учителях?.. Вы, наверное, чего-то недопонимаете, Иван Дмитриевич, иначе вы не поступили бы так, как поступили, и не говорили бы мне того, что вы говорите... И это хорошо, что все обошлось хорошо. А если бы, не дай Бог, эта драка закончилась бы трагически? Убили кого-нибудь или подрезали? Первый вопрос, какой бы был? *Где воспитатель?*.. А воспитатель во всеуслышание объявил, что он боится...

- Первый вопрос, Леонид Сергеевич, о воспитателе был бы у вас. А у людей, у народа, вопрос был бы, скорее всего, другой...

- Что?.. И вы мне с таким олимпийским спокойствием...

- Леонид Сергеевич, я выслушал все, что вы мне сказали, и я вас понял. Я даже понимаю то, что вы думаете... Теперь послушайте меня...

- Я не хочу слушать ваши оправдания.

- А я не оправдываюсь. Я просто хочу вам напомнить, кто я. Я поступал на работу в училище на должность воспитателя общежития, а не воспитателя улицы. Если бы драка произошла в общежитии, вы имели бы право с меня спросить: «*Где воспитатель?*» Но драка произошла на улице, а на улице, как известно, может быть всякое, дети даже, случается, попадают под машины. И никто не задает вопрос, где воспитатель.

- Драка, к вашему сведению, Иван Дмитриевич, произошла рядом с общежитием, на углу общежития...

- Леонид Сергеевич, мое рабочее место - 3-й этаж общежития, а не какой-то угол. Кстати, у общежития четыре угла. И я обязан находиться на своем рабочем месте, а не бегать и искать какой-то угол, за которым, по слухам, происходит драка...

- У меня просто не хватает слов...

- Теперь об авторитете, Леонид Сергеевич. О драках и стычках, происходящих на территории общежития, я вам уже как-то докладывал. Но на мои доклады никто не обратил внимания. Хорошо... Дерутся обычно группами, и в каждой такой потасовке замешаны самое малое человек шесть или восемь. Что я могу сделать один? И моя разбитая в кровь физиономия разве способствовала

бы росту моего авторитета? А если бы еще хуже: меня подрезали бы или изувечили?.. Ведь в драке мало кто разбирается в средствах и способах утвердить себя. В ход идет все: ноги, камни, зубы, ножи, кастеты, что хотите... И последнее. В их годы, Леонид Сергеевич, я тоже дрался и порой по таким пустякам, что сейчас даже смех берет.

- Что вы хотите сказать?

- Я хочу сказать, что подросткам, в силу их психологии и характера, свойственно выяснять друг с другом отношения. У меня на этаже тоже это происходит, но я пресекаю. Как воспитатель. А улица - это улица. И через каждый метр ориентира для детей не поставишь... Помните прошлую весну? Сергея Иванова, третьекурсника, ударили ножом прямо среди бела дня у входа в училище. И вы не били тревогу, не вызывали на ковер его классного руководителя, а о воспитателе вообще не спрашивали...

- С вами трудно разговаривать, Иван Дмитриевич... Или вы притворяетесь, что не понимаете, что натворили, или... не знаю.

■
- Как дела, Александра Сергеевна? - спросил воспитатель, придерживая шаг.

- Спасибо, все нормально... Звонил директор, спрашивал, все ли воспитатели на месте.

- Ну и ...

- Я ответила, что все тут как тут.

- Да, за воспитателями нужен контроль. Как за пятиклассниками.

На этой полушутливой интонации он и хотел было закончить разговор с вездесущей Александрой Сергеевной, которая каждое слово, каждое движение, происходящее во время ее дежурства стремилась довести до цели.

И он повернулся уходить, но тут он услышал:

- Иван Дмитриевич, вам говорил дежурный, что на этаже у вас был рейд?

- Нет... В какое время?

- Примерно в половине четвертого.

- И кто проводил?

- Две девочки... Навернос, от комитета комсомола. Одну я знаю - Зайцева Света с 5-го этажа.

- А результатов не знаете?

- Не сподобилась.

Он поднялся к себе на этаж, дежурный по-прежнему сидел над чертежом.

- Толик, сегодня, оказывается, был рейд от комитета комсомола, - сказал он. - Где ты находился во время рейда?

- Здесь, на этаже.

- Ну, а почему ты мне ничего не сказал?

- Откуда я знаю, Иван Дмитриевич, что это рейд?.. Пришли какие-то две девчонки. Ни здравствуй, ни до свидания. И давай ходить по комнатам.

- Но ты мог же спросить?.. Ходят какие-то люди по этажу, что-то смотрят, а дежурный сидит, глазами хлопает.

- Они меня не звали.

- Толик, ты дежурный, хозяин на этаже. Ты сам должен был встать перед ними, раз они не отрекомендовались. Сам должен был спросить: кто такие, куда идут и зачем?

Куча, опустив голову, виновато моргал. Стеснительный и несообразительный парень, увидев перед собой двух девочек, он, конечно, растерялся, потому что терялся перед ними всегда, если был один.

- Результатов не знаешь?

Он молча пожал плечами.

- Я сейчас схожу на пятый этаж, а ты напомни старостам групп, что в девять вечера отчетно-выборное собрание этажа.

- Объявление вот висит, Иван Дмитриевич.

- Объявление - это да, но ты все равно напомни. И старосте этажа тоже.

И он направился на пятый этаж. Зайцева Света - девушка невысокого роста с черными поблескивающими глазами, смуглолицая, с пышными черными как смоль, волосами и пухленькими красиво очерченными губками яркого вишневого цвета - жила в 114 комнате. Воспитатель знал ее, как и многих других учениц педучилища. В комнате, куда он вошел, предварительно постучавшись, кроме Зайцевой, были еще две девушки - Лена Лукашенко и Катя Одинцова.

- Здравствуйте, девчата.

- Вы за этим, Иван Дмитриевич? - тотчас спросила Света и, порывшись в тетрадках на столе, протянула ему листок бумаги.

Он кивнул головой.

- Мы с Леной были у вас... Ваши ребята такие неряхи, - она улыбнулась, словно извиняясь за такое определение.

- Что делать, Светлана?.. Одно утешение - не все такие.

- Да вот комната, где ваш староста живет, Солоп Славик, - там всегда чисто.

- Вы садитесь, Иван Дмитриевич, - Лена Лукашенко показала ему на стул.

- Спасибо... Если говорить откровенно, когда приходишь к мальчикам своим на третий этаж, кажется, что опускаешься в какой-то отстойник: грязь, нецензурщина, бескультурье...

- Иван Дмитриевич, вы воспитатель и такое говорите про своих воспитанников, - засмеялась Катя, русоволосая девушка с веснушками на круглом своем личике.

- Я называю вещи своими именами, девочки. У вас - совсем другое.

- У нас тоже хватает, - сказала Света. Иной раз Елена Григорьевна как с цепи сорвется.

- А если на кого разозлится, то все - это до гроба. Хоть из общегития беги, - сказала Лена. - Комната может сиять, как солнце, а она двойку все равно влепит...

- Вот как вы о своей воспитательнице отзываетесь... Вот так, наверное, и мальчишки про меня говорят. На всех не угодишь, девчата.

- Нет, Иван Дмитриевич, вы справедливый, а у нашей «Утки» о справедливости и понятия нет.

- Ай-ай-ай, это вы так называете ее про себя?

- «Утка» и есть, - со смехом констатировала Одинцова, словно поставила точку.

Он поднялся.

- Пойду, девочки. У нас собрание в девять вечера, покажу всем, чтобы знали, до чего докатились.

- Может быть, комнаты перепроверить? - Света взглянула на него добрыми притягательными глазами. - В комитет мы еще это не относили.

- Не надо, Светочка. Пусть будет так, как есть.

- Я просто к тому, что вас ведь, наверное, ругать будут.

- Спасибо, девочки... Добрые у вас сердца. Следующий раз, когда будете проверять, возьмите с собой нашего дежурного. А то у нас есть очень стеснительные парни.

- Хорошо, Иван Дмитриевич.

Он вышел в коридор. Ему нравилось бывать у девочек, хоть на пятом этаже, на четвертом или втором. Во всем здесь, куда ни обращался взгляд, чувствовалась женская рука, с молоком матери всосавшая понятие об аккуратности. Даже если в комнате был беспорядок, то совсем не такой, как у мальчишек, а свой, особенный, женский: смятая постель, небрежно брошенная салфетка, разбросанные по столу предметы женского туалета. Почти во всех комнатах устоялся запах одеколона или духов, который затушевывал впечатление неприбранности. Совсем иное у мальчиков: пыль, мусор, объедки, невымытые ложки, запах курева, иногда сивухи... В училище принималась в основном сельская молодежь, выпускники сельских школ. Культура, аккуратность, эстетика, чистоплотность - эти понятия для большинства были настолько далеки, что впору было прийти в отчаяние. Но воспитатель понимал, что подобными вопросами ни в школе, ни дома никто никогда не занимался. Приличия, этика, манеры, стиль речи для значительной части ребят были абракадаброй, пустым звуком, на который они столько же обращали внимания, сколько кошка на зеркало. То, что к 15 годам их не научили здороваться, вытирать ноги при входе в помещение, нимать головные уборы, то, что они изъяснялись на примитивном, неграмотном наречии, далеко даже от простого быденного рус-

ского языка, - это была не их вина. Это была их беда, и главной задачей своей воспитатель считал на первых порах добиться того, чтобы эти подростки, заполнившие училищные аудитории и комнаты общежития, осознали свою интеллектуальную отсталость, необходимость своего самообразования, ибо осознание проблемы есть уже половина ее решения.

Вот почему при всей строгости и требовательности своей он относился к этим мальчишкам с большой снисходительностью, их недостатки не возводил в двукратную степень, а с терпеливостью и настойчивостью дятла долбил одно и то же, памятуя старую, как мир, истину: капля долбит камень не силой, а частым падением.

Перед собранием он позвал к себе старост групп и Солопа Вячеслава, выполнявшего обязанности старосты этажа. Он был назначен воспитателем в самом начале учебного года вместо закончившего училище Вальчука Николая, энергичного и разбитного парня, нередко наводившего порядок тумаками и зуботычинами.

- Что нового, Славик? - спросил Иван Дмитриевич, когда Солоп появился в комнате.

- В комитете комсомола сегодня был. Готовится «Осенний бал».

- И когда он намечен?

- На 27-е число, на субботу. Время пока есть.

- Надо тогда готовиться.

- Иван Дмитриевич, вы сами знаете, что «Осенний бал» проводится по одному шаблону. Помните, как в прошлом году?.. Вот так и в этом: от каждого этажа несколько номеров художественной самодеятельности, оформление, маскарад и дискотеска.

- Значит, нам нужны маски и два-три номера для выступления?

- Именно так.

- Хорошо, на собрании и поговорим.

- Кстати, Иван Дмитриевич, ведь я не староста этажа. Его еще надо выбрать.

- Я не забыл, Славик... На собрании тебя утвердим.

- Нет-нет, - закричал Солоп, - мне этого счастья не надо!..

- Не будем спорить, Славик, как решит собрание, хорошо?

Предупредив старост групп, чтобы всех своих товарищей те направили в красный уголок на собрание, воспитатель пошел вниз.

Собрание началось ровно в 21.00. Открыл его Солоп. Он объявил повестку дня и сразу же предоставил слово Ивану Дмитриевичу.

- Нам предстоит сегодня выбрать Совет этажа, - начал воспитатель. - Совет этажа - это актив, те ребята из вас, которые будут руководить, направлять жизнь всего ученического коллектива, которые будут нести ответственность за своих товарищей и за поло-

жение дел на этаже. По существу, речь у нас будет идти о самоуправлении, то есть о сознательном отношении к своим обязанностям, о ваших правах и обязанностях.

Но перед этим я хочу сказать несколько слов вот о чем. Несколько дней назад вы вернулись из колхоза, где помогали колхозникам убирать урожай. Теперь вы вплотную приступаете к учебе, государство, проявляя о вас заботу, предоставило благоустроенное общежитие, вы обеспечены теплом, светом, крышей над головой, вы обеспечены столовой, душем - короче, всеми удобствами, о которых только может мечтать человек. Только учитесь!.. По мере возможности, государство постаралось избавить вас от излишних проблем и даже снабдило вас стипендией на всякие личные расходы и нужды... Разумеется, предоставляя вам, ребята, такие блага, государство вправе рассчитывать и на определенную отдачу с вашей стороны. В чем проявляться должна эта отдача? В учебе и в соблюдении правил и норм социалистического общежития. Вот, пожалуй, все, что требуется от вас на сегодняшний день: учиться, набираться знаний и готовить себя к тому, чтобы впоследствии стать учителем нашего подрастающего поколения. Константин Устинович Черненко на апрельском Пленуме этого года сказал: «Советская молодежь должна вступать в самостоятельную жизнь высококультурной, образованной и трудолюбивой». Это значит - активная жизненная позиция и высокое чувство ответственности за каждое порученное дело. Вот какими качествами должны обладать комсомольцы, будущие учителя, должен обладать каждый из вас... Будем рассматривать это положение как перспективу на будущее. А что же мы имеем сегодня? В прошлом году мы не добились 100% успеваемости и посещаемости занятий по группам. Мы не добились, чтобы все комнаты третьего этажа стали комнатами высокой культуры и быта. В целом ряде комнат было неряшливо, пыльно, грязно. Наблюдались случаи нарушения дисциплины и не только со стороны учащихся четвертого курса. Более того, отмечалось воровство и даже пьянство на этаже. Это так некоторые готовятся стать учителями. Внутренние пороки превалируют над достоинствами, становятся ведущими. А где же сознание, где понимание жизни, обстоятельств, где умение ориентироваться в окружающем тебя пространстве? Этого нет и даже нет желания воспитать в себе подобные качества...

На нашем этаже живут ребята разного возраста, начиная от четырнадцатилетних и кончая восемнадцатилетними. Всегда в обычном человеческом обиходе было так: старшие помогают младшим, учат их, направляют, защищают. Да и в народе говорят: не тот друг, кто потакает, а тот, кто помогает... К сожалению, мы вынуждены признать, что чаще всего мы встречаем обратное: старшие оказывают дурное влияние на младших. Вот сегодня был рейд на этаже. Проверено 18 комнат, в том числе 8 комнат 3 и 4 курсов,

6 комнат 1 курса и четыре 2-го. Каковы результаты?.. У младших двоек нет, на 2-м курсе - две «двойки», на 3-м и 4-м - шесть «двоек». Кажется, старшие ребята уже до- сконально освоили правила внутреннего распорядка, знают, что и как. Почему же они перещеголяли своей нечистоплотностью все общежитие?.. Неужели же они не знают, что надо убирать за собой, что мыть к ним в комнаты тарелки мама не придет?.. Знают. Тогда в чем же дело?.. Я отвечу в чем: в самой элементарной лени, в наплевательском отношении к окружающим, в равнодушии, в неуважении ко всему и всем... Три человека живет в комнате - будьте добры соблюдать в ней правила санитарной гигиены... Тупое косное самолюбование оставьте, пожалуйста, там, за порогом общежития. С первого курса мы призываем к самостоятельности. На это нацелен и режим дня: подъем, туалет, заправка коек, уборка помещения, завтрак, занятия в училище. Никакого курения, никакого употребления спиртных напитков не допускается в комнатах общежития, коридорах, местах общественного пользования... Работа над собой. Самовоспитание. Не проходить мимо словесного хамства, грубости, нечистоплотности. Старшие являются примером для младших...

...Потом он наблюдал, как проходили выборы в Совет общежития, не вмешиваясь и никого не поправляя, лишь время от времени придерживая расходившиеся страсти: каждый стремился остаться в стороне согласно принципу «Лишь бы не меня». Так было всегда, и он не удивлялся, ибо в любой школе активность проявляют девочки, мальчики же всегда и везде остаются в тылу. В конце собрания Солоп зачитал социалистические обязательства и их девиз: «40-летию Победы наш ударный труд и отличную учебу».

■

Он уходил из общежития в 11 часов ночи. Так было всегда. И почти всегда весь путь он проделывал пешком. Иногда удавалось уходить раньше, в 22 часа 45 минут, с тем, чтобы успеть на дежурный автобус, который в 23.00 развозил по домам смену швейной фабрики. Тогда он добирался домой за какие-нибудь четверть часа. Однако подобных послаблений для себя он старался избегать: рабочее время воспитателя начиналось с 16.00 и заканчивалось в 23.00. Часто из-за всевозможных совещаний и собраний воспитатели приходили на работу гораздо раньше установленного нормативами времени, но это обстоятельство не принималось в расчет: 23.00 - это была верхняя планка, и если эта планка хотя бы на дюйм опускалась, разными путями до воспитателей доводилось неудовольствие администрации. Кто и как ночью добирался домой, никого не интересовало. Из всех воспитателей, пожалуй, в лучшем положении была Вера Александровна, заведовавшая четвертым этажом. Здесь же, на своем этаже, она имела комнату, в которой и

проживала вместе с трехлетней дочкой и мужем, учителем трудового обучения одной из средних школ города. В таком обстоятельстве заключались свои плюсы и минусы. По крайней мере, перед ней не возникало проблемы с дорогой и временем на нее. К тому же свое, личное, время и рабочее переплеталось у нее настолько тесно, что невозможно было понять, когда она находится дома, а когда на работе. Ни комендант общежития, ни администрация училища в этих нюансах не разбирались, и если им требовалось, они прямо ломались в дверь, не взирая ни на какое время. По характеру Вера Александровна была женщиной покладистой, к девочкам своего этажа относилась чисто по-приятельски, и они отвечали ей тем же: она «покрывала» их, они «покрывали» ее. Разумеется, подобные отношения могли продолжаться только до поры до времени, но Вера Александровна считала свою работу, как и должность, «пересадочной площадкой», лелея надежду получить благоустроенную квартиру и преподавание иностранного языка в училище. Поэтому совершенно не в ее интересах было показывать «коготки» и вести с начальством беседы об истине.

Светлана Федоровна, воспитательница девочек второго этажа, жила поблизости от общежития в учительском доме. На весь путь домой у нее уходило не более трех минут. Что касается Елены Григорьевны, то у нее вообще не возникало никаких проблем, хотя она и имела квартиру в центре города, в пятнадцати минутах ходьбы от общежития. Время ее работы было действительно ненормированное в самом прямом смысле этого слова. Она могла прийти на работу в 17.00, в 20.00, могла вообще не явиться, никому ничего не объясняя. Если же кто-то проявлял настойчивость в доискивании причин, Елена Григорьевна ссылалась на заведующую начальным отделением Антонину Филипповну, которая якобы «все знает». Этого оказывалось достаточно, чтобы остановить поиски. Вообще Елена Григорьевна в общежитии играла роль сигнального рожка.

Уходя в одиннадцать ночи домой, она обязательно интересовалась, где находятся воспитатели, и если кто-то уходил на пять минут раньше, ею это бралось на заметку, причем пять минут увеличивались в шесть раз и до сведения администрации доводилось, что такой-то воспитатель не доработал полчаса. Нередко Елена Григорьевна покидала свое рабочее место минут десять-пятнадцать двенадцатого, что давало ей возможность при каждом удобном случае возвещать о том, что она работает днями и ночами. Самое странное было то, что ей администрация верила беспрекословно.

Таким образом, из всех воспитателей больше всех неудобств в этом отношении испытывал Иван Дмитриевич. Но увидев, что послаблений в этом отношении или хотя бы понимания от руководства ему не дожидаться, он не стал спорить и, как говорится, лезть в бутылку. Он стал строго придерживаться положенного времени, найдя в этой пунктуальности даже некоторое моральное удовлетворение.

Стоял поздний октябрь. На улицах было промозгло и сыро. Nebesa, загроможденные темными облаками, давили сверху, создавая ощущение ненастья не только в природе, но и в душе. Однако воспитатель приучил себя начисто отключаться от общежития, как только уходил за его стены. Ночной город являл перед ним картины своей жизни, которые он видел ежедневно, точнее, еженощно. Мрак безлюдных улиц и переулков, свежесть и сырость холодного воздуха, редчайшие прохожие, непонятные звуки и шорохи, которые могут возникнуть только в ночи - все это было ему знакомо и близко, все это называлось *природой*, а он чувствовал себя слитым с нею воедино, мельчайшей частицей, нужной и полезной. Он шел легко и свободно, будто летел, как птица, пересекающая пространство.

Около полуночи он уже был на окраине города и подходил к подъезду своего дома. Со скамейки кто-то поднялся ему навстречу так неожиданно, что он вздрогнул. При тусклом свете электрической лампочки, отбрасывающей темноту с бетонного столба, стоявшего поодаль, он увидел тонкую женскую фигурку, закутанную едва ли не с головой в темный плащ.

- Здравствуйте, - послышался дрожащий тихий голос.

Женщина приблизилась почти вплотную.

- Извините... Вы не знаете меня, но... Я к вам.

В полночь искать встречи с незнакомым мужчиной? Уж не пьяна ли эта особа? И действительно показалось, будто на него пахнуло перегаром.

- В чем дело? - спросил он, приостановившись.

- Я с письмом от вашего друга.

- Какого друга?

- Вадима Суходосова.

В ту же минуту перед своими глазами он увидел конверт и медленно взял его, коснувшись пальцев ее руки, тонких и холодных, как лезвие ножа. Женщина стояла, ссутулившись и опустив голову.

- Хорошо, идемте, - не сразу сказал он и шагнул в подъезд. - Простите только, у меня, как у старого холостяка, не прибрано и не слишком уютно.

- Я приходила к вам четыре раза, - прошелестел голос за спиной.

- Меня действительно застать дома мудрено. Но... по правде говоря, я сорок дней был в колхозе вместе со своими учениками. На выходные приезжал всего два раза... А работа такая, что только ночью меня и можно застать.

Он включил свет, женщина вслед за ним переступила порог.

- Если хотите, можете снять плащ. Повесьте в кладовку, вон туда...

Спустя минуту она прошла в залу и робко опустилась в одно из кресел, на краешек, стараясь не смять золотистого цвета накидку с изображением олимпийского мишки. Тонкие руки с худыми бледными пальцами коснулись подлокотников. Широкие вразлет темные брови, такие же темные овальные глаза с длин-

ными, словно подрисованными ресницами, поджатые, бесцветные губы. Она не сняла платка и сидела в нем, как старушка, поникшая, осунувшаяся, бесконечно усталая. Девушка была ему совершенно не знакомой.

- Откуда вы знаете Вадима? - спросил он, разрывая конверт.

- От своей сестры.

- Кто она - ваша сестра?

- Маргарита Иванченко.

Это имя ему ничего не говорило, хотя про себя он отметил, что где-то и при каких-то обстоятельствах это имя уже слышал.

Он извлек из конверта форматный листок и углубился в чтение.

*Per aspera ad astra!**

«Дорогой друг!

Нам не пришлось проститься, чему виною только моя нерасторопность и загруженность мелочами, нахлынувшими в самые последние часы перед отъездом и даже минуты. Извини меня, дорогой, если сможешь. Сообщаю, что твоя тракторка моего сна поразила меня своей точностью и дальновидностью, ибо предсказанное тобой сбылось, хоть верь этому хоть не верь. Хочу сказать тебе откровенно: ты огорчил меня своей теперешней работой. Не обессуди за прямоту. Но наша с тобой дружба оттого и не меркнет, что основа ее - истина. Тот вид деятельности, в который ты погрузил себя, - не для тебя. Пойми, дорогой, наша отечественная педагогика во всех средствах массовой информации прославляет людей, должность которых именуется словом воспитатель. Но все эти дифирамбы всего лишь слова, слова, слова, как выразился бы старик Шекспир, будь он сейчас жив. Воспитатель в нашем обществе - фигура одиозная и жалкая, потому что его не ставят в грош, к нему никто не прислушивается, он что-то вроде чернорабочего, ассенизатора и водовоза, которыми помыкают все, кому не лень, вплоть до рядового пожарника.

Это тот же 14-й класс в общественном положении, перекочевавший благополучно к нам из прошлого века. Между учителем и воспитателем расстояние, равное расстоянию от земли до неба. У воспитателя даже отпуск 24 рабочих дня, в то время как у учителя - все лето. Воспитатель - это не твое, САНТИЛЬЯНА. Недаром еще в институте студенты называли тебя таким именем в честь величайшего испанского поэта, воина и государственного деятеля. О твоём гуманизме, мудрости, талантливости знал весь район, когда ты работал инспектором, каждый человек почитал своим долгом пожать тебе руку, и во всех школах о тебе говорили только хорошес. Я знаю, что и сейчас в этой должности ты работаешь творчески и добросовестно. Но я знаю и то, что тебя никто не

* Через тернии к звездам! (лат.)

ценит и не оценит, ибо ты честен, умен и человечен, а этого-то современная руководящая тупость, олицетворяющая систему, и не может терпеть в подчиненных. Твои взгляды мне импонируют, но только мне. Посторонний в них не очень разберется или - что еще хуже - донесет в соответствующие органы. И вся твоя жизнь в дальнейшем уйдет на то, чтобы доказать сидящему над тобой пигмее, что ты не верблюд. Я люблю тебя, мой друг САНТИЛЬЯНА. И на прощание хочу попросить об одном: прими участие в той женщине, которая передаст тебе мое письмо. У нее большое горе. Выслушай ее и помоги, потому что в этом государстве помочь ей, кроме тебя, некому. Кстати - пусть это хоть и звучит цинично - проверишь и свою теорию на практике. Если тебе понадобится моя помощь, я - к твоим услугам.

Пиши мне по старому адресу, ибо у меня все остается без изменения в отношении места жительства.

Крепко жму руку. Твой Вадим».

Он свернул письмо и положил его на журнальный столик. Девушка, подавшись вперед, не сводила с него робкого, умоляющего взгляда.

- Вам знакомо его содержание?

Девушка отрицательно покачала головой.

- Для меня слово друга - закон, - сказал Иван Дмитриевич после некоторой паузы. - Именно это обстоятельство обязывает меня выслушать вас, несмотря на столь поздний час. Хотя... честное слово!.. Я даже не представляю, чем могу быть вам полезен... Но вначале - как ваше имя?

- Галя, - торопливо и отчего-то вздрагивая всем телом, произнесла девушка. - Галина Васильевна Помелуха, - эти слова были произнесены почти шепотом.

Она наклонила голову так, что черная косынка, украшенная по краям розовато-желтыми цветками, сползла на лоб, почти закрыв ее лицо.

- Успокойтесь. И снимите платок, он вам мешает.

Дрожащими пальцами она сдернула с себя косынку, обнажив седую прядь, которая вместе с другими локонами упала на смуглый лоб, прикрыв две неглубокие, но весьма выразительные морщинки.

- Слушаю вас.

- Я... я не знаю, с чего начать, - прошептала она. Слезинка выступила из глаза и поползла по щеке.

- Спокойнее, - повторил САНТИЛЬЯНА. - Лучше всего начните с конца. А потом подойдете к началу.

Она кивнула головой.

- У меня украли... ребенка.

- Насколько я понял, - прервал он последовавшее за тем молчание, - главное у вас уже вырвалось... А теперь, не торопясь, расскажите, как это случилось.

- Мой мальчик Алеша - так его зовут - Алеша пошел в детский садик. До сих пор проклиная себя, что не пошла с ним. Он не хотел идти один. «Мама, мама, а ты...? Я хочу идти с тобой». Я всегда провожала его в детсад. А тут как будто туман какой нахлынул... Осталась дома. Мне позвонили вечером, что с утра будут газовщики проверять газовые колонки. И чтобы кто-нибудь обязательно был дома. И я уговорила Алешу, чтобы он сам пошел в детсад... Это недалеко, от нашего дома один квартал... Я видела в окно, как он шел, до угла, а потом свернул... Потом я пошла на работу, на швейную фабрику - там я работаю. На душе, помню, беспокойно было почему-то. Дай, думаю, позвоню в детсад. Взяла трубку - это было уже в одиннадцатом часу, - а мне говорят, что Алеша в детский садик не приходил... Не помню, что я делала и где была. Обегали всех знакомых, сначала думала, что он у бабушки, моей матери, потом... Не знаю. Весь день я металась по городу, бабушка и Рита, моя сестра, ночь не спали...

Утром заявили в милицию. И вот уже более чем полгода о моем мальчике ни слуху, ни духу... Я вообще удивляюсь, что я еще живу.

Слезы ручьем хлынули из глаз рассказчицы. Иван Дмитриевич, не говоря ни слова, вышел в кухню и вернулся со стаканом воды.

- Где он? Что с ним?.. Я даже не знаю, жив ли он? - она вся дрожала, словно в ознобе, и зубы стучали о край стакана. - В милиции мне ничего не могли сказать и до сих пор ничего не говорят. Я ходила к ним каждый день, а теперь не хожу. Все равно без толку.

Она сидела, согнувшись, скрестив на коленях тонкие худые руки, лицо было мокро от слез, усталое, изможденное, обессиленное.

Рассказ был окончен, однако воспитатель не решался нарушить молчание, ибо просто не знал, что сказать.

- Я понимаю вас, - наконец промолвил он, - понимаю всю глубину вашего горя... Но что я могу для вас сделать? Право же, не знаю...

Девушка поникла головой, плечи ее мелко тряслись.

- Я не работаю в органах, - тихо говорил он, понимая, что говорит совершенно не то, что она хотела бы услышать. - Я всего лишь воспитатель в общежитии... Что я могу?.. И потом милиция, в конце концов, найдет...

- Они не ищут, я знаю... Они не хотят искать.

- Подождите, Галина Васильевна... Не все так просто. В милиции работают профессионалы, люди, имеющие соответствующие звания, подготовку. А я?.. Как я могу найти вашего сына? Ведь вы этого хотите, да?..

- Да! - с жаром воскликнула девушка, схватив его за руку. - Я прошу вас! Я заплачу, сколько скажете... Я отдам все, что есть.

Квартиру отдам. У меня благоустроенная, двухкомнатная... Только найдите мне моего мальчика!

- Галина Васильевна... Это абсурд. Мои возможности крайне - я повторяю: крайне! - ограничены. Это первое, - он говорил, тщательно подбирая слова и пытаясь освободиться от ее цепких рук. - Второе: я всего лишь воспитатель, а не следователь... У меня нет никакого арсенала средств... Галина Васильевна, нужно быть безумцем, чтобы решиться. Поймите, ведь нет никакой, абсолютно никакой гарантии в том, что ваш мальчик найдется...

- Нет! - вскричала бедная женщина, ломая перед ним руки. - Вы найдете, я знаю... Я верю вам: вы найдете... Прошу вас, умоляю!..

Она упала на колени, цепляясь за его руки и плача едва не навзрыд.

- Умоляю... помогите мне!.. Вы можете.

Подобно тому, как утопающий хватается за соломинку (такова русская поговорка), она ухватилась за него, ибо этот человек, к которому кинула ее судьба, сам того не ведая, предстал перед ней, как это последнее средство спасения.

- Галина Васильевна, поймите...

- Не отказывайте, прошу вас... Я верю...

- Встаньте, что вы?..

- Я верю вам... Вы можете... Вы найдете!.. - иступленно повторяла она, трясясь всем телом, словно в лихорадке, захватывая его руки и целуя их.

- Успокойтесь! - с силой, почти грубо, Иван Дмитриевич усадил ее в кресло. - Простите... Только из уважения к моему другу... Перестаньте плакать, я не выношу, когда плачут женщины... Попробуем. Но учтите, нет никакой надежды. Никакой!..

- Да, да, да!.. - ее глаза, обращенные к нему, были наполнены слезами. Вероятно, она даже не понимала, что говорит.

- И еще одно условие: никто, ни единый человек не должен знать об этом. Даже самый близкий!.. Никакой инициативы с вашей стороны.

Она кивала головой машинально, как будто бы даже этого не замечая, соглашаясь со всем, что он говорил. Казалось, что если бы сейчас он достал нож и сказал, что необходимо ей отрезать руку, чтобы поиски увенчались успехом, она, вне всякого сомнения, эту руку положила бы перед ним.

- Вы будете приходить ко мне только тогда, когда я вас позову. Вам ясно, Галя?.. Разрешите мне вас так называть? Вы будете делать только то, о чем я вас попрошу. Ничего лишнего. И делать в точности до микрона.

Она беззвучно шевелила губами, не сводя с него мокрых воспаленных глаз.

- Ваш рассказ был краток, но породил уйму вопросов. Однако уже поздно. И эти вопросы я вам задам при следующей нашей встрече.

- А... когда мне... прийти к вам?

- Мы встретимся с вами завтра... В половине четвертого дня вы подойдете к центральному гастроному. Договорились?

- Спасибо вам! - в ее слабом трепещущем голосе прозвучала такая благодарность, что САНТИЛЬЯНА почувствовал, как нечто острое подкатилось к горлу.

В руках у нее оказался маленький кожаный кошелек, инкрустированный бисером.

- Возьмите...

- Сейчас не время, Галя... Поверьте, когда мне понадобятся деньги, я вам об этом скажу... И еще для уточнения: насколько я догадываюсь, у вас нет мужа?... Вы - в разводе?

- Он умер в 1982 году.

- Простите.

Они прошли к выходу. Иван Дмитриевич помог ей надеть плащ.

- А теперь последнее. Завтра вы придете к гастроному и принесете фотографию вашего сына. И еще кое-какие его вещи: пару игрушек, его любимых, или одну какую-нибудь, носочки, не новые, а те, что он носил, маечку, трусики... Вы поняли меня? Много не надо. И обязательно не стиральное...

- Хорошо, хорошо, я принесу...

- Сейчас скоро два ночи. Я не провожаю вас, - он посмотрел на нее странным святящимся взглядом. - Идите спокойно, ничего и никого не бойтесь. Бог вас оградит... Только - ни в коем случае не оглядывайтесь. Вы поняли меня?... До свидания.

Вместе они вышли из подъезда, и ее тонкую фигурку поглотила тьма ночи.

Ровно в назначенное время Иван Дмитриевич подошел к центральному гастроному и тотчас увидел вчерашнюю свою гостью. При свете сумрачного дня, слегка расцвеченного слабыми бликами проглядывающего из-за туч солнца эта девушка, в том же плаще и той косынке, показалась ему еще более хрупкой и тонкой, словно оголенный прутик на песчаной горке, сооруженной играющим малышом. Увидев его, она тотчас пошла навстречу. Вчерашние потухшие глаза сегодня светились надеждой и такой признательностью, что ему даже стало как-то не по себе. Он поздоровался кивком головы, не ответив на ее робкую улыбку.

- Я принесла, - тихо сказала Галя, протягивая ему пакет, - это Алешины вещи: маечка...

- Хорошо, - перебил он и тут же сам подосадовал на свою резкость. - Мне идти в ту сторону, - сказал он чуть мягче, показав рукой через площадь. - Если вы не торопитесь, то... проводите меня чуть-чуть.

- Я не тороплюсь...

Они медленно направились по аллейке скверика, примыкавшего к городской площади.

- Я принесла фотографию.

- Спасибо, - он принял от нее карточку размером 6х9 и, не глядя, сунул во внутренний карман пиджака.

- Как вы вчера дошли домой?

- Хорошо.

- Ничего не произошло?

- Нет... Все благополучно.

- Сегодня у нас 20-е число, суббота. 27 октября у нас «Осенний бал», тоже суббота. Вот в этот день, Галя, пожалуйста, придите ко мне. В полночь - именно в это время я буду дома.

- Я приду, обязательно приду...

- Вы, конечно, извините, что назначаю вам встречу в такое время. Но иного времени у меня нет... Может быть, вам неудобно в полночь, но... потерпите немного.

- Нет, я ничего... Я буду.

- Потерпите немного, - повторил он. - Ваше дело особое, как мне кажется, и разбираться в нем надо тоже по-особому.

Они прошли через скверик, весьма прозрачный из-за редкой растительности: кроме низкорослых елочек, декоративных кустов слева и высоких деревьев грецкого ореха по центру, ничего иного в нем не было.

Пересекли улицу и остановились у книжного магазина.

- Здесь мы простимся, - сказал САНТИЛЬЯНА. - Мне надо на работу. Итак - 27-го в полночь я вас жду... И еще, Галя, простите меня, если я покажусь вам грубым. Но желательно уточнить все сразу. Вчера мне показалось, что вы... от вас пахнет вином...

Ее лицо залила краска; казалось, ярко бордовыми стали не только щеки, но и лоб, и руки, и шея даже локоны волос, чуть выбивающиеся из-под косынки.

- Я прошу вас, Галя... Мне это действительно показалось, пусть так. Но... идя ко мне, ни грамма вина, если вы хотите, чтобы ваш сын был найден. Я не ханжа, я сам могу пить, даже напиться, но... Галя, ни грамма - вы поняли?.. *Духи не выносят запаха алкоголя.*

Этой странной фразой закончилась встреча. Она осталась стоять, чувствуя, что едва не проваливается сквозь землю от стыда, а он свернул в какой-то проулок и исчез, растаял, словно дымок в воздухе.

В общежитии за столом вахтера сидела Ольга Петровна, женщина весьма преклонного возраста. Мимо нее сновали ученики. Воспитатель поздоровался и, не задерживаясь, направился к себе на этаж, но Ольга Петровна его остановила.

- Дмитрич, ваши архаровцы ночью снова выбили дверь на четвертом этаже.

- В какое время?

- Как только вы ушли... Сергеевна три раза поднималась к вам на этаж. У коменданта лежит ее докладная.

Из своего кабинета вышла Людмила Ивановна, комендант общежития, женщина среднего возраста с визгливым голосом, переходящим в такой же пронзительный визгливый крик по всякому ничтожному поводу.

- Здравствуйте, Иван Дмитриевич. Я вас жду, зайдите ко мне. Они вошли в кабинет, комнату размером 3х4, обстановка которой состояла из тяжелого полированного стола с выдвижными ящиками, накрытого серой с непонятными узорами скатертью, нескольких стульев, низенького шифоньера и квадратного сейфа на обыкновенной тумбочке.

- Вот почитайте, что написала Александра Сергеевна, - сказала комендант, подавая воспитателю двойной листок в клеточку.

Он развернул листок, испещренный неровными каракулями, прижимающимися друг к другу.

*«Коменданту общежития
от вахтера Петуховой Александры Сергеевны
докладная*

Сегодня ночью в 11 час. 45 мин. я услышала свист со стороны 3-го этажа. Я сразу поднялась туда и увидела, что дверь на этаж закрыта на палку, а свет выключен. Я стала дергать дверь, и палка упала. Я пошла по коридору и включила свет. На этаже никого не было, а в кубовой сидели прямо на столе Яцков с третьего курса и Шелганов Михаил, второкурник, и оба курили. Я сказала, что курить нельзя, можно сделать пожар, а Яцков сказал, что пусть сгорит это общежитие. А я тогда говорю: «Где же ты жить будешь?» А он сказал, что пойдет к невесте. Я спросила, кто из них свистел, а Шелганов сказал, что они свиста не слышали. А Яцков сказал, что я пьяная и мне с пьяных глаз померещилось. Я сказала, что если они не уйдут спать, то завтра я все расскажу директору, и пошла вниз. Но только я подошла к своему столу, как услышала звон стекла. Я побежала обратно на этаж и увидела, что на 4-м этаже было в дверях разбито стекло и оторван наличник. Кругом никого не было. Тогда я пошла по коридору третьего этажа, в кубовой уже никого не было. Я постучала в 57 комнату, где живет Яцков, но мне никто не открыл, а кто-то из-за двери крикнул: «Хватит ходить по этажу, а то мы вызовем милицию». Я думаю, что стекло разбили Яцков и Шелганов, потому что я больше никого не видела.

Вахтер Петухова.»

- Вот видите, что происходит, - сказала Людмила Ивановна голосом, переходящим на крик. - С этими сволочами надо меньше нянчиться!..

- Я не тороплюсь...

Они медленно направились по аллейке скверика, примыкавшего к городской площади.

- Я принесла фотографию.

- Спасибо, - он принял от нее карточку размером 6х9 и, не глядя, сунул во внутренний карман пиджака.

- Как вы вчера дошли домой?

- Хорошо.

- Ничего не произошло?

- Нет... Все благополучно.

- Сегодня у нас 20-е число, суббота. 27 октября у нас «Осенний бал», тоже суббота. Вот в этот день, Галя, пожалуйста, придите ко мне. В полночь - именно в это время я буду дома.

- Я приду, обязательно приду...

- Вы, конечно, извините, что назначаю вам встречу в такое время. Но иного времени у меня нет... Может быть, вам неудобно в полночь, но... потерпите немного.

- Нет, я ничего... Я буду.

- Потерпите немного, - повторил он. - Ваше дело особое, как мне кажется, и разбираться в нем надо тоже по-особому.

Они прошли через скверик, весьма прозрачный из-за редкой растительности: кроме низкорослых елочек, декоративных кустов слева и высоких деревьев грецкого ореха по центру, ничего иного в нем не было.

Пересекли улицу и остановились у книжного магазина.

- Здесь мы простимся, - сказал САНТИЛЬЯНА. - Мне надо на работу. И так - 27-го в полночь я вас жду... И еще, Галя, простите меня, если я покажусь вам грубым. Но желательно уточнить все сразу. Вчера мне показалось, что вы... от вас пахнет вином...

Ее лицо залила краска; казалось, ярко бордовыми стали не только щеки, но и лоб, и руки, и шея даже локоны волос, чуть выбивающиеся из-под косынки.

- Я прошу вас, Галя... Мне это действительно показалось, пусть так. Но... идя ко мне, ни грамма вина, если вы хотите, чтобы ваш сын был найден. Я не ханжа, я сам могу пить, даже напиться, но... Галя, ни грамма - вы поняли?.. *Духи не выносят запаха алкоголя.*

Этой странной фразой закончилась встреча. Она осталась стоять, чувствуя, что едва не проваливается сквозь землю от стыда, а он свернул в какой-то проулок и исчез, растаял, словно дымок в воздухе.

В общежитии за столом вахтера сидела Ольга Петровна, женщина весьма преклонного возраста. Мимо нее сновали ученики. Воспитатель поздоровался и, не задерживаясь, направился к себе на этаж, но Ольга Петровна его остановила.

- Дмитрич, ваши архаровцы ночью снова выбили дверь на четвертом этаже.

- В какое время?

- Как только вы ушли... Сергеевна три раза поднималась к вам на этаж. У коменданта лежит ее докладная.

Из своего кабинета вышла Людмила Ивановна, комендант общежития, женщина среднего возраста с визгливым голосом, переходящим в такой же пронзительный визгливый крик по всякому ничтожному поводу.

- Здравствуйте, Иван Дмитриевич. Я вас жду, зайдите ко мне. Они вошли в кабинет, комнату размером 3х4, обстановка которой состояла из тяжелого полированного стола с выдвижными ящиками, накрытого серой с непонятными узорами скатертью, нескольких стульев, низенького шифоньера и квадратного сейфа на обыкновенной тумбочке.

- Вот почитайте, что написала Александра Сергеевна, - сказала комендант, подавая воспитателю двойной листок в клеточку.

Он развернул листок, испещренный неровными каракулями, прижимающимися друг к другу.

*«Коменданту общежития
от вахтера Петуховой Александры Сергеевны
докладная*

Сегодня ночью в 11 час. 45 мин. я услышала свист со стороны 3-го этажа. Я сразу поднялась туда и увидела, что дверь на этаж закрыта на палку, а свет выключен. Я стала дергать дверь, и палка упала. Я пошла по коридору и включила свет. На этаже никого не было, а в кубовой сидели прямо на столе Яцков с третьего курса и Шелганов Михаил, второкурник, и оба курили. Я сказала, что курить нельзя, можно сделать пожар, а Яцков сказал, что пусть сгорит это общежитие. А я тогда говорю: «Где же ты жить будешь?» А он сказал, что пойдет к невесте. Я спросила, кто из них свистел, а Шелганов сказал, что они свиста не слышали. А Яцков сказал, что я пьяная и мне с пьяных глаз померещилось. Я сказала, что если они не уйдут спать, то завтра я все расскажу директору, и пошла вниз. Но только я подошла к своему столу, как услышала звон стекла. Я побежала обратно на этаж и увидела, что на 4-м этаже было в дверях разбито стекло и оторван наличник. Кругом никого не было. Тогда я пошла по коридору третьего этажа, в кубовой уже никого не было. Я постучала в 57 комнату, где живет Яцков, но мне никто не открыл, а кто-то из-за двери крикнул: «Хватит ходить по этажу, а то мы вызовем милицию». Я думаю, что стекло разбили Яцков и Шелганов, потому что я больше никого не видела.

Вахтер Петухова.»

- Вот видите, что происходит, - сказала Людмила Ивановна голосом, переходящим на крик. - С этими сволочами надо меньше нянчиться!..

- Если бы двери были открыты, подобных докладных не было бы.
- Директор же боится, что девчонки начнут рожать.
- Вы уже сообщили об этом происшествии в училище?
- Да, директор знает и парторг тоже.
- Ладно, Людмила Ивановна... Я постараюсь разобраться.
- Этого Яцкова надо гнать вон из общежития... А где стекло взять?
- Кто разбил, тот и застеклит, - сказал Иван Дмитриевич и вышел из кабинета.

Он хорошо знал, что, сколько бы ни разбирались с битьем стекол, толку все равно не будет. Несколько лет назад дирекция училища вдруг распорядилась закрыть вторые двери на всех этажах, чтобы мальчишки третьего этажа не шастали по ночам к девчонкам, что сказывалось якобы на успеваемости учеников и их моральной устойчивости. С тех пор практически каждую неделю на 4-м, а иногда и 5-м этажах в дверях выбивали по ночам стекла, взламывали замки, ломали дверные перегородки. Виновных иногда находили, наказывали вплоть до выселения, но положение к лучшему не менялось. За два года работы в общежитии Иван Дмитриевич получил из-за этих дверей штук пять выговоров и столько же замечаний, из коих явствовало, что он не справляется с работой и не контролирует ситуацию. Вначале он активно взялся за разборку каждого отдельного случая взлома, широко привлекая классных руководителей тех групп, учащиеся которых попадались, апеллировал и к администрации училища, ставя перед ней вопрос о выселении нарушителей, пока вдруг на одном из педсоветов не столкнулся с таким казусом: его обвинили в том, что он не занимается воспитанием, а ищет поводы, чтобы как можно больше детей выгнать из общежития. К тому же ему не поверили, когда он вдруг объявил, что нередко деятельное участие во взломах принимают сами девочки. Потребовались доказательства, он их предоставил, но ему снова не поверили, упрекнув в подтасовке фактов. Тогда он прекратил всякие розыски и разборки, поручив бытовому сектору этажа заниматься каждым подобным случаем. Не вдаваясь ни в детали происшедшего, ни в чьи бы то ни было рассуждения, бытовой сектор обязан был в течение дня устранить неисправность. С тех пор так оно и шло: ночью мальчишки и девчонки, объединившись, били стекла, протестуя таким образом против закрытия дверей, а днем бытовой сектор 3-го этажа занимался ремонтом.

- Яцков здесь? - спросил он у дежурного четверокурсника Казанецкого Жени.

- Не видел, Иван Дмитриевич, - ответил тот.
- Увидишь, скажи, чтобы зашел ко мне. Он и Шелганов.
- А Шелганов только что пошел в туалет.
- Из туалета его прямо ко мне.

Он прошел по коридору и постучался в дверь 64-й комнаты, где жил ответственный за бытовой сектор Севрюков Василий.

- Здравствуйте, мальчики, - сказал он, входя.

Все четверо были дома и занимались, кто чем хотел, а Севрюков лежал на кровати и читал какую-то книжку.

Увидев воспитателя, он поднялся, поправляя смятую постель, Селедцов стал прибирать на столе разбросанные тетрадки, а Кравченко и Шевелев прикрыли тумбочки, в которых они, видимо, начали наводить порядок.

- Знаете, что произошло сегодня ночью? - спросил воспитатель.

Кравченко кивнул головой, а Шевелев протянул, словно про себя:

- Слышали.

- Это не мы, Иван Дмитриевич, - сказал Селедцов.

- А я про вас ничего и не говорю. Мне Вася нужен. Пойдем, брат, потолкуем...

Двоем они поднялись по лестнице на площадку четвертого этажа. Многострадальная дверь зияла пробитой брешью, девочки бегали по коридору и посмеивались, глядя на них.

- Ты понял, Севрюков, что надо сделать?

- А где взять стекло?

- Это проблемы бытового сектора... Раз не умеете жить по-человечески, толките воду в ступе.

- Мы не били, Иван Дмитриевич.

- А кто бил?

- Откуда я знаю?

- Вот так... 120 человек на этаже и никто ничего не знает. Ладно, пойдем ко мне, кое-что уточним.

Шелганов стоял напротив дверей комнаты воспитателя.

- Вы меня звали, Иван Дмитриевич? - спросил он.

- Привет, Миша, как жизнь молодая?

- Здравствуйте... Спасибо, нормально.

Воспитатель открыл дверь и пропустил ребят вперед.

- Располагайтесь, как дома... Полчаса назад я вошел в общежитие, а только сейчас добрался до своего кабинета, - он прошел за свой стол и с минутку просматривал свою рабочую тетрадь, где был записан план работы на сегодняшний день. На сегодня было намечено вместе с учебным сектором переписать всех неуспевающих на конец недели, выпустить информационный стенд «Глобус», проверить санитарное состояние тех комнат жильцы которых уехали домой на выходной. Теперь добавился ремонт разбитой двери на площадке 4-го этажа. И еще воспитатель рассчитывал сегодня, пользуясь субботой, зайти в милицию и договориться о встрече с капитаном Никоновым, с которым когда-то вместе служил в армии.

- Ты в курсе, Михаил, что на тебя написана докладная коменданту? С чего бы это вдруг? Не пояснишь?

- А при чем здесь я? - сразу насупилас Шелганов. Его быстрые черные глаза потупились, плечи приподнялись, голова вошла в них, и сам он словно затаился, как кошка в кустах, глядя на прыгающих поблизости воробьев.

- На него, - указал воспитатель на Севрюкова, - не написали, а на тебя написали. Напраслина или как?

- Я ничего не делал и не знаю, кому это понадобилось...

- А может быть, Миша, не будем темнить?.. Ты честный, порядочный парень и всегда, насколько я знаю, говоришь правду, а тут пытаешься ввести в заблуждение. Меня, Василия, Солопа Слави́ка, старосту этажа, кого еще?.. Дежурного по этажу... Все глупы, а ты и твой друг Яцков умные, да?..

- Мы не разбивали стекло, Иван Дмитриевич.

- Вот видишь?.. Сразу понял, что к чему. Ты не разбивал - да, а Яцков?

- Иван Дмитриевич, после того, как Александра Сергеевна побывала у нас, мы сразу ушли. Я и Витька, сразу ушли, а на четвертый этаж мы даже не поднимались.

- И не слышали звона?

- Слышали... Я слышал, но я уже был в своей комнате. А когда услышал звук битого стекла, я не вышел, потому что если бы меня увидели на этом месте, то сразу сказали бы, что я виноват...

- Логично... Но честному человеку, Миша, бояться нечего.

- Может оно и так. Но у нас, вы сами знаете, по-другому: виноват тот, кто мимо шел, или подошел, или пришел.

- Ну, а с курением как?

- В этом виноват... А куда идти покурить, если хочется?

- А ты научись не всегда делать то, что хочется... Воздержись малость. Как я, например... Я уже три года не курю - и голова не болит, и бессонницей не страдаю.

- Ну-у, так это вы.

- Вася, ты куришь? - спросил Иван Дмитриевич Севрюкова.

- Нет.

- Вот тебе другой пример, если мой для тебя недостижим, - сказал воспитатель и снова обратился к Севрюкову: - Голова у тебя не болит, оттого что не куришь? Бессонницей не страдаешь?

- Нет.

- Вот как жить надо, и никто докладных на тебя писать не будет... Значит, так, Миша, сейчас Василий соберет свой сектор, кто не уехал, и пойдет дверь стеклить, а ты ему поможешь. Договорись?.. Кстати, где Яцков?

- Он домой уехал, Иван Дмитриевич. Сразу после занятий.

- Видал, какая оперативность!.. Ну, ничего, придет - поговорим.

- А где деньги на стекло взять? - спросил Севрюков.

- Если бы мы знали, кто разбил, взяли бы у них. Но так как виноватых нет, то возьми по пять копеек со всех, кого увидишь на этаже. Чтобы были бдительнее следующий раз.

Принимая подобное решение, воспитатель знал, что поступает неправильно. Элементарнейшая логика подсказывала, что первокурсники ломать двери не будут. Если отминусовать их от общего коли-

чества, оставалось 90 человек. Из них не менее пятидесяти заслуживали полного доверия, таким образом, нарушитель находится среди оставшихся сорока. И значительнейшая часть ребят этажа могла бы назвать их, однако круговая порука, свойственная практически всякому подростковому коллективу, исключала какос бы то ни было проявление здравого смысла. Более двух лет уже он фактически варился в собственном соку, пока не понял, что никакие способы и приемы не дадут нужного результата, пока здравый смысл не победит наверху, ибо его воспитанников несло течением, противостоять которому они в силу своего возраста еще не могли.

В комнату воспитателя вошел Славик.

- Здравствуйте, Иван Дмитриевич.

- Здравствуй, Славик.

Они обменялись рукопожатием.

- Стекло сегодня в дверях разбили, Иван Дмитриевич, - сообщил Солоп. - Я узнал, когда из училища пришел. Комендант сказала.

- Мы с тобой в одинаковом положении: я тоже узнал только что.

- Иван Дмитриевич, я думаю, что Людмила Ивановна не права, - заговорил Солоп, помолчав. - Даже зло берет, честное слово!.. Увидела меня и давай кричать: я вас, сволочей, пакостников таких, всех повыгоняю! Ты, староста, под носом ничего не видишь, глухой и слепой!..

- Ее можно понять, Славик: она отвечает за сохранность имущества всего общежития. С нее спрашивают.

- Пусть так, но зачем же набрасываться на каждого, не разобравшись? И оскорблять еще вдобавок?.. И еще, почему сразу же виноваты мальчишки? Может быть, они совершенно не причем?

- Может быть. Но ведь Александра Сергеевна написала докладную на двух наших парней: Шелганова и Яцкова. С Шелгановым я сейчас поговорил, кажется, он не виноват, стекла он не трогал, а Яцков? Мало того что курил в кубовой, еще гадости говорил старому человеку. Жаль, что уехал...

- А знаете, почему он уехал?.. У него мать больна, в больнице лежит районной.

- Откуда ты знаешь?

- Мы же из одного села, Иван Дмитриевич. Почему же я не знаю?.. Вот он приедет, пусть расскажет, как девчонки ему чуть голову не раскроили.

- Как это?

- Позавчера убирали территорию общежития со стороны двора и нашли в траве 12 бутылок из-под вина и водки, а сколько пустых пачек от папирос и сигарет, окурков миллион... Все кричат: мальчишки такие-сякие, пьяницы, дебоширы, все ломают, стекла бьют!.. А вот Яцков пусть, пусть расскажет, как с 5 этажа в него запустили две пустые винные бутылки. И одна, здоровая, «граната», если бы

он не увернулся, так бы и раскроила ему голову. И это во время уборки. Девочки же запустили, «пошутили» то есть. И он знает, кто!..

- Но почему же он мне ничего не сказал?

- Он потом сам к ним ходил, выяснял отношения.

- Ладно, придет - я у него спрошу.

- Он не скажет, Иван Дмитриевич, - убежденно сказал Солоп.

- Почему это не скажет?

- Иван Дмитриевич, да кто из парней пойдет закладывать девочку!.. Точно так же и с дверями. Все упреки сыпятся на мальчиков, а о девочках никто не думает. Помните в прошлом году училась Черемухова Люда, маленькая такая, симпатичненькая и вредная. Ее в комитет комсомола потом выбрали.

- Помню... Она больше всех возмущалась выбитыми дверями.

- Так вот... Лично она шесть раз принимала участие в этой акции по ночам.

- Она?! - изумился воспитатель, припоминая эту энергичную девушку, которая каждое утро после взлома дверей устраивала самый настоящий тарарам, требуя наказания мальчиков. - Она же жила на четвертом этаже!..

- Вот-вот... И знаете почему? Она дружила с Белозором Олегом и еще с кем-то... И они ее бросили. Так она мстила всем хлопцам.

- Славик, она уже закончила училище, и теперь на нее можно говорить все, что угодно.

- Не верите?.. Поговорите с девочками четвертого этажа.

- Нет, брат, искать прошлогодний снег глупо.

- У нас многие мальчики знают, кто из девчонок бьет стекла в дверях.

- И ты знаешь?

- Иван Дмитриевич, я староста. Возможно, я и догадываюсь, но поймите меня правильно: я живу среди ребят и бслой вороной быть не хочу. Поверьте только одному: ни я, ни мои друзья ломать двери не пойдут. И стукачами не будем.

- А если подойти принципиально?

- Толку не будет, Иван Дмитриевич. Никто стекла бить не станет, если дверь будет открыта.

Этот шестнадцатилетний паренек нравился воспитателю. Нравился своей простотой, непосредственностью, умением логически рассуждать. Он учился в сельской школе и, видимо, неплохо. Было известно, что вступительные экзамены в училище он сдал на «4» и «5» - вступительный балл у многих поступающих ребят был гораздо ниже. В комнате у него было всегда чисто, прибрано, кровати аккуратно застелены; это была одна из немногих мальчишеских комнат, где на подоконнике нашли приют комнатные цветы в небольших, разукрашенных под березу вазочках. Третьекурсники Чернов Саша и Бурцев Павел, жившие вместе с Солопом, в чем-то

походили на него: не курили, не сквернословили, играли на гитаре, которая висела у них на боковой стенке шифоньера, всегда были вежливы и почтительны. К тому же Чернов посещал кружок балльных танцев, а балет, как известно, - искусство избранных.

- Славик, ты, как староста, посмотри, как там Севрюков застеклит дверь. Вот стеклорез.

- Я знаю, Иван Дмитриевич, - Солоп поднялся и, сунув стеклорез в нагрудный карман рубашки, вышел из комнаты.

К капитану Никонову он попал лишь в понедельник, около двенадцати часов дня. Увидев знакомый профиль угловатого лица с длинным носом, с короткими тщательно пробритыми усиками и серыми пронизательными глазами, никонов широко заулыбался и, раскинув руки, поднялся из-за стола навстречу. Они начинали служить вместе, вместе закончили школу сержантов и вместе потом продолжили службу в ракетной части младшими командирами. Перед демобилизацией пути их разошлись. Никонов уехал в Казань и там поступил на юрфак университета, а его друг отправился домой. Спустя 15 лет после службы судьба свела их вновь в одном городе, но встречались они крайне редко. Причем встречи эти были не преднамеренные, а случайные и ограничивались лишь простым здравствованием, двумя-тремя вопросами о жите-бытье и пожеланиями друг другу, близким и родным всяческих благ.

- Каким ветром, Иван Дмитриевич?.. Как гром среди ясного неба. Но я рад, очень рад тебя видеть!

- Уделишь мне минут 5-10?..

- Пять минут?.. Скромняга!.. Я весь в твоём распоряжении, Ваня, хоть целый день!.. Все заброшу ради тебя. Где ты сейчас? Помнишь, ты работал в районном отделе народного образования?

- Было дело, Коля... Но где был, теперь меня там нет.

- А где, если не секрет?

- Не секрет... Воспитатель в общежитии педагогического училища.

Последовало непродолжительное молчание. Видимо, капитан был в некотором недоумении, столь странной показалась ему метаморфоза в бытии своего сослуживца.

- Инспектор - воспитатель, - качнул он крупной своей головой, увенчанной густой шевелюрой темно-русых волос. - А чем объяснить такие зигзаги в твоей жизни?

- Как говорят неудачники, не мы такие - жизнь такая, - философски произнес Иван Дмитриевич с улыбкой глядя прямо в лицо своего товарища.

Тот понимающе закачал головой.

- В армии тоже, помнишь, тебя тоже кое-что не устраивало?

- Да, самое тупое армейское предписание: приказ начальника - закон для подчиненного, - усмехнулся воспитатель. - Если приказ тебе кажется несправедливым, ты сначала его выполни, а потом обжалуй: тебе прикажут прыгнуть с пятого этажа, ты прыгни, а потом обжалуй.

- Но мы же с тобой, Иван, были командирами и требовали это сами от своих солдат.

- Все так, но мы с тобой прежде *думали*, а потом отдавали приказ...

Оба засмеялись одновременно с некоторой грустью: прошлое, несмотря на мерцающие в нем пороки, представлялось с вершины пройденного добрым старым временем.

- Как тебе на новом месте? - спросил Никонов.

- Везде свои гримасы, Коля... Я, кстати, пришел по делу.

- Весь внимание, - Никонов придвинул стул и сел рядом. - Что стряслось, брат?

- Буду благодарен, если дашь мне одну информацию...

- Какую?

- Полгода назад пропал четырехлетний мальчик Помелухо Алеша. Ваш отдел, как я понимаю, этим делом занимался. Мне бы хотелось узнать о нем несколько подробнее.

- Знаю, - не сразу отозвался капитан, и лицо его посерьезнело.

- Но я, Иван, был тогда на сборах и этот случай прошел мимо меня... Но зачем это тебе?

- Это другой вопрос, Коля... Но я думаю, что эту информацию мы не отнесем к категории «совершенно секретной»?

- Нет, конечно, но... Темное это дело, Иван. И брось ты это. Мальчишку ищут и, возможно, когда-нибудь найдут - вот все, что я могу тебе сказать.

Старый сослуживец молчал, и, видимо, Никонов почувствовал, что вряд ли подобный совет сможет его удовлетворить.

- Помелухо Алеша - это сын Помелухо Галины, да? - произнес он, выпрямляясь и с улыбкой глядя на своего товарища. - А она - из семьи «Маргариток»? Знаешь, что это за семейство?

Иван Дмитриевич медленно покачал головой.

- «Маргаритки» - их так весь город зовет. По имени младшей сестры Маргариты.

- Ну, и что из того?

- Ну, Иван, ты словно с луны свалился... В 1979 году эта девчонка, Маргарита, то есть, закончила 9 классов. Маленькая, симпатиченькая, в форме - в общем, понимаешь... Был у них выпускной вечер, и ученики решили это отметить. Как водится, собралась компания: свои там были и пригласенные. И она, Маргарита, набралась так, что отключилась. Да и много ли девчонке четырнадцатилетней надо, век никогда не пившей?.. Сначала пили в

школьном саду, потом поехали куда-то на квартиру. С кем она была, кто с ней пил, как осталась одна - ничего не помнит. Короче, тешились над ней всю ночь, а потом под утро завезли ее за город и бросили на пустыре совершенно голую... Лежала она в больнице три недели, а потом, когда ее выписали, вместе с матерью пришла в отделение милиции и написала заявление. изнасилование несовершеннолетней, причем групповое изнасилование - тут идет 117-я статья по крупному счету. Был один следователь, потом стал другой, его заменили третьим... В общем, Ваня, спустили дело на тормозах. А девчонка прогремела на всю округу.

- А нашли тех, кто изнасиловал?

- Я же тебе говорю: спустили на тормозах... Первый следователь Карпеченко копал-копал и вышел как будто на отпрыска какого-то большого человека. Понял?.. Только я тебе ничего не говорил, Иван. Ничего!.. Просто я тебя знаю как порядочного человека, да и вместе солдатские щи хлебали... Из области кто-то приехал, Карпеченко отчитывался. После этого отчета, дело поручили другому, а его вообще из нашего района отправили куда-то на другое место работы... А им, этим «Маргариткам», предлагали забрать заявление, они отказались. А зря!.. Только себе на голову наложили... Про девчонку стали говорить, что она с 12 лет проституцией стала заниматься, а мамашу ее за растрату уволили по статье.

А сестра ее вышла замуж за одного командированного. Пьянчу-га еще тот. Летел пьяный на мотоцикле и врезался в кювет. Насмерть сразу!.. Эта семейка у нас на учете стоит и сейчас. Вечные пьянки, разврат. Патрульная служба заглядывает к ним чуть ли не каждую неделю. Соседям житья нет, право.

За все время рассказа Иван Дмитриевич не проронил ни слова.

Смутно было на душе, смутно и неприятно. С Никоновым близкими друзьями они не были, хотя сохранились теплые и, видно по всему, доверчивые отношения. Но то, что по старой дружбе говорил ему капитан, выглядело слишком неприглядно. И неужели этого не чувствовал сам капитан, по долгу службы просто обязанный думать о чести мундира?

Никонов поднялся, похлопал товарища по плечу снисходительно, как бы говоря: «Бросай это дело, дружище, пока не влип», и перешел на свое место.

- Ты рассказал мне о семье, а я тебя спрашивал о мальчике, - негромко произнес Иван Дмитриевич.

- Полгода прошло, Иван, полгода!.. Он все равно у них был как беспорозник. Каждодневные пьянки в доме, мужики меняются как перчатки. Она, эта мамаша, и мужу своему изменяла, говорят, как кошка. Поколачивал он ее, соседи говорили... Может, оно и хорошо, что его украли, попал хоть к добрым людям, человеком сделают...

- Ну, а сейчас, кто этим делом занимается?

Капитан замолчал, словно захлебнулся. Прошло несколько мгно-

вений, в которые до него дошло, что его слушатель воспринимает рассказанное в совершенно ином свете.

- Ну, как хочешь, - сказал он потвердевшим голосом, в котором, однако, еще сквозило сожаление. - По этому делу работает у нас лейтенант Дорофеев Петр Иванович. Но его сейчас нет. Три дня назад уехал в командировку.

- Куда?

- На Север... В Тюмень что ли... Удивляюсь я тебе, Ваня. Работает воспитателем, там у тебя проблем, наверное, море, а ты еще на голову свою изобретаешь...

- А я тебе удивляюсь, товарищ капитан... Изнасиловали несовершеннолетнюю - темное дело. Да и что искать, сама виновата, с пеленок занималась проституцией. Украли ребенка - тоже темное дело. Да и что искать, сами виноваты, пьянствуют день и ночь, и ребенок должен радоваться, что его от родной мамы увели... Что же светлое, Коля? Или это - система работы органов: каждое дело обносить частоколом из домыслов, чтобы легче было оправдаться?

- Ты систему не трогай и оставь умозаключения эти глупые при себе.

- А если кроме шуток... Пропал ребенок. Какая была выдвинута версия? Как вы ее разрабатывали? Чем подтверждали?..

- Я говорю тебе как друг, как товарищ, с которым вместе оттянули 38 месяцев солдатчины без единого дня отпуска: не бреди прошлое. Ваня, наживешь только неприятности, поверь... Мальчишку ищут и, возможно, найдут. Это дело не списано. Но поиски пропавших - самое труднейшее из трудных, уходят годы на это. Годы!.. Преступники следов практически не оставляют. Это не магазин обчистить, где многое становится ясным сразу же после первого шага... Вернется Дорофеев, поговори с ним, если тебе так уж приспичило.

- Когда он вернется?..

- Не знаю... Недели через три, наверное. У него задание есть по лагерям...

САНТИЛЬЯНА уходил со смешанным чувством досады и тоски. Жаль было потерянного времени и горько было услышать то, что услышал. На людей наклеили ярлык, как клеймо на скотину, растоптали их жизнь, все лучшие помыслы и надежды. А где же закон, охраняющий человеческое бытие?

Где же закон, охраняющий человеческое достоинство?.. Он представил себе, что должна была чувствовать незнакомая ему девочка, которую обманом завлекли, напоили до бессознательного состояния, изнасиловали сколько и как хотели, потом бросили за городом, растоптав не только физически, но и морально. Гнетущее чувство безысходности охватило его настолько, что захотелось прямо стать посреди дороги и завывать волком...

Видно, правду говорят, что понедельник - день тяжелый. С утра начались неудачи: Никонов нисколько не прояснил ситуацию, наоборот, еще более ее усугубил. А могло ли вызвать удовлетворение заострившееся после этой встречи понимание того, что придется рассчитывать только на свои силы? И в общежитии едва только он переступил порог, как Александра Сергеевна «поздравила» его с тем, что на этаже профкомовская проверка санитарного состояния.

- Григорий Абрамович, председатель профкома, у вас, - почему-то понизив голос уведомляла Александра Сергеевна, и на ее светлом личике со светлыми глазами лежала искренняя озабоченность, - этот... как его...? - заведующий трудовым отделением Павел Кириллович и еще одна женщина, я ее не знаю, недавно работает.

- Спасибо, Александра Сергеевна.

Озабоченное личико старушки-вахтера слегка разгладилось: она полагала, что предупредив воспитателя, избавила его от многих неожиданных неприятностей.

Комиссия, проверяющая состояние комнат, нисколько не удивила. Он даже к ним привык, этим проверкам, потому что их было несть числа. Возмущало лишь одно - то, как они проводились: бесцеремонно, нахраписто, без привлечения самого воспитателя, нередко допуская бестактность и даже грубость по отношению к проверяемым. Он увидел комиссию в самом начале коридора, а в незнакомой вахтеру женщине узнал Антонину Васильевну Тачкину, принятую в училище два месяца назад на должность преподавателя химии. Преподавателями училище было укомплектовано полностью, новых никого не брали вот уже в течение нескольких лет, но для Антонины Васильевны, дочери директора горторга, местечко нашлось: потеснили немножко учителей химии, урвали часы у руководителей педагогической практики, поскребли слегка биологов. С проверяющими находился и дежурный по этажу Шаратов Максим - «Максимка», так звали его на этаже.

Шел осмотр 51-й комнаты, где проживали учащиеся 2 курса.

- Добрый день, - сказал воспитатель, подходя.

- Здравствуйте, Иван Дмитриевич, - за всех ответил Шаратов, стройный красивый парень с коротко остриженными волосами и узкоглазым пухлым лицом.

Павел Кириллович, худощавый сорокалетний мужчина высокого роста с ввалившимися щеками и выступающими вперед рыжеватыми усами, стоял перед распахнутыми дверцами встроенного в стену шкафа и выгребал оттуда прямо на пол майки, рубашки, носки, выговаривая тонким голосом стоявшим тут же трем ученикам:

- Это что? Нельзя все аккуратно развесить на плечики?.. Грязное, мятое. И вы завтра оденете и пойдете на занятия?.. С вами же рядом стоять нельзя, от вас прет каким-то навозом, гнилью. Как вам не стыдно? Неужели за вами нужна нянька? Вы же завтра в армию пойдете и туда тоже понесете эту грязь?..

Григорий Абрамович, стоя с другой стороны у стола, жестикулировал руками и громким голосом говорил о правилах поведения и проживания в общежитии. Их голоса сливались в сплошной вибрирующий гул, напоминающий нечто тяжелое, скатывающееся беспрерывно по склону вниз.

Антонина Васильевна движением рук разворачивала на кроватях одеяла и простыни, ладонью проводила по их поверхности. В руках она к тому же держала маленький блокнотик и такую же авторучку, которой деловито записывала данные осмотра.

- Чья кровать?

- Моя, - негромко отозвался один из учеников, Коротков Владимир, круглолицый, конопатый, в расстегнутой до половины рубашке.

Этот парень не отличался аккуратностью и чистоплотностью, внешне всегда был неопрятен и неряшлив, и учился он так же, перебиваясь с «двойки» на «тройку».

- Песок на простыни, - сказала Антонина Васильевна, - грязное полотенце, даже противно в руки брать; наволочка в потеках... Ты что, не умываешься и в баню не ходишь? Вчера же только были дома, кажется, можно себя привести в порядок.

Коротков молчал, отвернувшись к окну.

Она наклонилась к тумбочкам.

- А здесь что? Боже мой, это ваши желтые стаканы? Тарелка немытая... А это что за кислятина?

- Это банка с солеными огурцами, - пояснил Тимошенко Сергей, закрывая ее полиэтиленовой крышкой.

- Так они же прокисли у вас! Вон даже белая слизь!..

- Ничего не прокисли, я только вчера их привез, - сказал Тимошенко.

- И это ученики, - кричал Григорий Абрамович, - это хлопцы!.. Неужели и дома у вас такой свиношник? Совесть хоть есть у вас или нет?

- Совесть есть, - вполголоса говорил Тимошенко. - У нас тут все аккуратно сложено было. А тарелки и вилки мы просто забыли помыть.

- И он еще оправдывается! - закрутил головой Павел Кириллович. - Молчали бы хоть. Свины, свиньи и есть!..

- А ноги вы перед сном моете? - продолжал кричать Григорий Абрамович, разрубая руками воздух. - В режиме дня есть такой пункт - «подготовка ко сну». Это значит: учащийся должен почистить зубы перед сном, помыть ноги, проветрить комнату... Вы знаете

об этом? В детском садике об этом знают. Вас знакомили с режимом дня общежития, с нормами санитарной гигиены?

- Этой комнате оценка «неудовлетворительно», - подвела итог Антонина Васильевна. - Дежурный, ставь в журнале своем «два».

Лицо воспитателя оставалось совершенно бесстрастным, словно перед ним мелькали кадры немого кино. Комиссия перешла в другую комнату и он, по-прежнему молча, последовал за ней.

Павел Кириллович сразу же раскрыл дверцы шкафа и стал копаться в развешенной там одежде. Председатель профкома прошел к подоконнику и пальцем стал водить по его поверхности.

- Паутина в углах, - сказала Антонина Васильевна, - вон и вон... Смотрите даже паук сидит. Делаете ли вы у себя уборку?

Четыре второкурсника стали уверять, что они ежедневно подметают и моют в комнате полы, протирают пыль на тумбочках и подоконнике.

Григорий Абрамович повернулся к ним и показал палец, потемневший от пыли:

- Вот как вы протираете пыль.

- А это что?.. Что это за кулек? - наклонилась Антонина Васильевна к одной тумбочке. - Обьедки, что ли?.. Вы что, задумали свиной завести прямо в комнате?..

- Это нарезанные кусочки сала вместе с хлебом, - стал объяснять высокий черноволосый парень, Асадчий Николай. - Мы просто положили отдельно и вечером съедем.

- Да тут же мошки крутятся!...

- Какие мошки, - возразил Асадчий. - Их у нас и в помине нет.

- Ну-ка посмотрим, что в ваших простынях, - и Антонина Васильевна завернула одним движением одеяло на кровати.

В прошлом году Иван Дмитриевич посещал городской шахматный клуб, где довольно близко сошелся с одним преподавателем профтехучилища, тоже любителем шахмат. Дмитрий Иванович - так звали преподавателя - пригласил как-то своего партнера к себе домой доиграть незаконченную партию. Длительное время живя один, несколько отвыкнув от хозяйственной женской руки, воспитатель был, тем не менее, удивлен тем, что увидел в комнатах Дмитрия Ивановича. На кухне прямо на полу под газовой колонкой стояла почти в рост человека гора немытой посуды. Тарелки, вилки и ложки лежали и в мочной раковине, а подоконник был уставлен замытыми пожелтевшими стаканами. Мусорное ведро, наполненное до половины, издавало неприятный закисший запах, над ним роились мошки. Кухонный столик был обтянут рыжеватой клеенкой с потеками и, видимо, давно как следует не мытой. А в комнате, где они сидели на диване, покрытом тяжелой ковровой накидкой, углы потолка были задрапированы паутиной, темной не то от недостатка света, не то от пыли. Иные посовестились бы пригласить к себе в столь неприбранную квартиру постороннего,

но Дмитрий Иванович по-простецки пояснил: «Не обращай внимания... Моя жена не очень любит этим делом заниматься, а у меня просто руки не доходят». Каково же было потом его изумление, когда вдруг ему открылось, что женой Дмитрия Ивановича является Антонина Васильевна, по мужу Тачкина.

И вот теперь эта женщина, не способная навести порядок у себя дома, навела порядок на третьем этаже общежития, где проживало 120 подростков.

- Иван Дмитриевич, не думал я что ваши парни такие грязнули, - сказал Павел Кириллович, глядя мимо воспитателя. - Чему вы их учите и как вы с ними работаете?

- Эти парни не только мои, но и ваши, - хладнокровно сказал воспитатель.

Но заведующий трудовым отделением его не услышал, продолжая свою мысль:

- Я сам одно время был воспитателем в торгово-кулинарном училище, имею опыт работы, знаю эту кухню... Подобной грязи у меня никогда не было, потому что у меня все было четко, и я контролировал ситуацию.

- В торгово-кулинарном училище учатся почти одни девочки, а психология мальчиков немножко иная, чем у девочек.

- Ерунду вы говорите, - махнул рукой Павел Кириллович. - Организация везде одна.

- Какую оценку ставить? - спросил Шаронов, моргая своими пухлыми узкими глазами.

- «Двойку», разумеется! - воскликнул Григорий Абрамович. - Тут от пыли можно задохнуться.

Перешли в комнату N 53, занятую второкурсниками Капусто Толиком, Корневым Игорем и Гордеевым Сашей. Все трое безмятежно спали. Дверь открыл Капусто, маленький, крикливый и чрезвычайно обидчивый, если слышал упреки или замечания в свой адрес Лицо его с маленьким круглым носом и выпуклыми карими глазами было сонное и мятое.

- Вот это да! - вскричал Павел Кириллович. - Вы посмотрите на часы, какое время! Какое время, вас спрашивают?..

- Время самоподготовки, - вторил ему Григорий Абрамович, - а они спят!.. Полнейшая анархия на этаже. Кто что хочет, то и делает... А ночью чем вы будете заниматься?

Мальчишки вскочили с кроватей, сонно хлопали глазами и торпливо поправляли одеяла и подушки.

- А ночью они пойдут стекла бить и девочкам спать мешать, - сказала Антонина Васильевна. - Подумать только, в одежде спать?! Дикость просто!

- Сегодня понедельник, - тоненьким голоском заговорил Капусто, - мы приехали в пять утра, ночь не спали. На занятия торопились.

- Сони несчастные, - возмутился Павел Кириллович. - В тор-

гово-кулинарной школе и слыхом не слышать, чтобы кто-то днем спать... Грубейшее нарушение режима дня.

- Мы устали, - продолжал защищаться Капусто. - Ну отдохнули немного, что тут страшного?..

- Вы смотрите, как он рассуждает! - повысила голос Антонина Васильевна. А что это за крошки на столе?

Гордеев Саша, полный низкорослый мальчик, ладонью смел крошки в стоявшую на столе кружку.

- А если спать захотели, так надо прежде раздеться! - разрубил воздух рукой Григорий Абрамович.

- Иван Дмитриевич, - повернулся Павел Кириллович к воспитателю, - неужели вы не могли научить этих лбов перед сном раздеваться?

- Это же элементарно, - поддержал его председатель профкома. - Первый признак цивилизованного человека - перед сном раздеться.

Григорий Абрамович, видимо, совершенно забыл, что является не только председателем профсоюзного комитета, но и классным руководителем второго курса и все эти ребята были непосредственно его подопечные, поэтому претензии, хотя бы их часть, надо было принять и к себе.

- А кто должен научить этих лбов тому, что перед сном надо снять штаны? - спросил Иван Дмитриевич, встретившись взглядом с взерошенным Павлом Кирилловичем.

- Воспитатель, - выдохнул тот, вздернув кверху усы.

- Ничего подобного, - хладнокровно произнес Иван Дмитриевич.

- А кто?

- Мама.

В комнате повисла тишина, никто не нашелся, что сказать. Павла Кирилловича и Григория Абрамовича покорила дерзость воспитателя. Другой бы, по их мнению, должен был бы провалиться от стыда, видя подобные результаты своей деятельности. Этот же мало того, что оставался совершенно спокойным перед лицом происходящего, но вдобавок еще и дерзил, если не сказать хамил.

- У меня дела, простите, - сказал воспитатель и вышел из комнаты, оставив проверяющих в самом взвинченном состоянии..

■
Ну, как у вас проверка? - Спросила Светлана Федоровна, когда Иван Дмитриевич вошел к ней в комнату.

- Гроб с музыкой, - усмехнулся он.

- У меня уже закончили.

- И вас разве проверяли?

- Иван Дмитриевич, через три дня, в четверг, педсовет. И се-

годня все общежитие проверяют на предмет санитарного состояния и системы работы воспитателя.

- Кто у вас в комиссии?

- Мне повезло, - в голосе Светланы Федоровны послышалась ирония, - на этаже пришел комитет комсомола в полном составе.

- Значит, комсомол взялся за контроль?

- Контролировать, Иван Дмитриевич, всегда легче, чем дело делать... Кому повезло больше всего, так это Елене Григорьевне.

- Почему?

- К ней пришли Антонина Филипповна с двумя девочками из профкома училища. Так что напишут все о'кей!

- Ладно, не будем страдать, - философски заметил воспитатель.

- Что Бог ни дает - все к лучшему.

- Она и сегодня у вас была.

- Кто?

- Елена Григорьевна... Приходила к вам на этаж.

- Зачем?

- Я и сама не знаю, зачем она к вам ходит, - пожала плечами Светлана Федоровна, - и всегда в тот момент, когда вас нет.

- Мне как-то говорили ребята, что она однажды ходила на моем этаже из комнаты в комнату и ругалась. Будто, когда она шла по двору, кто-то из мальчиков крикнул на нее матом. Так она искала виноватого.

- Вы ей верите?

- Подобное исключить нельзя... Однако на ее месте я поступил бы по-другому: пришел бы к воспитателю этажа, рассказал бы о происшедшем и, думаю, вместе мы быстро разобрались бы.

- Вы размышляете, Иван Дмитриевич, как и все разумные люди. Она совершенно другой человек. Она предпочитает будоражить весь этаж и обвинять каждого встречного...

- Но с какой целью?

- Неужели вы не догадываетесь?

В комнате Светланы Федоровны вкусно пахло духами. Стол у окна, накрытый цветистой белой скатертью, стопка тетрадей, пресс-папье, несколько брошюр по методике воспитательной работы; на подоконнике горшочки с цветами, цветы и справа от стола на подставке-витрине, размещенные лесенкой; за подставкой комод, на котором лежали красивые ажурные вышивки. Напротив комода вдоль стены ряд стульев, журнальный столик и ближе к окну застекленный книжный шкаф, в котором не только рядками стояли книжки самого разного содержания, но и размещались детские игрушки и поделки учениц-первокурсниц. Значительную часть стены занимал стенд «Решения XXVI съезда - в жизнь!» Спокойно, тихо, уютно.

- Хорошо у вас и в комнате, и на этаже, - улыбнулся Иван Дмитриевич, пригладив слегка свои жидкие усы.

- Не скажите, - засмеялась воспитательница. - Поверите, я устаю так, что еле ноги домой приволакиваю. И голова часто болит.

- Бывает, - согласился Иван Дмитриевич. - Вот комиссия сейчас ходит, - помолчав, заговорил он, - собирает компромат. И все на полном серьезе, а за собой ничего не видят. Непогрешимость какая-то маниакальная.

- Кажется, у Диккенса есть такая фраза: «Нагромождение фактов - вернейший признак умственного бесплодия».

- Светлана Федоровна, поразительно, но вся беда в том, что они действительно убеждены в собственной непогрешимости...

- Я понимаю, Иван Дмитриевич, мы с вами понимаем, что за воспитание уже воспитанных должен отвечать не один человек, а весь педагогический коллектив, в том числе и комитет комсомола, тем более что вот уже который год мы твердим о самоуправлении. Педагогический коллектив занят лишь одним - учебой, а воспитанием занимается лишь один человек-воспитатель. А ведь Маяковский еще писал: «Страшнее Врангеля обывательский быт». Мы, воспитатели, Иван Дмитриевич, - козлы отпущения. Так удобно на одного стрелочника списывать все свои промахи и ошибки!..

И вообще начальство считает, что воспитателям в общежитии нечего делать. Они, преподаватели, работают, а мы... так, деньги только получаем ни за что, ни про что. И знаете, что еще наша администрация удумала?

- Что?

- Утреннюю физзарядку.

- Я об этом не слышал.

- Педсовет через три дня, вот и услышите. Поэтому и комиссия ходит по общежитию.

- Физзарядка - это хорошо.

- Хорошо-то, хорошо, да ничего хорошего... Дело в том, что эту физзарядку должны организовывать мы с вами, воспитатели.

- А при чем здесь мы, если есть комитет физкультуры и четыре физрука плюс военный руководитель?

- По мнению администрации, проведение физзарядки тоже относится к воспитательным методам. Физзарядка - это тоже воспитание, значит, воспитатели и должны ее организовывать.

- А что же тогда комитет физкультуры?

- Комитет физкультуры, Иван Дмитриевич, и предложил физзарядку, выступил, так сказать с инициативой.

- А-а, дошло... Они, значит, твякнули (извините, Светлана Федоровна, за грубость), а мы должны этот лай... материализовать, претворить в жизнь.

- Самое интересное еще вот что: если материализуем, то кому лавры?

- Это вопрос вопросов, - засмеялся Иван Дмитриевич и поднял-

ся. - Спасибо, Света, за информацию... Посидел, отдохнул, успокоился. Теперь побреду к себе.

- Чем вы сегодня будете заниматься?

- Совет этажа надо провести, поговорим о планировании работы секторов на ноябрь, потом время уже выпускать «Уголок атеиста», да и оформить надо «Бюллетень по самообразованию». А в субботу «Осенний бал»...

- «Осенний бал» пусть комитет комсомола проводит, а то они в контроль ударились вместо того, чтобы дело делать. Пусть хоть почешутся... А «Уголок атеиста» мы завтра с девочками выпустим.

- Вам проще, а каково мне?.. Я же верующий.

- Вы - верующий?! - удивилась Светлана Федоровна.

- Кроме шуток. Только в церковь не хожу, и никому об этом не говорю.

- Правильно: никому ни звука, а то понесут по улицам и закоулкам.

- И вот видите, обязывают богохульствовать. Парторг мне уже два раза говорил.

- А вы придумайте какое-нибудь другое название вместо «Уголка атеиста». Например: «О суевериях и приметах», или «Чудеса без чудес», или «В паутине». Звучит легче и завуалированное.

- Разберутся, так будет мне на орехи.

- Да кто будет разбираться, Иван Дмитриевич! Парторг?.. Так он на ходу спит. Вы можете написать здоровенными буквами «Уголок атеиста», а поместить туда кулинарный рецепт. Он одно название увидит и все, ему лишь бы форма, а что в ней - до лампочки!..

Они весело засмеялись, и с таким напутствием воспитатель направился на третий этаж.

На Совете этажа Шарапов зачитал оценки за санитарное состояние комнат, выставленные комиссией. Хотя уже была сделана после рейда основательная уборка и каждый едва ли не вылизывал свою комнату, включая пол и потолок, но, как говорится, поезд уже ушел, и ничего нельзя было поправить. В блокнотике Антонины Васильевны самым тщательным образом были представлены результаты осмотра. Из 30 комнат этажа только десять имели оценки «3» и «4». Во всех остальных - пыль, паутина, песок в постелях, немытая посуда, грязь, пятна, объедки, грязные банки, стаканы... Двадцать четыре члена Совета сидели в подавленном состоянии.

- Я не знаю, Иван Дмитриевич, - тихо говорил Солон, часто моргая своими серыми с синеватым оттенком глазами, - кому, как и что объяснять насчет чистоты. Моя комната получила оценку «4» балла. Утром я очинил карандаш и опилочки в бумажке на столе оставил; сам виноват, понимаю, как-то значения не придавал сразу убрать... А у ребят? Я уже тысячу раз говорил каждой комнате - хоть кол на голове теши! Не понимают, думают, как у себя в деревне, так и тут. А четвертый курс?.. Пусть на меня обижа-

ются, пусть говорят, что хотят. Что я, должен идти в ту же 72 комнату и кровать застелить, после того как они проснулись?.. И главное - к ним же девчонки ходят, неужели стыда нет?.. В 66-й комнате, в 58-й пепельницы стоят и воздух прокуренный - это опять же комнаты 3 и 4 курса. Они что, не знают, что в общежитии нельзя курить?..

- В том-то и дело, что все всё знают, - сказал воспитатель. - Решайте. Если я вам не указ, если староста этажа не указ, если мы хотим жить по-своему... Давайте. Надо спросить с каждого: до каких пор? О курении - эта тема уже завязла в зубах. Мы говорим об этом каждый день - не доходит.

- Севрюков, ты ответственный за бытовой сектор, - Солоп посмотрел на Василия, который листал свою рабочую тетрадку с замечаниями при проверках. - Тебе слово.

- А что мне говорить? - буркнул Севрюков и заерзал на месте. - Что я могу сделать?

- Но у тебя же есть помощники Костеренко и Гордеев...

- Ну и что?

- Вот видите, Иван Дмитриевич, - возмущенно всплеснул руками Солоп, - никому нет никакого дела, каждый хочет остаться в стороне! И так всегда...

- Почему это в стороне?.. Да мне уже надоело стекла покупать, стекольщиком словно нанялся в общежитие. Только и делаю, что исправляю все, что другие ломают.

- Вот мы и добрались до истины, - тихо сказал воспитатель и улыбнулся. - Пока мы с вами будем за других делать, толку не будет. Кто курит, знаете? Знаете. Кто стекла бьет, знаете? Тоже знаете. Кто грязь в комнате разводит, знаете? Так точно... Кто же вам мешает взять этих «героев» за шиворот и встряхнуть?

В комнате повисла напряженная тишина.

- Почему вы не можете потребовать от своих товарищей, чтобы они соблюдали порядок, не позорили этаж, уважали не только труд уборщицы, а и сами себя и друг друга? Молчите?.. А я знаю, почему. Потому что боитесь, как бы чего не вышло? как бы товарищ не обиделся? как бы ненароком по уху не заехал?.. А раз боитесь, то ковыряйтесь в грязи. Яцков курит, плюет прямо на пол и окурки бросает, а дежурный следом идет и подбирает вместо того, чтобы сказать Яцкову: «Убери!» или «Брось курить!» А если смелости нет, то и будут свиньи вами управлять...

Всевозможные заседания, собрания, беседы, из которых состоял почти каждый рабочий день, порой просто выматывали воспитателя, ибо речь приходилось вести всегда об одном и том же. Весь этаж знал, что курить в помещениях нельзя и, тем не менее, исподтишка курили, сорили окурками, плевали на пол, а то и на стены. Курили на кухне, или кубовой, в умывальнике, запихивая окурки в раковины и водопроводные краны, в результате они засорялись,

не пропуская в трубопровод воду... Одно цеплялось за другое, создавая не только бытовые неудобства, аварийные ситуации, но и неразбериху, разброд, разлад в установившемся быте, в поведении и дисциплине. Каждый знал, что электроплитки должны находиться в кубовой во избежание пожара, что нельзя оставлять их включенными без присмотра, тем не менее, не только оставляли. Их таскали по комнатам, прятали под кроватями, варили суп и жарили картошку едва ли не в постели. Разумеется, все это делалось тогда, когда воспитателя не было на работе. Порок в единичном исполнении не так заметен и не оказывает столь решающего действия на окружение, но собранные вместе в ограниченном пространстве пороки являют собой сгусток зла, воплощение отрицательной энергии, проявляющейся с огромной разрушительной и деморализующей силой. В быту эти пороки являли собой лик нравственной косности людей, не приученных отвечать за что бы то ни было и требовать ответственности от себе подобных.

Уже уходя домой, воспитатель спросил у дежурного:

д - Елена Григорьевна сегодня была на этаже у нас?

Тот кивнул головой:

д - Пришла и сразу накинулась на меня.

с - Почему?

- Будто бы ей девочки сказали, что в два часа ночи у ребят играл магнитофон. Девочки якобы не могли никак заснуть... Она ходила по комнатам и искала.

- Нашла?

- Откуда?.. У нас же нет магнитофона, Иван Дмитриевич.

- А он действительно играл в два часа ночи?

- Да как он может играть, если его нет? - Шарапов с удивлением смотрел на воспитателя. - Все же знают, что в общежитии всего два магнитофона: у коменданта один и один у самой Елены Григорьевны.

- Есть еще один, Шарапов: у Веры Александровны на четвертом этаже.

- Он же неисправен, Иван Дмитриевич. Там лампа полетела.

- Может, Елена Григорьевна пошутила, а?..

- Ничего себе шуточки... Раздраконила весь этаж, грозилась директору докладную написать.

«Чего она добивается от нашего этажа? - думал воспитатель, спускаясь вниз по лестнице. - Надо, в конце концов, разобраться со всеми этими ее хождениями».

■
Пора братья за дело! Он окунулся в дышащую морозцем ночь, темную и сухую, с бесконечно глубоким небом, мерцающим ми-

риадами звезд. Деревья уже потеряли свои последние листы, их обнаженные кроны, чернеющие в тусклом пространстве ночи, были безмолвны и величавы, словно пустынные пейзажи И.И. Левитана. Он чувствовал в своей душе невероятный подъем, легкость и вдохновение, несмотря на неудачно начавшийся день и неприятности в общежитии. Откуда, из бесконечной светящейся выси, которая раскинулась над головой, казалось, неслось требование: «Пора браться за дело, САНТИЛЬЯНА!» И он летел домой, словно на крыльях, вдыхая всей грудью ночную октябрьскую свежесть, глядя вперед и вверх и не замечая случайных встречных. Наступил третий день новолуния. Луна - эта великая стрелка космических часов - заставила его мгновенно отбросить все впечатления минувшего дня, впечатления *работы*, едва только он закрыл за собой двери общежития и по бетонным ступенькам спустился на брентную землю. Сегодня был понедельник новолуния, луны на небосводе не было видно, но он знал, что неотвратимо близилось время се роста, время созидания, время всего светлого, возвышенного и доброго. Старый колдовской стих звучал в его памяти:

Молитесь луне, когда она круглая.
Удача тогда будет тебе в изобилии.
Все, что ты ищешь, будет найдено
В море, на небе или на земле.

Он пел эти стихи в ритме шага; где-то там, над головой, в космосе находился великий Меркурий, с которым была связана его душа, его помыслы и желания. То, что он задумал, можно было совершить только при непосредственном контакте с силой, именуемой Меркурием. Эта сила, как ему представлялось, была связана со звездным небом, воздухом, штормовыми ветрами, а также с перекрестками. Недаром в пантеоне культа силу Меркурия часто именовали как *Хозяин Скрещивающихся Дорог*. Он - великий посредник между мирами и известен также под именем *Повелителя Душ* или *Psychopompos*.

В полночь он выключил в комнате свет. Звезды светили в окно, и он постоял немного перед ним, притаив дыхание, словно вслушиваясь в мелодию, льющуюся с небес, и проникаясь энергией звездного света.

Затем он задернул шторы, убрал со стола перед окном все лишнее, только оставил два подсвечника с горящими свечами и лик Христа-спасителя на подставке. Посередине стола он поместил фотографию мальчика - стандартный снимок городской фотографии: чернявенький четырехлетний мальчуган с игривым взглядом чуть узковатых глазенок и пухленькими губками бантиком сидел на стуле, свесив ножки, обутые в беленькие кроссовочки. Из-под серого пиджачка проглядывала рубашечка в полоску. На голове была вязаная шапочка типа «Буратино» с помпоном. Вокруг снимка он

разложил предметы одежды малыша, вещи, сохранившие запах своего непосредственного хозяина и связанные до сих пор с ним (так считал САНТИЛЬЯНА) незримыми нитями. Они, эти вещи: масчка, носочки, ярко зеленая вязаная шапочка с помпоном, носовой платочек малыша, - должны были способствовать возникновению контакта с подсознанием ребенка, и САНТИЛЬЯНА был уверен, что эта связь установится. С левой стороны фотографии он поместил магический квадрат Меркурия, он изготовил его когда-то сам и хранил в специальном ящичке завернутым в шелковый пионерский галстук. Лучшей материи, по его мнению, для этой цели нельзя было и подобрать. Все было готово для начала операции по выяснению сущности вещей, осталось последнее - заготовить несколько вопросов, на которые он надеялся получить ответ от *Высшего Разума*, что он и сделал.

В комнате стояла тишина, тишина стояла вокруг, всеобъемлющая, ничем не прерываемая, пламя от свечей равномерно лилось на разложенные на столе вещи, на снимок перед его глазами, на квадрат Меркурия; неровные и недвижные тени, отбрасываемые пламенем от предметов, находящихся в комнате, и сама его прямая фигура с остановившимся взглядом являли собой картину почти фантастическую, почерпнутую разве что из какой-то мистической книги. Он сидел, не шевелясь, минут двадцать или больше, скользя взглядом по цифрам квадрата Меркурия последовательно, по порядку, задерживаясь на мгновение на каждой и повторяя одними губами заклинание. Полуприкрыв глаза, проникаясь ритмом своего тела и сочетая пульсацию всего своего существа с ритмическими колебаниями космического пространства, он достиг того состояния, когда все окружающее его вдруг представилось живым, плавающим, будто в тумане, а колебание пламени и едва ощутимое дуновение из-за спины, с востока и запада материализовалось в мысль: *в комнате он не один.*

Озноб пробежал по его телу, сковывая все члены, и волосы на голове зашевелились.

- О великий Негге, Лорд Пересекающихся Дорог, Повелитель Душ, будь благосклонен ко мне, - прошептал он еле двигающимися губами, пересиливая страх и устремляя свой взгляд в лицо мальчику.

Несколько минут он всматривался в его лицо, пока не началось покалывание в глазных яблоках. Тогда медленным движением он взял заранее приготовленный маятник, представляющий из себя маленький стальной магнит, к которому был приклеен один конец шнура длиной около девяти дюймов, в другую руку он взял магическую палочку, простер ее над фотографией и вполголоса заговорил:

- Здесь, о великий Меркурий, ты видишь вещи, принадлежащие четырехлетнему мальчику Алеше Помелухо, который носил их. Вот он, этот мальчик на фотографии.

При этих словах он коснулся концом палочки каждой вещи и самого снимка.

- О великий Меркурий, Хозяин Пересекающихся Дорог, этот мальчик пропал в апреле, мы не знаем, где он и что с ним, но ты знаешь. О великий Меркурий, будь благосклонен ко мне, скажи: жив ли мальчик Алеша Помелухо?

Держа маятник за свободный конец шнура, он приблизил его к лицу ребенка.

... Спустя час операция была закончена. Сложив и убрав все свои инструменты, он записал ход операции в специальной тетради, обложка которой была обернута черным бархатом, потушил свечи и несколько раз перекрестился на лик Иисуса Христа, шепча беззвучно «Отче наш». Звезды стали как будто бы ярче и заглядывали к нему в окно, словно о чем-то спрашивая. Темнота, окружающая его, вдруг показалась ему настолько одушевленной и наполненной какими-то сущностями, что он метнулся к выключателю.

Пульс лихорадочно бился. При ярком электрическом свете он посмотрел на себя в зеркало и увидел бледное лицо с заострившимся носом, бесцветные губы, синие пятна под глазами. Пройдя в кухню, одним духом он выпил кружку компота, а затем без сил повалился на кровать.

В три часа дня в читальном зале училищной библиотеки собрался на педагогический совет весь коллектив. Повестка дня, на первый взгляд, казалась нейтральной: итоги работы в колхозе в период уборки урожая, вопросы научной организации работы педагогического коллектива с учащимися. Но какой бы ни рассматривался вопрос, Иван Дмитриевич не мог припомнить случая, чтобы обошли стороной третий этаж. Это был своего рода конек, на который с удовольствием усаживался каждый, кому не лень и ездил до тех пор, пока что-нибудь непредвиденное не останавливало. Графически любой педсовет можно было изобразить прямой линией, которая где-нибудь посередине или к концу делала резкий зигзаг в сторону, потом так же резко выпрямлялась и шла дальше по накатанной колесе до конца. Пар был выпущен, страсти улеглись, наступало всеобщее благодушие. И сразу как-то становилось яснее, почему мальчишки не ходят на кружки, почему не хотят заниматься в спортивных секциях, почему не участвуют в олимпиадах, почему... почему... почему... Все воспитатель... воспитатель... воспитатель... Такие мысли всегда возникали у Ивана Дмитриевича; все упреки он выслушивал молча, никогда не делая никаких попыток оправдаться, хотя понимал: ничто так не воодушевляет об-

винителей, как молчание жертвы. Остановивало его и то, что поводов для нареканий ребята третьего этажа давали достаточно.

И этот педсовет пошел как обычно. Леонид Сергеевич ознакомил коллектив с приказом Министерства Просвещения N 537 от 18 июля 1984 года «О мерах по дальнейшему укреплению социалистической дисциплины в вузах и средних специальных учебных заведениях». Затем начались подготовленные выступления.

Рядом с воспитателем сидел Александр Иванович Таланов, преподаватель пения. Вместе они были в колхозе, руководили одной группой, там сдружились и вот теперь при каждом удобном случае старались быть вместе. Таланов жил в соседнем городе, но работал здесь в училище. Каждый день он ездил за 40 километров сюда на работу, испытывая неудобства, но терпя их.

Как-то раз он поделился причиной такого столь странного обстоятельства: оказывается, что-то у него не заладилось с тамошним горкомом и райкомом, и так получилось, что потеряв одну работу, он никак не мог устроиться на другую, куда ни обращался, нигде не принимали, хотя люди были нужны. Промаявшись так с полгода, он вынужден был съехать, на стороне как будто бы все нормализовалось.

Выступал парторг училища, небольшого роста, тщедушного телосложения старичок, очень спокойный и рассудительный.

- Что касается трудового отделения, - говорил, не повышая голоса, Афанасий Иванович, - то в колхозе они показали себя только с хорошей стороны. Лодырей я не видел, работали добросовестно и не только в положенное время, но и оставались на сверхурочную работу. Например, погрузка картофеля. Машины идут и идут, а ребята грузят. Мне нравится, как относятся к делу ребята I «г» группы. Они только из школы, но дисциплина отменная. Видно, что понимают, к чему себя готовят: быть учителем. А чтобы воспитывать подрастающее поколение, нужно, прежде всего, самому быть воспитанным...

Потом слово взяла руководитель начального отделения Антонина Филипповна Захарченко. Отлично работали девочки в колхозах района. Никаких замечаний. Наоборот, благодарности от руководства колхоза и самим девочкам и их руководителям. Концерты показывали для сельских тружеников, шефствовали над школами и детскими садиками тех сел, куда были направлены.

- И я прошу администрацию училища, - закончила Антонина Филипповна, - объявить благодарность по училищу и даже наградить и девочек, и преподавателей, которые были вместе с ними. Тем более что и в общезжитии они показывают пример в быту.

- Антонина Филипповна, - громко сказал директор, - вы назовите кому, конкретно...

- Вот у меня список, Леонид Сергеевич, - я зачитаю...

Воспитатель и Таланов тоже руководили группой девочек вто-

рого курса, правление колхоза наградило их похвальными грамотами - каждому руководителю лично и девочкам общую, но в списке Антонины Филипповны фигурировали почтёму-то лишь девочки, проживающие на 5 этаже, и несколько первокурсниц со второго.

После этого весьма мажорного выступления в ходе педагогического совета наметился перелом. Вероятно, это почувствовали все, ибо не может быть такого, чтобы все было хорошо. Ведь есть недостатки в нашей жизни, и о них, этих недостатках, надо говорить в полный голос. Назвать виновных и принять меры - в этом суть принципиальности, ответственного отношения к делу. Алексей Иванович Кривошеин, преподаватель автодела работал с ребятами 3 курса... Курят, ругаются матом, был случай групповой выпивки. Рассоленко, Нестеров, Журавлев, Семенов устроили попойку после работы под предлогом, что якобы у Журавлева был день рождения. Наблюдались случаи невыполнения нормы выработки, без разрешения покидали свои рабочие места Семенов, Яцков, а Журавлев даже прогулял целый рабочий день.

- Я не знаю, как они ведут себя в общежитии, - говорил Алексей Иванович, - но в колхозе, на глазах у посторонних - отвратительно. Ни чувства чести, ни чувства долга... Я писал докладную директору, она есть у вас, Леонид Сергеевич. Думаю, что не надо было заселять их в общежитие, потому что подобного хамства и разгильдяйства терпеть просто нельзя.

- А ведь заселили, - подал голос Леонид Сергеевич. - И никого не спрашивали. Добрые люди!..

И никому было невдомек, что у этой группы есть классный руководитель Гончаренко Николай Петрович, который вел ее с первого курса, который постоянно выступал инициатором педагогических нововведений, широко их рекламировал и слыл в училище как образованный, творчески работающий педагог, применяющий на практике всевозможные новинки и направления педагогической науки. И никому было невдомек, что Алексей Иванович был превосходным мастером автодела, однако не было у него педагогического образования, организаторских способностей и характером отличался вздорным, вспыльчивым, самолюбивым.

Педсовет сворачивал с прямой колеи, и направление поворота было указано репликой директора.

Николай Петрович не подал ни звука в защиту своего курса, ибо это означало принять удар на себя и таким образом породить сомнение в своем педагогическом таланте, а Алексей Иванович, глубоко уверенный в правоте им высказанного и в собственной непогрешимости, преследовал на свое место.

- Можно мне? - поднял руку Валерьев, военрук педагогического училища, ответственный за работу клуба «Защитник Отечества».

- В клубе «Защитник Отечества», который я возглавляю, - начал он по обыкновению тонким, пришепетывающим голосом, - на

сегодняшний день 18 учащихся: двенадцать девушек и шесть юношей. В этом году клуб пополнился тремя девушками и тремя юношами. Подбор у нас очень строгий: прежде всего, отличная дисциплина и хорошая успеваемость. Ну и, разумеется, физическое здоровье. Потому что мы ходим в походы и не только летом, но и осенью, и зимой на лыжах. Ночуем, когда в палатках, когда в помещениях, когда где придется. Мы даем некоторые начатки каратэ, хотя современной программой по физической культуре этот вид борьбы не предусмотрен...

Взаимоотношения членов клуба у нас построены на принципах демократизма: самостоятельность в действиях, товарищеская взаимопомощь и выручка, ответственность за порученное дело, умение принимать решения в экстремальных ситуациях. То есть, как вы видите, организация имеет полувоенный характер. По окончании училища ребята идут в армию, и наш клуб по существу уже готовит будущего солдата, защитника Родины... И я не понимаю, как это можно курить там, где не положено, пить вино, сквернословить, не обращая внимания на детей и женщин, не убирать за собой. В прошлом году у нас в клубе числился такой Рассоленко Анатолий, о котором сейчас вот упоминал Алексей Иванович. Он постоянно позорил звание члена клуба. С девочками хамил, в походе лыжу сломал. Этот обломок можно было скрепить как-нибудь, а он его закинул. И пил постоянно. Когда ни посмотрю, он - пьяный. Беседовали с ним, предупреждали, а потом просто исключили. Пусть идет, когда-нибудь наберется ума... А ведь хороший парень был на первом курсе. А потом стал выпивать и чуть ли не превратился в алкоголика. Где он пристрастился к рюмке? Спрашивал я у него. Говорит - в общежитии. Может, шутил, не знаю. Но он сказал: там пьют чуть ли не каждый день...

По читальному залу пронеслась шелестящая волна смеха, задвигались головы в разные стороны, видимо, в поисках воспитателя. Каждому интересно узнать, как он отреагирует на услышанное.

- А где воспитатель? - с пафосом продолжал Валерьев. - И он, наверное, вместе с Рассоленко...

Очередная шутка военрука вызвала громкий всеобщий смех.

- Ну и несет, - покачал головой Александр Иванович.

Иван Дмитриевич сидел неподвижно, вперив сумрачные глаза в выступающего. Мстительность руководителя клуба его не обескураживала и была понятна. Когда-то воспитатель неосторожно поставил вопрос о выселении из общежития четверокурсника Козлова Василия за систематическое курение на этаже, антисанитарию в комнате и полное пренебрежение правилами проживания в общежитии. Дежурил Козлов из рук вон плохо, покидал постоянно свой пост, уходил к девочкам на четвертый этаж и засиживался там до глубокой ночи. На замечания воспитателя грубил, предупреждения и беседы не помогали. Все же воспитатель настоял на своем, Козлова вызвали на Совет общежития и тут выяснилось, что

он, оказывается, член клуба «Защитник Отечества», о чем воспитатель совершенно не знал.

И вел себя Козлов так нагло и высокомерно, не только потому, что учился последний год, но и потому, что чувствовал за своими плечами защиту руководителя клуба, который объявил, что режим общежития для членов клуба «Защитника Отечества» не касается. Козлова оставили в общежитии до первого предупреждения, но Валерьев воспринял этот случай как удар по репутации клуба, удар по *его*, Валерьева, репутации. С тех пор прошло два года, но при каждом удобном случае военрук не упускал возможность кунуть своего обидчика, причем совершенно безболезненно для себя.

- Я считаю, - говорил он, глядя в зал блестящими глазами, - что если бы в общежитии среди ребят была бы поставлена работа так, как у нас в клубе, мы не говорили бы о тех недостатках, о которых твердим постоянно.

Как-то Светлана Федоровна рассказывала, что члены клуба «Защитник Отечества» держатся в училище несколько особняком, порой высокомерны, грубы и пререкаются со многими преподавателями. Когда в общежитии они устраивают День именинника, то танцы продолжаются вплоть до отбоя. Самого руководителя при этом часто не бывает, и они пьют лимонад, но от этого лимонада, у некоторых соловеют глаза. К тому же многие из них врут самым беспардонным образом и о своих занятиях предпочитают не распространяться. Да и сам военрук не прочь иной раз пустить пыль в глаза и эту пыль подкрепить кадрами киноленты, которые они снимают для показа в торжественных случаях.

Впрочем, Иван Дмитриевич и сам видел, что в клубе Валерьева преобладающее число было девочек, а немногочисленные мальчики не отличались от других ребят этажа в лучшую сторону и доставляли в общежитии не меньше хлопот. Воспитатель почувствовал, что наступило время самому себе выступить адвокатом. Он вырвал из своей тетради листок и черкнул на нем: «Слово!» Затем сложил его пополам и передал вперед.

- Не связывайся, Ваня, - тихо предостерег его сосед.
- Надо все расставить по своим местам.
- Хуже будет... Сожрут.
- Господь не допустит.

Военрук подлил масла в огонь. После него к трибуне прошел Павел Кириллович и стал рассказывать о проведенном рейде по проверке санитарного состояния общежития. По его словам, такого, чему он стал свидетелем на третьем этаже, он никогда в жизни не видел. Он сам был воспитателем в общежитии торгово-кулинарной школы и знает эту работу как своих пять пальцев. Воспитатель - друг и старший товарищ для своих воспитанников, он должен уметь с ними разговаривать, найти общий язык, знать, когда потребовать, а когда и пошутить. Воспитатель должен владеть

всеми приемами и методами воздействия на учеников. Но судя по тому *раскардашу*, который творится на третьем этаже, воспитатель совершенно не справляется со своими обязанностями. Он не имеет контакта с учениками. Далее, воспитатель пришел на работу не в 16.00, как положено, а в пятом часу, то есть допущено явное опоздание на работу. Ученики без присмотра, занимаются кто чем хочет: кто спит, кто курит, кто просто в потолок глядит. А в комнатах грязь, пыль, затхлый запах, мятые постели, паутина по углам, немытая посуда. Мебель изрезана, исцарапана, нет клеенок и скатертей на столах. На кухне мусора полный бак и не подметено, а ведь это обязанности дежурного. На общем столе валяются очистки, разлитая вода. В некоторых комнатах имеются частные электроплитки, что является грубейшим нарушением противопожарной безопасности. Электроплитки должны находиться только в кубовой. На дверях шкафов, на батареях мокрое белье, хотя имеется на первом этаже сушилка и белье выстиранное должно находиться там.

с - Как? Электронагревательные приборы находятся в комнатах?! возмущенно воскликнул директор и повернулся в сторону парторга. - Завтра же написать приказ: в целях противопожарной безопасности все электронагревательные приборы изъять. Три прибора в кубовой - хватит!

- А что творится вечером после отбоя? Шум и гам стоит до двух часов ночи, а то и больше. Мальчишки никак не могут угомониться. Систематически взламываются двери на четвертом этаже. Поэтому несудивительно, что ученики приходят на занятия неподготовленными, на уроках спят - вот откуда громадное количество двоек у мальчиков. Да и вообще распорядок дня в общежитии не выполняется.

И снова, и снова поднимались выступающие, делились опытом своей работы. И Елена Григорьевна рассказала о той работе по нравственному воспитанию девочек, которую она проводит у себя на этаже. Она не уходит домой, пока все девочки не уснут и она не убедится в этом. В двенадцать уходит домой Елена Григорьевна, хотя должна уходить в одиннадцать. Вот только мешают мальчики третьего этажа. Прорываются разными путями на пятый этаж и не дают девочкам спать.

- Кто конкретно? Назовите их, - потребовал директор.

- Я пока воздержусь, - ответила Елена Григорьевна. - Я поговорила с теми, кого задержала, и они мне пообещали, что больше не будут так делать.

Иван Дмитриевич сидел, не шевелясь, положив стиснутые кулаки на стол перед собой. Александр Иванович снова наклонился к нему и сочувственно проговорил:

- Ваня, собака лает - ветер носит. Не обращай внимания на этот треп.

- Собака лает - караван идет вперед, - медленно проговорил воспитатель. - Господь Бог все видит и понимает.

- Предоставляется слово Ивану Дмитриевичу, воспитателю третьего этажа, - с воодушевлением объявил Григорий Абрамович, ведущий педсовет.

По залу прошло движение, будто волна всколыхнула присутствующих, затем наступила на какое-то мгновение ощутимая тишина, которая словно взбудрила всех: спектакль продолжался и становился еще более захватывающим.

Воспитатель обвел взглядом зал. Он видел: почти все позволили уверить себя, что обстановка на этаже катастрофическая, что удобно объясняло промахи не только в *воспитании*, но и *учебе*. И за виноватым не надо далеко ходить: вот он стоит за трибуной. Это он виноват, что *дети* не усвоили теорему, безграмотно пишут, не читают книг и не выговаривают букву «ф». Кончая педучилище и получая диплом, кое-кто из них по-прежнему говорит: хвонарь, Хведор, хвормула. Поддержки не от кого было ждать: каждый был рад, что его не трогают. Что касается администрации, то все, что бы им ни делалось, удобно было подвергать сомнению. Даже если бы на третьем этаже все сияло и блестело от порядка и чистоты, все равно воспитатель продолжал бы оставаться мальчиком *для битья*, ибо поступательное движение вперед наиболее ярко проявляется, когда критикуешь недостатки. Вот почему за валяющуюся на полу бумажку третьему этажу ставили оценку «3», второму и четвертому на балл повыше, а на пятом эту бумажку совсем не замечали.

- Как говорили древние, *audiatur et altera pars** - «да будет выслушана другая сторона!» - произнес Иван Дмитриевич, внеся в читальный зал этой фразой оживление.

Сделав паузу, он продолжал медленно, напористо, тщательно выговаривая не то что слова, а слоги и даже буквы в слове. Эта непривычная для многих интонация и дикция буквально гипнотизировали. Целые предложения вдавливались, словно гвозди в стенку.

- Стоит послушать здесь некоторых и поневоле придешь к мысли, что в Китае живут одни китайцы и император там тоже китаец.** Выслушав своих оппонентов, громко ратующих за научную организацию труда, и намотав на ус все, что они столь категорично выложили в адрес третьего этажа, я с их же категоричностью не признаю и отметаю все упреки и обвинения. И чтобы не быть голословным, я предлагаю всем освежить память свою и окунуться в прошлое, ибо прошлое - это наука, которая кое-чему да учит. А прошлое таково... Когда я два года назад, в июне, при-

* Дословно: следует выслушать и другую сторону (с лат.)

** Несколько измененная фраза из сказки Г.Х.Андерсена «Соловей»

ступал к работе воспитателя и принимал третий этаж, то передо мной предстало, говоря словами Пушкина, «разбитое корыто». А принимал я этаж у бывшей там воспитательницы, всем вам известной своими достижениями на педагогическом поприще Елены Григорьевны, и в акте приема засвидетельствовано было следующее: в умывальнике из 14 кранов - ни одного; из наглядной агитации типа стенгазет, каких-нибудь стендов, «Молний», «Босвых листков» были только бирки заводского типа с номерами комнат на нескольких дверях. Словно Чингисхан прошелся по третьему этажу общежития в начале 80-х годов. В 28 комнатах - 20 сломанных дверей и всего 6 целых замков. Не было ни одной комнаты с целыми стеклами: половинки, третьюшки, четвертинки, а в 53-й комнате потрескавшиеся стекла были заклеены полосками газет, как в блокадном Ленинграде. Грязь, паутина, испещренные нецензурщиной стены... Интересно, обсуждался ли тогда третий этаж на педсовете? И было ли вдохновение для его обсуждения?.. Пришлось начинать с нуля, и если кто-нибудь мне помогал и сочувствовал, то лишь комендант Людмила Ивановна. Сейчас подобного опустошения нет и в помине. Это первое. Второе - в общежитие заселено 120 ребят, в том числе и те, кого за всякие прегрешения заселять было, кажется, нельзя. Но мы руководствовались гуманными соображениями: каков бы подросток по характеру ни был, это подросток, ему 14-17 лет и лишить его пристанища в начале жизненного пути вряд ли правильно. В общежитии он находится под нашим надзором, а не представлен самому себе, как думают некоторые.

Мы ставим вопрос о незаселении лишь некоторых учащихся 4 курса, ибо если они к 18 годам не усвоили правил социалистического общежития, то о чем еще с ними толковать?.. Я говорю об этом только потому, что пришел к мысли: многим присутствующим здесь, в том числе и классным руководителям азбука воспитательной работы недоступна. За воспитание они принимают свою учебную деятельность, но мы речь ведем не об учебе, а о нравственном становлении личности. В прошлом году на третьем этаже я не видел ни одного классного руководителя в течение всего учебного года. Приходили только учитель пения Александр Иванович Таланов, хотя он не имеет группы мальчиков и приходил как товарищ, и руководитель клуба «Защитник Отечества». Однако этот руководитель интересовался только своими кружковцами, а до остальных ему не было дела. И если мимо него проходил ученик с сигаретой в зубах, он делал вид, что не замечает. Хотя думается, что дело воспитания - это дело не одного воспитателя, а всего педагогического коллектива.

И третье. Что же происходит сейчас на этаже? Этот вопрос, разумеется, интересует многих педагогов, знакомых с жизнью общежития понаслышке?.. Так вот, сообщая для любопытствующих:

на этаже происходит нормальная человеческая жизнь со своими плюсами и минусами. Пятнадцатилетний подросток после занятий приходит в общежитие, в свою комнату, как в свой родной дом. Он и ведет себя так, как дома: хочется полежать, отдохнуть - он ложится, как дома, не раздеваясь, хочется песни петь - он поет. Однако существуют правила и нормы, которых он, хочется ему или не хочется, обязан придерживаться. Усвоение этих правил и норм - это учеба, исполнение же их - это воспитание. Вот мы, воспитатели, этим и занимаемся. Труднейшим делом - привития понимания того, что перед тем, как зайти в помещение, надо вытереть ноги о лежащий у порога коврик. Это труднее, чем добраться до Луны.

И последнее. Битые стекла и ломаные двери на четвертом этаже. Сразу найден виновный - воспитатель не способен организовать! Опять вернемся к истории вопроса. Оказывается, двери ломаются не только сейчас, они ломаются, как я узнал, с 1979 года, когда администрация забила вторые двери на всех этажах. Спрашивается: зачем?.. ответ: из опасения, что дети начнут рожать детей. Оказывается, нет веры этим комсомольцам, нет веры их порядочности, честности, благородству. Нет веры всем тем девочкам, которым Антонина Филипповна объявляет благодарность, всем членам клуба «Защитник Отечества», чью воспитанность так возносит товарищ Валерьев, нет веры и тем ребятам, которые показали себя в колхозе с хорошей стороны - о них нам говорил парторг Афанасий Иванович. К тому же - забитый второй ход - это нарушение правил противопожарной безопасности. Вот источник прятания плиток под кроватью. Ибо дети не глупы и рассуждают весьма прямолинейно: если начальству можно забыть второй ход, то почему мне нельзя спрятать электроплитку в комнате. И там, и тут - нарушение. И пора понять, что битые стекла на четвертом этаже - это своеобразный протест учащихся против попраiania их человеческого достоинства... Но мы умнее всех, нам виднее. И вместо того, чтобы устранить источник раздражения, продиктованный опасением, как бы чего не вышло, мы уже который год трепем нервы ученикам и воспитателям...

■
Педсовет закончился к 7 часам вечера. Директор попросил задержаться на несколько минут воспитателей общежития и повел их в свой кабинет.

- Слушал я вас, Иван Дмитриевич, - начал он с ходу, - и удивлялся. Или вы не отдавали себе отчета в том, что говорили, или вы больны - я не знаю. И причем - таким тоном! Таким тоном?!..

- А что криминального в моем тоне?

- Создается впечатление, что только вы один думаете о положении дел на третьем этаже, а остальные только и стараются вам навредить.

- Совершенно верно. Впечатление создается именно такое, и оно не ошибочное.

- Да это же вопиющая глупость! - вскричал Леонид Сергеевич. - Или это ваша мнительность, болезненное воображение!.. Кто вам мешает? Ну, назовите, кто? И чем?.. Наоборот, вам хотят помочь, для этой цели и проводятся рейды. Приходят преподаватели, комитет комсомола, народный контроль, из профкома. И только одна цель - навести на этаже хотя бы минимальный порядок!

- Леонид Сергеевич, все эти люди, которые приходят, как вы говорите, помогать, имеют один общий на всех недостаток, а именно: они страдают зудом поучительства. Это своего рода маниакальная болезнь: им кажется, что они все знают и все умеют. Но в действительности именно в этом всезнайстве и заключается педагогическая бездарность.

- Я что-то вас не понимаю.

- Надо работать не со мной, надо работать с учениками... Приходит из комитета комсомола Леночка Бушуева, которая в прошлом году закончила педучилище и ее оставили на должности секретаря комсомольской организации, и у меня спрашивает: «Что вы сделали для того, чтобы организовать встречу мальчиков с работниками ГАИ?» А я ей отвечаю: «Абсолютно ничего». Почему она приходит и инспекторским тоном спрашивает воспитателя? Ты же комсомольский секретарь, у тебя есть четыре комсорга и сотня комсомольцев. Организуйте эту встречу, а не ищите воспитателя. То же касается профкома, классных руководителей и так далее. А воспитатель работает по своему плану и то, что ему надо, он не упустит.

- Мы с вами, Иван Дмитриевич, как-нибудь отдельно поговорим, - в сердцах сказал директор, - потому что это бесконечная болтовня. Вместо того чтобы быть благодарным, вы своей мнительностью и своим неприятием критики сводите на нет все усилия педагогического коллектива. Да что говорить - вы сегодня оскорбили весь педагогический коллектив... Но я о другом.

В кабинете директора на некоторый момент воцарилось молчание. Воспитатели сидели, ожидая дальнейшего, но Леонид Сергеевич стал перебирать у себя на столе какие-то бумаги, потом взялся за телефон, звонил в диспетчерскую автостанции, интересовался расписанием автобусов на Брянск. Вероятно, предстояла командировка.

- Сегодня на педсовете мы приняли решение, - начал он, немного погодя, - поддержать инициативу физкультурного совета училища и с понедельника приступить к организованному подъему учащихся и проведению утренней физзарядки. Все согласны, что

это действительно необходимо. Улучшится дисциплина, посещаемость занятий, да и опозданий не будет. К тому же и здоровье подправится у многих.

- Конечно, опаздывать не будут, если подъем станет организованным, - сказала Вера Александровна.

- Но вы сами должны понимать, - продолжал директор, - что физкультурному совету одному не справиться и без помощи ему не обойтись. Вашей помощи, товарищи.

- То есть, мы должны организовать подъем? - спросила Елена Григорьевна.

- Именно так. Вы, воспитатели, приходите к подъему, организовано его проводите на своих этажах и выводите учащихся на спортивную площадку. Там ждет физрук, всем остальным делом занимается он. Ваша миссия окончена.

- Я лично с такой постановкой дела согласна, - сказала Вера Александровна. - Я живу на этаже и мне труда не составит поднять девочек, тем более что встаю я рано. Но другим воспитателям будет, видимо, не просто.

- Я живу рядом с общежитием, так что я тоже смогу, - заговорила Светлана Федоровна, - но меня интересует другое: где комитет комсомола, где профсоюзная организация, которая занимается самоуправлением учащихся?

- Уверю вас, этим вопросом занимаются все. Никто не останется в стороне. Самое главное - начать. Первые дни, возможно, будет трудно, а потом все войдет в колею.

- У воспитателя фактически нет дня, - тонким голосом заговорила Елена Григорьевна, - он разорван на части. Я к двенадцати ночи прихожу домой, а к семи утра я опять должна быть в общежитии. День-два еще ладно, но дальше я не знаю как. У меня ребенок, поднять его, накормить, отвести в детский садик, привести. У меня есть и личная жизнь в конце концов. Не знаю, Леонид Сергеевич, неужели на этот раз нельзя обойтись без нас?.. Весь световой день у меня и так уходит на ходьбу туда-обратно, туда-обратно...

- Елена Григорьевна абсолютно права, - поддержал Иван Дмитриевич. - Неужели действительно нельзя обойтись без нас в этом деле? В училище давно уже говорят о самоуправлении. Совет физкультуры выступил, бесспорно, с ценной инициативой. В училище есть четыре физрука плюс военный руководитель, есть комитет комсомола, в каждой группе имеются комсорги, физорги и профорги - вот обширное поле деятельности. Тем более что профорги являются членами совета по самоуправлению. Вот блестящая возможность для совета физкультуры показать действенность и результативность своей работы. Блестящая возможность и для комсомольской организации, и для профсоюзной на деле развить самоуправление учащихся. А воспитатель в любом случае в стороне не останется. Он занимается воспитанием учащихся тогда, когда они свободны от занятий - с середины дня до ночи.

- Физзарядка, Иван Дмитриевич к вашему сведению, - это тоже воспитательный процесс, это тоже воспитание.

- Никто и не спорит, Леонид Сергеевич. Но опять же получается: совет физкультуры выступил с инициативой, а претворить ее в жизнь должен почему-то воспитатель. Опять воспитатель - главная фигура. Более того, здесь можно увидеть и такую лазейку: если физзарядку удастся наладить - слава совету физкультуры! если нет - виноват воспитатель: он не организовал подъем.

- Ну, почему вы именно так ставите вопрос, Иван Дмитриевич?

- Если я уверен в своих силах, я не буду у кого-то просить помощи. Я сам выступлю с инициативой и сам претворю ее в жизнь. А совет физкультуры только провозгласил лозунг, претворять который в жизнь должны другие, в данном случае - воспитатель.

- Но ведь физруки будут проводить физзарядку.

- Размахивать руками проще, Леонид Сергеевич, когда все готово... К тому же есть еще одно но.

- Какое?

- Физзарядка - это личное дело каждого. Ученик может просто не пойти на физзарядку и будет прав.

- Физзарядка нужна для его же здоровья.

- С этим согласна вся страна. Но не вся страна делает физзарядку. Может каких-нибудь 2-3 процента от общего количества населения.

- Так что вы хотите? Не поддержать инициативу? Не выполнить решение педсовета?

Директор был возмущен до крайности. Он не ожидал такой реакции воспитателей. Сознывая правоту их, он раздражался все более, ибо убедительных доводов в свою пользу не находил.

- Почему?.. Поддерживаем и выполняем. Но чтобы навести порядок в комнатах своего этажа, я не зову совет физкультуры, ибо наведение порядка - это мое дело. А проведение физзарядки - это дело совета физкультуры. Пусть каждый выполняет свои обязанности.

- Нет, мы так ни до чего не договоримся, - сказал директор и встал. - Продумайте этот вопрос и завтра к вечеру дайте мне ответ, как вы думаете организовывать подъем. Это касается всех.

С этим напутствием воспитатели вышли из кабинета директора.

■
- Я попрошу вас повторить свою историю снова, - такими словами начал САНТИЛЬЯНА беседу со своей гостьей в первом часу ночи. - По ходу ее будем разбираться в деталях.

Галя кивнула. На ее голове был клетчатый платок, она спустила его на плечи и худой рукой с длинными пальцами поправила

седую прядь, затем взглянула на него робко, стеснительно. Галя испытывала двоякое чувство к этому странному человеку, с которым встречалась втайне от всех в полночь: она верила ему, ибо во всем, что бы ни делалось им и что бы ни говорилось, чувствовалась сила, основательность, серьезность, которые ее едва не гипнотизировали, и не верила ему, ибо происходящее порой начинало казаться ей чудовищным розыгрышем. Но она не смела этому розыгрышу противостоять, ибо, во-первых, у нее не было выбора, во-вторых, отчаяние лишило ее сил здраво мыслить и влекло по течению.

Они сидели в зале за журнальным столиком. Он накрыл его газеткой, принес две кружки крепко заваренного горячего, пахнущего мятой, чая, который был для нее как нельзя кстати: последнее время она чувствовала недомогание. Тихим дрожащим голосом Галя начала свое повествование, но собеседник ее остановил:

- Подробнее о газовщиках. У вас работала газовая колонка?

- Да.

- Зачем же ее проверять?

- Они позвонили.

- Когда?

- Вечером, часов в семь... Женщина звонила из горгаза, сказала, что утром будут проверять колонки. И чтобы я с утра была дома.

- Время женщина назвала, с какого будут проверять?

- Да, с половины восьмого.

- И они пришли?

- Кто?

- Газовщики.

- Нет... Никто не приходил.

- А на следующий день, на последующий?

Она отрицательно покачала головой.

- Вам не кажется это странным?

Галя смотрела на него широко раскрыв глаза, ибо случившееся вдруг стало поворачиваться к ней совершенно иной стороной, о которой у нее ранее не было и мысли.

- Вы живете в большом многоквартирном доме. Вы не узнавали у соседей, к кому приходили газовщики в тот день?

- Не знаю, - прошептала она дрогнувшим голосом. В милиции никто так подробно с ней не говорил, потом она забыла об этом звонке, об этих газовщиках, но теперь каждая деталь - и она сама это увидела - начала приобретать зловещий оттенок.

- А женщина, звонившая вам, представилась?

- Нет... Просто сказала: говорят из горгаза.

- Голос у этой женщины какой?

Она пожала плечами, явно затрудняясь с ответом.

- Ну, старческий, хриплый, дребезжащий или девичий, звонкий... Может быть, он вам показался знакомым?

- Нет, обычный голос. Женский.

- Вы потом не ходили в горгаз, не интересовались, кто вам звонил?

- Мне было уже не до этого.

- Понимаю... Продолжайте.

- Я собрала Алешу, проводила его до выхода из подъезда... Мы живем на втором этаже, потом из окна видела, как он дошел до угла и свернул.

- Вы ничего не увидели подозрительного? Припомните... Может быть, кто-нибудь шел за ним, мужчина, женщина?.. Может быть, что-нибудь странное показалось вам на улице?..

- Н-нет... Ничего. Все обычно... И день такой был теплый, солнечный.

- Итак, мальчик свернул за угол... До какого времени вы ждали газовщиков?

- До девяти... Потом пошла на работу, на фабрику... На душе что-то тяжело было, словно предчувствие какое. После десяти не выдержала, позвонила заведующей в детский садик, и она сказала, что Алеша в садик не приходил... Я думала, что сойду с ума. Я отпросилась и побежала в детский сад. Но там никто ничего не мог сказать... Простите, я не могу об этом говорить.

- Понимаю... Но говорить об этом будем. Какие у вас есть соображения об исчезновении вашего сына?

- Не знаю... Пустая голова. Никаких мыслей, ничего нет.

- У вас есть враги? Или враг?.. Завистники?

- Откуда мне знать?.. А завистники - кто может мне завидовать и в чем?.. У меня мой сынок перед глазами. Даже сны снятся. Зовет меня, ручонки тянет, - Галя всхлипнула и закрыла лицо ладонью.

- Сны - это хорошо, - задумчиво проговорил САНТИЛЬЯНА.

- Расскажите мне о каком-нибудь из ваших снов. Хотя бы об одном.

- Простите, я не помню...

- Я попрошу вас вспомнить. Может, не сейчас, к следующей нашей встрече. Обязательно, вы понимаете меня. Сны, или даже сон может навести на след.

Девушка молчала, вытирая глаза кончиком своего платка.

- Теперь послушайте меня, Галя, - он подался немного к ней, взял ее тонкую безжизненную ладошку в свою, легонько сжал пальцы. - Я предпринял некоторые предварительные попытки и могу сказать с полным основанием: ваш сын, Галя, жив и здоров. В этом вы можете мне верить.

- Да?.. Где он, где?..

Она вскинула голову, ее черные, блестящие от слез глаза буквально пронзили его насквозь, и он не в силах был от них оторваться; девушка, видимо, сама не отдавала себе отчета, насколько она красива. Губы ее мелко подрагивали. САНТИЛЬЯНА сомкнул веки, выдержал несколько секунд, затем спокойно, выдерживая ее взгляд, заговорил:

- Ваш сын далеко. И, по моему мнению, очень далеко. Он не в городе и не в черте города, он и не в районе. Он даже не в пределах нашей области. Я проверил восемь сторон горизонта... Поверьте, это было не просто; и, тем не менее, по некоторым данным, которые я еще буду уточнять, ваш сын находится или на юге, или на юго-западе... Теперь следующее: вся эта история с газовщиками не что иное, как отвлекающий маневр. Мальчика за углом, а, возможно, и возле детского садика ждали. Потом увлекли в машину и увезли. Кто это сделал и куда увез - это нам и предстоит выяснить... Галя, ваш Алеша - не случайный объект, а спланированный и продуманный. И разумеется, тот, кто его похитил, хорошо знал вас и обстоятельства вашей жизни. Поэтому вам необходимо вспомнить, где, кому и когда вы пересекли дорогу. Подумайте, Галя.

- Я не знаю, - растерянно проговорила девушка. - Честное слово, даже не представляю... Кому это нужно?.. Это... просто... не может быть.

- Мы встретимся с вами опять через неделю и опять у меня и в это же время. За этот срок проанализируйте всю свою жизнь с детских своих лет, жизнь своей сестры, жизнь вашего мужа...

- Он умер...

- И, тем не менее, вспомните круг его знакомств, друзей, подруг, возможно, любовниц. Здесь мелочей не должно быть, ничто нельзя упустить, малейшая запятая, случайность может оказаться решающей... Вы поняли меня?

За окном стояла глухая осенняя ночь. Он вывел ее из подъезда.

- Извините, я вас не провожаю. Но вы будьте спокойны. По каким улицам вы идете домой?

- По центральным...

- Я предлагаю вам сегодня сменить маршрут... За больницей поверните направо и до перекрестка улицы Некрасова. Там - налево. Остальной путь вы знаете.

- А оглядываться можно?

Он усмехнулся и тихо погладил ее плечи.

- Можно... Вам сегодня ничто не грозит.

Она шла по названному этим человеком маршруту, вдруг начиная чувствовать, что жизнь для нее еще не потеряна, что, наоборот, она приобретает иной смысл, что пробудилась надежда... Сын ее жив, жив, только он очень далеко, однако, он вернется, обязательно вернется! Ей поможет его вернуть этот человек с таким странным именем - САНТИЛЬЯНА.

Теперь он не мог остановиться. Он засыпал и просыпался с мыслями о мальчике. Ехал ли он в автобусе или шел пешком, лишь одна мысль сверлила ему голову: где мальчик? Фотографию ма-

лыша он постоянно носил с собой во внутреннем кармане рубашки. При каждой свободной минуте он всматривался в его облик. Эти короткие темные волосы, ясный широкий лобик, круглое личико с темно-кариими глазенками, смотрившими с доверчивой хитрецей, с пухленькими чуть приоткрытыми губками и небольшим широким носиком запали ему в сердце, врезались в память до галлюцинозности. Закрыв глаза, он видел малыша, словно наяву. Придя на работу, он помещал фотографию под стекло на своем рабочем столе и снова всматривался в черты лица, затем подолгу фиксировал взгляд на его одежде, прощупывая, кажется ее до последнего шва. Пиджачок серого цвета, рубашонка, застегнутая под самую шейку, вязаная шапочка с помпончиком, коричневые вязаные штанишки с каким-то рисунком, кроссовочки на белой подошве казались ему не снимком на бумаге, а реальной материей, веществом, из которого они были изготовлены. В ночь на пятницу 2 ноября он решил бросить руны.

Гадание при помощи специальных палочек - одно из самых древнейших и знаменитейших в оккультизме методов предсказаний. Эти палочки он изготовил сам из ветки яблони, срезанной им в полнолуние в мае.

Он знал, что если все сделать строго по правилам, предписанным оккультной наукой, то результат может превзойти самые лучшие ожидания. Поэтому так важно было соблюсти ритуал вплоть до мельчайших деталей. Приготовление заняли около получаса. Он выключил электрический свет, задернул окно половинками штор, чиркнул спичку и зажег парафиновую свечу. На гладком ничем не покрытом столе, который он пододвинул к окну вплотную, лежали четыре листа чистой рисовальной бумаги, квадрат Меркурия, без которого он не мыслил никакос свое действие, обыкновенная деревянная ручка с пером, и стоял раскрытым флакон с чернилами, приготовленные им из гуммиарабика, сажи, дистиллированной воды и истолченного пепла персиковых косточек. Все это он разложил не торопясь, аккуратно. Затем он взял в левую руку кубок с подсоленной водой, и некоторое время безмолвно стоял посередине комнаты, представляя ее как некий магический круг, а самого себя центром этого круга. Держа кубок перед собой и двигаясь по ходу часовой стрелки, он стал опускать пальцы свободной руки в воду и резкими взмахами разбрызгивать воду от себя, представляя, как все темные и враждебные силы, проникшие в комнату вместе с дневным светом, корчатся и спасаются от соленых брызг, разбегаясь в разные стороны и прячась во всевозможных щелях.

Но одной воды для них недостаточно, и он, поставив кубок, взялся за кадилницу с ладаном Меркурия. Этот ладан он тоже приготовил сам, использовав корни ночной фиалки и петрушки, в

изобилии росшей у него на огороде. Для большего эффекта он добавил в эту смесь немного сухой обыкновенной полыни.

По комнате распространился своеобразный терпкий запах, и сизый дымок стал растекаться полосками в сумрачном воздухе, выкуривая всю нечисть, способную помешать дальнейшему действию. Процесс очищения был закончен - он почувствовал это по легкости в сердце, по ясности мыслей, по ровному пламени свечи, окаймленному ярко-желтым, ослепительным ободком, как солнечные протуберанцы.

Он опустил на стул, и его глаза впились в квадрат Меркурия.

Прошло минут пятнадцать. Он сидел не шевелясь, словно извояние, чувствуя ритмическое биение сердца, ощущая, как этот ритм проникает во все внутренние органы его тела, выходит наружу, захватывая все окружающие его предметы и увлекая их в некоем обволакивающем ритмическом танце. «О великий Меркурий, будь благосклонен ко мне!» - эта формула всплыла у него в мозгу в тот момент, когда он ощутил словно бы дуновение ветерка, когда шторы будто бы всколыхнулись и раздвинулись и в холодном мраке окна в самом верху вдруг блеснула звезда.

Луч ее, казалось, прошел сквозь стекло и вошел прямо ему в грудь, ознобом пробежал по позвоночнику и приподнял волосы на голове. Все его существо в следующую секунду до самых кончиков пальцев на ногах пропиталось ужасом, остановилось дыхание, однако рука его почти непроизвольно потянулась к ручке, перо обмакнулось в чернила и на подготовленном листе бумаги легли крупные, тщательно выписанные буквы:

«Где находится мальчик Алеша Помелухо, похищенный 3 апреля этого года?»

Записанный вопрос восстановил его самообладание. Правой рукой САНТИЛЬЯНА поднял палочки, глубоко веря в то, что намерение небес оставит на земле свое выражение.

Дрожащий его голос нарушил тишину:

- Твоим именем
Лорда Скрещенных Дорог
Я поднимаю палочки
От слова к слову.
Дай мне пройти к слову
От деяния к деянию!..

И он бросил руны так, что они разлетелись и упали параллельно друг другу на столе. Затем этот процесс он повторил еще три раза вместе с заклинанием и записывая на очередном листе справа налево все фигуры, сформированные рунами. Спустя минут двадцать перед ним уже лежала составленная диаграмма гороскопа.

Теперь оставалось последнее: прочитать этот гороскоп и получить ответ на вопрос.

Однако он почувствовал себя обессиленным. Кружилась голова, покалывало до рези в глазных яблоках, нервно подрагивали колени. Слабым движением руки он загасил свечу и, склонившись головой на стол, впал в какое-то полусонное оцепенение, не чувствуя ни рук, ни ног, ни самого себя...

Он не помнил, как добрался до кровати, как разделся, не помнил, чтобы спал. Все время находился в полубессознательном состоянии, и ему постоянно мерещилось, что в комнате он не один, кто-то присутствует рядом, трогает его, давит с такой силой, что становится невозможно дышать. Он метался в полубреду, вскрикивал и чертыхался, вырывался из чьих-то железных объятий, падал, поднимался и проваливался вновь.

Такое кошмарное состояние продолжалось до половины второго дня, когда он сел на кровати, вдруг сообразив, что проспал физзарядку в общежитии. Администрация добилась своего, все воспитатели приходили к подъему, и он тоже приходил, отказавшись противопоставлять себя коллективу. Но именно эта физзарядка, он чувствовал, начинала изматывать его, отнимая время от нормального человеческого отдыха. Ложился спать он обычно, после двенадцати и спал не менее девяти часов - этого времени было вполне достаточно, чтобы восстановить истраченные ресурсы организма. Теперь же, чтобы придти к семи часам утра в общежитие, ему надо было встать в половине шестого, сорок пять минут уходило на дорогу, ибо автобусы в такую рань не ходили. Уделяя сну всего пять часов в сутки, он понимал, что работает на износ.

Сидя на кровати, он уже представлял, как муссируется его отсутствие на подъеме и срыв физзарядки, ибо все получилось так, как он и предполагал: хлопцы не хотели подниматься, притворялись крепко спящими, не открывали двери, сказывались больными. Лишь мальчики первого курса вскакивали быстро и организованно при первых звуках горна; четвертый же курс вообще бойкотировал решение администрации. С трудом, но все же воспитатель поднимал ребят: его гипнотизирующее постукивание в двери заставляло вскакивать даже самых нерадивых; Павел Кириллович, заведующий трудовым отделением, пришедший вчера на подъем, оказался бессилен, хотя едва не выломал дверь 70-й комнаты, где жили четверокурсники.

Сегодня, Иван Дмитриевич был уверен, физзарядка почти сорвалась и за это ему придется отвечать. Он умылся, оделся, прибрал в комнатах, позавтракал тем, что было, выпил крепко заваренного чаю, еще осталось время для сеанса психической саморегуляции, чем он и воспользовался.

В общежитии вахтер Александра Сергеевна сообщила ему, что по третьему этажу ходят двое пьяных. Выпускники педучилища 1980 года.

- Зачем же вы их, пьяных, пропустили Александра Сергеевна?

- Я их не пропускала. Но здесь вот сидела Елена Григорьевна, и она разрешила. Пусть, говорит, навесят своих земляков.

Педагогическая бездарность. Завалив когда-то работу на третьем этаже, она очень хотела, чтобы все оставалось по-прежнему как бы в подтверждение того, что наладить работу среди мальчиков нельзя. Чей-то успех всегда вызывал у нее разлитие желчи, и она делала все возможное, чтобы этот успех свести на нет.

Дежурный был на месте и, увидев воспитателя, поднялся.

- Здравствуйте, Иван Дмитриевич.

- Привет. Что нового?

- Ничего, - ответил Володя Кривоус.

- Как физзарядка?.. Провалилась?

- Почему провалилась?.. Все нормально. Некоторые только ребята... больны были.

- Понятно. А кто организовывал подъем?

- Я ходил, Иван Дмитриевич. Все кулаки поотбивал. И Солоп Славик... Тут двое парней у нас. Я их совсем не знаю... Как будто бы учились раньше.

- Где они?

- Тут где-то, ходят по всем комнатам.

- Ладно, оставайся на месте...

Воспитатель пошел по коридору; услышав громкий разговор в 66-й комнате, толкнул дверь. Так и есть - атмосфера попойки: сигаретный дым, на столе объедки сала, колбасы, пустая консервная банка, стаканы.

Гости сидели за столом и курили, сами хозяева, третьекурсники Лебедев и Рубцов примостились сбоку и отнюдь не чувствовали себя хозяевами. Появление воспитателя смутило всех. Рубцов и Лебедев поднялись и стали выбираться из-за стола. Гости же явно оробели, хотя и находились под изрядным хмельком.

- Ршили навесить земляков, - сказал один из них с большим широким лбом и выступающими затылками. - Мы из одной деревни.

- Похвально... Как жизнь?

- Все хорошо. Вот наставничеством занимаемся, - засмеялся второй с отвислыми рыжими усами.

- Понимаю... Попрошу покинуть комнату и этаж.

- А что, нельзя навесить?.. Мы здесь учились и в этой комнате жили, - сказал первый.

- Ладно, мальчики, приходите завтра и в *тверезом* состоянии.

Оба вышли из комнаты.

- Нам Елена Григорьевна разрешила. Она была тогда нашей воспитательницей.

- Теперь навестите се.

Он проводил их до самого низа, оставив у стола вахтера, а сам пошел на пятый этаж. За столом дежурного сидела Света Зайцева. Ее смуглое личико в обрамлении густых, свободно падающих на плечи волос осветилось приветливой улыбкой.

- Как дела, Светочка? Чем занимаешься?..

- Черчу график дежурства на следующую неделю, - ответила девушка, глядя на него своими черными, как ночь глазами. - А вы - к нам? Опять ко мне?..

- Следующий раз, Света, я обязательно приду к тебе, - шутливо ответил он. - А сейчас мне нужна твоя воспитательница.

- Она у себя, - сказала Света, махнув в даль коридора рукой.

- Спасибо, умница... Если бы я проверял санитарное состояние вашего этажа, то я далеко не ходил бы.

- Почему?

- Посмотрел бы на тебя и сразу поставил бы «пять».

Они весело рассмеялись, и воспитатель прошел по коридору к воспитательной комнате. Хотя Иван Дмитриевич и Елена Григорьевна были коллегами по работе, но буквально с первых дней их отношения, как говорится в обиходе, не сложились. Хорошо разбившийся в людях, Иван Дмитриевич очень быстро уловил в этой особе тщеславное самомнение, капризность и гонор - качества людей недалеких и привыкших быть все время на виду. Воспитатель, не терпевший подхалимажа и прямолинейный по характеру, тем не менее, ничем не выдавал своего отношения. Но чужак сразу виден в стае. Даже его молчание говорило красноречиво.

- Добрый день, Елена Григорьевна, - сказал воспитатель, входя в комнату.

- А-а, Иван Дмитриевич, - Елена Григорьевна с удивлением вскинула на него глаза в круглых очках. Тонкие ее губы разжались, показав верхний позолоченный ряд зубов, а вогнутый «утиный» носик покрылся вдруг капельками пота. Вот так напрямую с глазу на глаз они еще не разговаривали. Она сняла очки, и близко посаженные глазки ее прищурились.

- Чему обязана, Иван Дмитриевич?

- Так просто... Дай, думаю, зайду, может, что-нибудь позаимствую из опыта вашей работы.

- Да какой тут опыт!.. Все по-старому. Одно и то же каждый день.

- Как у вас физзарядка, Елена Григорьевна?.. По правде говоря, я не ожидал, что мы с вами окажемся союзниками в этом вопросе.

- Конечно, администрация здесь не права. Я дома разговаривала с мужем, он тоже согласился с моими доводами... Девочки мои на физзарядку выходят все, но чего это стоит!..

- Я думаю, вам проще, Елена Григорьевна, - сказал воспитатель после небольшой паузы, развернув страницу журнала «Начальная школа».

- Чем же проще?

- Ну, как чем?.. Не только вам - всем воспитателям проще. На втором этаже живут девочки только первого курса и часть второго, на четвертом этаже - часть второго и часть третьего, на вашем - вторая часть третьего и четвертый. То есть практически на каждом этаже девочки одного возраста. А у меня ребята с первого по четвертый курс. Разные возрастные группы, Елена Григорьевна, - в этом вся трудность. Да еще парни. Сплошь и рядом подводные рифы и камни.

- Я вам сочувствую, Иван Дмитриевич. Работала я с мальчиками до вас, понимаю, насколько это сложно. Девочки хоть не сурют и не пьют, а за мальчиками только смотри и смотри... Как в круговороте.

- Я сегодня даже на подъеме не был, - сказал воспитатель, уверенный, что Елена Григорьевна не только знает, но и уже давно об этом доложила куда следует. - Не успеваю, поверите ли?.. Пропал, как сурок.

- А вы не волнуйтесь, Иван Дмитриевич. Вы далеко живете, там, конечно, трудно... Хотите, я буду время от времени поднимать ваш этаж?

- Спасибо, Елена Григорьевна. Не хочу затруднять вас... Да и, откровенно говоря, побаиваюсь я.

- Чего?

- Вы не обижайтесь, Елена Григорьевна, но странно как-то выходит: как только вы появляетесь на третьем этаже, сразу же начинается разброд.

Лицо воспитательницы вытянулось, сморщилось, тонкие губы подобрались, словно в рот она взяла шпильку или булавку.

- Не понимаю я что-то вас.

- Мальчишки становятся издерганными, злыми, неуправляемыми. Как это вам удается?

- Что именно?

- Направлять движение часовой стрелки в обратную сторону. Это вы делаете специально или... нечаянно?

- Не знаю, о чем вы говорите.

Елена Григорьевна опять надела очки и, раскрыв выдвижной ящик своего стола, стала что-то там искать, видимо, пытаясь за этой суетой скрыть свою растерянность.

- Однажды вы пришли на этаж искать магнитофон, который - вы отлично знаете - у нас и не ночевал. Потом вам показалось, то кто-то крикнул в ваш адрес нечто нецензурное, и вы взбодражили все комнаты... Сегодня вы направили двух своих недовоспитанных вами «учителей»-пьянчуг, которые устроили в одной из комнат кордебалет... Зачем это вам, Елена Григорьевна?

Иван Дмитриевич не отводил от ее лица пристального взгляда, ажется вычитывая наизусть все ее мысли.

- Я, собственно, пришел вам напомнить, Елена Григорьевна, что вы являетесь воспитательницей пятого этажа, а не третьего, и дел у вас невпроворот. Ваши девочки тоже покуривают, да и попивают. Бутылки, случается, бросают за окно на территорию, которую убирают мальчики. Однажды едва не прибили моего Яцкова. Сказать вам, кто в него запустил бутылку?..

Так что, Елена Григорьевна, прошу вас заниматься своими делами, а на третьем этаже мы разберемся сами. А если вы захотите что-то выяснить, то только в моем присутствии или хотя бы в присутствии коменданта.

Лицо Елены Григорьевны стало серым, губы нервно задергались, ее светло карие глаза с каким-то бледно-рыжеватым оттенком столкнулись с глазами Ивана Дмитриевича. Вынести его прямого немигающего свинцового взгляда не было сил, но и промолчать тоже было нельзя.

- Вы мне не указ, - наконец проговорила она голосом, напоминающим шипение. - Если надо, я пойду куда угодно и спрашивать вашего разрешения не буду...

- За исключением третьего этажа, Елена Григорьевна. Я распожусь, чтобы вас дежурный не пускал.

- Вы... вы... Я этого так не оставлю.

- Я вас уведомил, Елена Григорьевна.

Поднявшись к себе на этаж, он некоторое время сидел в своей комнате, пытаясь сосредоточиться. Что делать?.. Как обезопасить этаж от этого наваждения? Кто поверит в злой умысел Елены Григорьевны? А может быть, здесь и нет никакого умысла? Просто снова его подводит собственная мнительность? Подождать, пока она донесет по инстанции, что на третьем этаже сегодня была пьянка? Но что от этого изменится?.. Разумеется, она донесет завтра или даже сегодня вечером и представит в соответствующем свете: пришли выпускники прошлых лет к своим землякам на этаж и там напились. А где был воспитатель? А воспитатель в это время тоже находился на этаже... Не беда, что некоторые концы не стыкуются. Главное сделано: запущена «утка» о том, что на третьем этаже творится черт те что; и эта «утка» сработает. И сколько так будет продолжаться? Кому объяснить и кто поймет?

- Кривоус!

В дверях появился дежурный.

- Кто завтра будет дежурить?

- Завтра приступает к дежурству третий курс, а дежурить по графику будет Пантюшин Игорь.

- Позови сейчас ко мне Пантюшина, Солопа Славика, старосту третьего курса и сам зайди.

Через несколько минут все названные ребята уже зашли к воспитателю и разместились на стульях.

- Я хочу подвести черту под одним делом, - начал Иван Дмит

риевич медленно, словно размышляя, - и надеюсь, что вы правильно поймете меня. Мне известно, что Елена Григорьевна частенько посещает наш этаж и все пытается в чем-то разобраться. Вот сегодня она направила к нам двух пьяных парней, бывших выпускников педучилища. Я не против, пусть приходят все, кто здесь когда-то учился, но ведь должны же быть людьми... Я представляю, что было бы, если бы вместо меня в эту комнату зашел, к примеру, директор училища или кто-нибудь еще от администрации... Таким образом, создан прецедент, создан вполне умышленно. Впрочем, я уверен, что администрация об этом прецеденте будет знать. От самой Елены Григорьевны...

- Иван Дмитриевич, - перебил Солоп, - вы извините, но Елена Григорьевна уже надоела. Если бы вы знали, что она говорит про мальчиков в училище... Она вынюхивает, какая девочка ходит с каким мальчиком и наговаривает на этого мальчика что зря.

- А меня сфотографировала, - сказал Пантюшин, - прямо на кровати.

- Когда? - изумился воспитатель.

- Это еще в прошлом году было... В марте, кажется. У меня спина болела, радикулит. Я пришел с занятий и лег... Потом смотрю: Елена Григорьевна заходит и с нею какой-то парень, он в училище не учится, с фотоаппаратом. И хлоп меня... А я в одежде лежал на спине.

- Они по всему этажу ходили, я помню, - сказал Бурцев, староста 3 «г» группы, - сфотографировали четыре комнаты, да как раз попали те, где не особенно чисто было.

- А почему я не знаю? Где я был в это время!? - все больше изумлялся воспитатель.

- Вы, наверное, в училище были, Иван Дмитриевич, - сказал Солоп.

- Она зашла к нам, - продолжал Бурцев, - но нас не сфотографировала, у нас было убрано. Говорит, корреспондент интересуется, как вы живете.

- И каждый раз ловит момент, когда вас нет, Иван Дмитриевич, - сказал Солоп, возмущенно покачав головой. - И сразу же начинает что-то выискивать.

Ребята замолчали, Иван Дмитриевич задумчиво барабанил пальцами по столу.

- Ты обязанности дежурного знаешь? - обратился он к Пантюшину.

Тот кивнул головой.

- Расскажи.

- Дежурный обязан постоянно находиться на этаже, отвечает за чистоту, порядок и дисциплину. Дежурный организует подъем

учащихся, следит за соблюдением режима дня. Дежурный обязан не пропускать на этаж посторонних...

«Хороший парень, - думал между тем воспитатель. - По существу, все здесь хорошие ребята. У каждого, правда, свое, свои достоинства и недостатки. Но если к ним относиться с доверием и пониманием, так же и они будут относиться к тебе. Правда, многие из мальчиков неряхи. Но быть неряхой - совсем не значит быть плохим человеком».

- Хорошо, - сказал он, когда Пантюшин закончил. - Запомни еще одну обязанность дежурного в дополнение к сказанным... Если Елена Григорьевна придет к нам на этаж, то ты вежливо, очень вежливо и спокойно скажи ей: «Елена Григорьевна, вы - персона non grata, и вам на этаже нечего делать».

- Так она же не послушает, Иван Дмитриевич.

- Повтори еще раз, а если не поймет, то и в третий раз: «Елена Григорьевна, у нас есть свой воспитатель, и вам здесь делать нечего».

- Иван Дмитриевич, - засмеялся Солоп, - вы плохо знаете Елену Григорьевну. Да она наплюет на все, что скажет дежурный, и пойдет туда, куда захочет.

- А зачем же тогда дежурный на этаже, чья обязанность не пускать посторонних?.. Сегодняшний дежурный - ты, Кривоус, - пропустил двух пьяных на этаж...

- Они сказали, что им разрешила Елена Григорьевна.

- Опять Елена Григорьевна!.. Царь и Бог Елена Григорьевна!.. Перед этим магическим именем все готовы стелиться и ползать!

- Да ясно, Иван Дмитриевич. Мы вас поняли, - за всех сказал Славик. - Ну, а что делать дежурному, если Елена Григорьевна игнорирует все его запреты?

- Если человеку раз сказали, а он не понимает, два сказали, три раза сказали, а до него все не доходит, остается только одно. Спустить головой вниз с лестницы.

- Иван Дмитриевич! - воскликнул Солоп и не удержался от смеха. Вслед за ним засмеялись остальные.

- Убежден, что даже самые твердолобые после этого поймут, что им говорят, - с улыбкой закончил воспитатель, словно поставил точку. - И еще одно: не скрывайте, что это мое распоряжение. Ссылайтесь на меня в любом случае.

Отдавая подобное распоряжение, он предвидел последствия, но что еще можно было предпринять во избежание повторения провокаций Елены Григорьевны? К тому же он рассчитывал, что здравый смысл у воспитательницы пятого этажа должен восторжествовать и до лестницы дело не дойдет.

Пантюшин Игорь, конечно, парень скромный и не сможет противостоять натиску Елены Григорьевны. Многое зависит от того, на кого она нарвется.

Сегодня ночью он решил вызвать вещий сон, считая этот метод наиболее эффективным в получении надежной информации. Этим методом он воспользовался в апреле прошлого года, когда на третьем этаже произошла кража. У первокурсника Шилкина Саши из кармана пиджака в комнате кто-то вытащил 120 рублей. Можно было подумать о каждом, ибо кроме Шилкига, в этой комнате жили еще три человека, отлично знавшие друг друга и не имевшие поэтому секретов. К тому же каждая комната в общежитии - это по сути проходной двор, куда может зайти всякий кому не лень и в то время, которое ему заблагорассудится. САНТИЛЬЯНА применил этот способ в самое неблагоприятное время - когда луна явно шла на убыль. Обычно в период убывающей луны, как ему было известно, выполняются все операции разрушительного или «черного характера» - насылание чар нападения и мести, для возбуждения ненависти, энвольтование и тому подобное. Но выбора не было. Слишком все произошло неожиданно, а краденные деньги чаще всего хранению не подлежат. Тогда ему ничего не приснилось, хотя под утро как будто бы было ему какое-то видение, которое бы затем, проснувшись, никак не мог вспомнить. Однако самое странное было то, что когда он пришел в общежитие, ему сообщили, что деньги нашлись.

Нашелся и вор. Им оказался Луцай Петя, однокурсник, живший вместе с Шилкиным в комнате. После занятий вдвоем с Шилкиным они пошли к девочкам на второй этаж, но Луцай вернулся, сказав, что забыл замкнуть комнату. Пропажу Шилкин обнаружил вечером, когда засобирался в столовую. А Луцай засскли на следующий день совершенно случайно ребята третьего курса в «Спорттоварах». Он покупал себе кроссовки, хотя буквально вчера он всем плакался, что у него нет ни копейки денег и надо срочно ехать домой.

Помогло гадание, или это случайность? САНТИЛЬЯНА в случайности не верил. Теперь же наступило время растущей луны, как раз подходящее для того, что он задумал. Перед тем как лечь спать он долго стоял перед иконой Христа-спасителя и читал «Отче наш», все более проникаясь значимостью происходящего. Затем ушел в спальню, положил перед собой на столик квадрат Меркурия, ибо вызывание пророческих снов происходит только под влиянием его культа, и некоторое время сидел при выключенном свете. Звезды заглядывали в окно; он смотрел на них, не отрываясь и проникаясь общим ритмом своего тела и того, что его окружало. Блестящая, ослепительная черта мелькнула перед его глазами - падающая звезда дала свой знак... Доброе предзнаменование! Медленно он поднялся, прошел на кухню и налил в хрустальный стакан из крана

холодной воды, затем взял серебряное колечко, которое имел для такого случая, и осторожно опустил в стакан.

Как будто бы за его спиной произошло какое-то движение: или что-то всколыхнулось, или что-то в темноте обозначилось неясной тенью. САНТИЛЬЯНА, работая по ночам, привык к мраку и его проявлениям. Это «что-то» не пугало его. Он присел на свою кровать, держа стакан перед собой. Предстояло обеспечить себя хотя бы минимумом защиты, ибо отдача таинственных сил, к которым он обращался и которых затрагивал, могла быть непредсказуемой. Сжав правой рукой стакан, наполненный водой, он тихо заговорил, и его голос во тьме отдавался хрипло и глухо, словно из подземелья.

- Я обращаюсь к тебе, мой Ангел-Хранитель, и прошу твоей помощи в решении трудной для меня задачи. У женщины, которую ты видел и знаешь, похитили ребенка Алешу Помелухо. Ему всего четыре года; он мал, слаб и беззащитен и не смог противостоять козням сатаны и ее посланников. Женщина страдает, ибо нарушена божья заповедь «Не укради» и торжествует сатана в своем злодеянии. Страдает мальчик, лишенный отчего крова, страдает мать. А я всего лишь слабый человек, раб Божий, хочу восстановить справедливость, начертанную Всемогущим Отцом нашим.

Ангел мой, спаситель мой, хранитель мой, помоги мне, подскажи мне, где искать этого мальчика, этого малыша, раба Божьего Алешу, чтобы вернуть его в лоно материнское. Подскажи, Ангел мой, спаситель мой, хранитель мой. Уповаю на тебя и на Господа нашего Иисуса Христа! Аминь.

При последних словах сердце гулко отдалось в груди; окружающая его темень вдруг наполнилась жизнью. Словно какие-то мерцающие блестящие заскользили перед его глазами, и волосы зашевелились на голове. САНТИЛЬЯНА поднялся и вновь свистящим чуть ли не рыдающим голосом произнес:

- Ангел мой, спаситель мой, хранитель мой! Подскажи, где искать Алешу Помелухо, раба Божьего четырех лет всего от роду?.. Господи, прости меня за мою дерзость! Аминь. Аминь. Аминь...

И он истово закрестился, возведя широко открытые глаза в окно, в звездное небо. Затем осторожно поставил стакан у изголовья кровати, сбросил с себя одежду и, тяжело дыша, с бешено колотящимся сердцем, лег, накрывшись одеялом до подбородка.

... Он долго не мог заснуть. Все ворочался с боку на бок. Часы-ходики в прихожей отсчитывали секунды, минуты. Пробило час, потом два - сон не приходил. Он стал всматриваться в темноту, звенящую и в то же время глухую. Какие-то неясные звуки за окном различил он: небо, кажется, заслонило тучами, задул ветер, и капли дождя звонко и настойчиво забарабанили по стеклу. Затем эта дробь слилась в стойкий неумолчный гул, который, вероятно, и сломил одолевшую его бессонницу. Он погрузился в

забыть, словно в мягкие тихие волны. Он качался в них из стороны в сторону, как в гамаке, и действительно вдруг увидел себя в саду и гамаке. Зелень деревьев склонялась над ним, овеивая его свособразной прохладой. А из глубины сада вела мимо тропка, и по ней навстречу бежала маленькая белая собачонка с коричневыми пятнами на спине и по бокам с висящими, как у спаниеля, длинными ушами. САНТИЛЬЯНА, раскачиваясь из стороны в сторону, смотрел на собачонку, которая в свою очередь смотрела на него. Он поманил ее к себе. Собачонка свернула с тропки, подбежала к нему и, глядя прямо ему в глаза своими добрыми большими глазами, стала лизать ему руки, ласкаясь и словно желая что-то сказать. И САНТИЛЬЯНА спросил:

- Ты знаешь мальчика Алешу Помелуху?

Собачонка закивала головой совсем по-человечески, пытаясь запрыгнуть в гамак.

- И ты знаешь, где он находится? - спросил вновь САНТИЛЬЯНА и перестал раскачиваться.

Собачонка, продолжая кивать, лизнула его в лицо.

- Где?

- Здесь, - вдруг сказала она человеческим голосом.

- Где - здесь?

- Алеша - это я.

И словно бы в подтверждение своим словам она, отстранившись слегка, встряхнулась и вдруг превратилась в маленького мальчугана в желтенькой кофточке и джинсовых штанишках. САНТИЛЬЯНА оказался на скамейке.

Он поднял мальчика на руки, крепко обнял его, а тот обхватил его за шею.

- Алеша, Алеша, малыш, куда же ты исчез? - тихо говорил он, сжимая мальчика в объятиях. - Мама с ног сбилась, а ты вот где, оказывается.

Малыш прильнул к нему, тепло и шумно дыша в шею.

- Где же ты сейчас живешь, Алеша? - спросил САНТИЛЬЯНА и услышал еле слышный ответ:

- В городе.

- На какой улице?

Мальчик, уткнувшись лицом ему в ухо, что-то невнятно лепетал слабым голоском, но САНТИЛЬЯНА как будто бы понял:

- Что?.. На улице Достоевского? Повтори разборчивее, Алеша...

Малыш продолжал что-то невнятно лепетать, и вдруг САНТИЛЬЯНА услышал отчетливый молодой мужской голос, подобный голосу телефонного посредника при разговоре на большие расстояния:

- Улица Достоевского.

И в то же мгновение он почувствовал, что малыш стал отдаляться от него. Мальчик стоял уже на тропинке, по-прежнему что-то

лепечка и как-то щемяще виновато улыбаясь. САНТИЛЬЯНА рванулся к нему, но мальчик попятился и отделился от него метров на десять сразу.

- Что ты говоришь Алеша? - закричал САНТИЛЬЯНА. - Громче, я не слышу. Какой город, Алеша?.. Какой?.. В каком городе эта улица?

Но малыша на тропинке уже не было. Лишь вдалеке ее виднелась крошечная фигурка, ускользающая в заросли. САНТИЛЬЯНА пошел следом, но вдруг почувствовал, как кто-то «потусторонний» приблизился к нему вплотную и крепко схватил за руки. Что-то тяжелое навалилось на него, сдавило с такой силой, что он стал задыхаться, жуткий страх сковал все его члены.

- Пусти руки!.. - закричал он, леденея от ужаса и пытаясь повернуться. - А-а-а!.. Руки пусти!

Но сил не было. Он задыхался, тряс головой и елозил ногами, сбрасывая тяжесть. Нечто черное, бесформенное наклонилось над ним, коснулось его лица, липкие холодные пальцы, извивающиеся, как щупальца, схватили его за горло, и он дико закричал:

- Уйди-и-и!.. Долой!.. Пусти-и! Рр-ра-а-а!

Его голос перешел в рычание, он бился, словно зверь и... проснулся. Он лежал, распластавшись, на спине. Грудь вздымалась, а сердце билось гулко и лихорадочно. Ощущение реальности происходящего было столь очевидным, что он никак не мог прийти в себя. Дрожащей рукой он пошарил по стене, нащупал выключатель. При вспыхнувшем ярком свете он увидел на своих наручных часах 10 минут 4-го. Медленным взглядом обвел спальню: все оставалось на своих местах. У изголовья по-прежнему стоял хрустальный стаканчик с водой и серебряным колечком на дне.

К октябрьским праздникам погода, видно, окончательно испортилась. Голые деревья качались и гнулись под напором промозглого осеннего ветра. Небо, сплошь затянутое хмурыми облаками, казалось, несло ледяной стужей. Капли дождя, острые, как кристаллики льда, носились в воздухе; прохожие закрывались от них шляпами, воротниками плащей и пальто, руками, зонтиками. Исчезли птицы, а бездомные собаки жались в подворотнях, завидя тем четвероногим, кто имел собственную жилплощадь в виде конуры или чего-либо подобного.

Он шел пешком через весь город в промозглой ночи. Шел, не прячась от ветра и подставляя лицо колючим ледяным брызгам. В тусклых огнях уличных фонарей холодно поблескивал мокрый асфальт. Ветер завывал в проводах, и последние срываемые с деревьев листья, носились в сыром воздухе, напоминая летучих мы-

шей. Непогода его не страшила, хотя он обладал такой же уязвимостью, как и все живое. Однако он верил, что не может заболеть. Время для себя он измерял по солнцу и луне - этим двум великим стрелкам космических часов. Солнце, или часовая стрелка, указывала времена года; луна, или минутная стрелка, указывала морские приливы и скрытую работу подсознания. Именно от культа лунного божества и берут свое начало четыре ежегодных колдовских празднества, которые празднуются оккультистами ночью 31 Октября, 2 Февраля, 30 Апреля и 1 Августа. Они отмечаю начало каждой четверти цикла прилива.

Первый прилив разрушения и начало зимы открывает праздник мертвых, первый день колдовского года - 31 Октября. Темный прилив разрушения достигает наивысшего своего значения к середине зимы - зимнему солнцестоянию. 2 Февраля - конец правления Короля Зимы, Лорда Migrulli и первых движений светлого прилива лета. Во время весеннего равноденствия светлый и темный приливы действуют равномерно, но светлый прилив имеет тенденцию к увеличению. 30 Апреля - начало самого большого прилива, который достигает своей наивысшей точки в период летнего солнцестояния. Отсюда он начинает убывать. Первое движение темного прилива чувствуется с 1 Августа - время фруктов и сбора урожая, когда убирается урожай и начинают спеть фрукты. На осеннее равноденствие два прилива опять уравниваются, светлый прилив начинает убывать, темный - возрастать. 31 октября прилив темноты опять достигает своего полного наполнения, и так цикл повторяется.

Эти приливы и отливы - вторая природа, влияющая на весь жизненный цикл всего живущего на земле... Он чувствовал время, ощущал его ход почти физически и, возможно, поэтому обращался к небу даже тогда, когда в этом не было необходимости.

Подходя к дому, он увидел впереди женскую фигуру. Укутанная в темный плащ, она показалась ему знакомой, и тут он вспомнил, что на сегодня была назначена встреча с Галей Помелухо. Вид этой одинокой женщины в осенней ненастной ночи вдруг заставил сжаться его сердце.

Боже, что же он делает? Не слишком ли это жестоко обязывать несчастную женщину приходить в глухую ночь на окраину города? Где же человечность?..

Они вошли вместе в подъезд и в квартиру. При свете электричества он увидел изможденное лицо, опущенные уголки губ, обветренные щеки. Плащ промок, кажется насквозь и не мог согреть, хотя она была в вязаной коричневой кофточке. Девушка улыбнулась сдержанно, стеснительно и закашлялась. Она кашляла долго, натужно, грудь и плечи сотрясались. В руках у нее очутился маленький платочек, она поднесла его к мокрым обветренным губам.

- Мне кажется, - тихо сказал САНТИЛЬЯНА, положив ей руку на плечо, - что наши дела мы отложим до завтра. Вы, всерьезно, приболели?..

- Тогда я... я пойду домой, - торопливо проговорила девушка и встала.

- Нет, нет, - он взял ее за руки и вновь усадил в кресло. - Отпустите вас в таком состоянии?.. Простите, это будет... немилосердно. Разрешите ваш пульс?..

И он сжал ее холодное тонкое запястье, наложив поверх его два пальца.

- Ого, да вы совершенно больны! Если верить моей точности - у вас 88.

- Я простудилась. Уже почти неделю... Кашель забивает и насморк.

- Галя, я вас буду сейчас лечить.

- У меня таблетки...

- Таблетки не нужны... Вы переночуете у меня. Я вам приготовлю отменное лекарство. Выпьете на ночь, и к утру все пройдет.

- Не надо... Зачем? - слабо сопротивлялась девушка.

Но САНТИЛЬЯНА провел ее в спальню и расстелил постель.

- Ложитесь... Уже первый час ночи, а все нормальные люди в это время спят. Я выйду, а вы устраивайтесь и ничего не бойтесь.

Раздевшись, она забралась под одеяло, чувствуя, как слабость все более и более охватывает все ее существо. В комнате было тепло, однако ее знобило. Последние две недели нервы ее были на пределе. Она соблюдала просьбу своего неожиданного детектива, но ее уходы в ночь не остались незамеченными. Младшая сестра Рита старалась не любопытствовать, хотя молчание Гали казалось ей странным и трудно объяснимым. Более всего донимал ее Федор, который вначале вознамерился уехать на Урал, ближе к Свердловску, где жил его дядя, потом передумал.

Теперь он не отставал от нее ни на шаг, постоянно подчеркивал всем, что она его невеста, лез целоваться, при всяком удобном случае тащил в постель. Федор все время пропадал у матери, считая себя другом семьи и ее защитником, пил, ел и спал, нисколько не заботясь о финансах. *Духи не выносят запаха алкоголя* - эти слова представились Гале как плаха, добровольная смерть, подстерегающая ее каждый раз, когда она садится за стол. Теперь каждый глоток вина, представлялось ей, отдалял ее от сына, и она противилась всей своей душой каждому застолью.

Но не получалось. Федор превратился в ее тень, сам наливал, заставляя пить «на брудершафт», и она в бессильном отчаянии глотала ядовитую жидкость, словно отраву. Это была пытка. Она перестала ходить к матери, Федор стал ломиться в дверь ее квартиры на улице Садовой.

Несколько дней назад он пригрозил, что найдет ее «хахаля» и прирежет как «паршивую собаку».

Сегодня она тоже скрылась от него: она отправила его к матери, пообещав, что подойдет после того, как примет душ у себя. Федор как будто бы поверил, но она вышла следом, едва он скрылся за углом, уехала на вокзал и два часа, сотрясаемая кашлем, сидела в зале ожидания, как пассажир ждущий нужного поезда, пока не пришло время. Тогда она двинулась к другой окраине города.

Кашель и сейчас затряс ее, выворачивая наизнанку все нутро.

Постучавшись, вошел САНТИЛЬЯНА с поллитровой банкой в руке.

- Это подогретое молоко, - сказал он, присев рядом. - Выпейте - и клянусь: завтра вы будете как огурчик.

Он подsunул ладонь под голову и, пока она пила, держал банку у ее рта.

- Что это?

- Подогретое молоко, мед, сливочное масло и сырое яйцо - таков рецепт... Болезнь как рукой снимет.

- Спасибо вам... Просто неудобно. Вы не знаете меня... В чужой квартире...

- Вы - человек, с которым стряслась беда; этого для знания вполне достаточно... Спите, Галя. Завтра поговорим.

Он щелкнул выключателем и плотно прикрыл дверь.

Она закрыла глаза. Никогда в жизни она даже не предполагала, что будет вот так лежать в квартире где-то на окраине города совершенно без сил и кто-то, совершенно чужой и непонятный будет ухаживать за ней, лечить, успокаивать и являть собой глухую защиту, каменную стену, которая может присниться только во сне. Если бы не случайное знакомство ее сестренки с Вадимом Суходосвым, если бы не его доброе, отзывчивое сердце, если бы не его письмо и если бы не его друг... Есть Бог на свете! Именно Ему было угодно, чтобы жизнь Гали не остановилась, именно Он протянул ей руку с той стороны, откуда она менее всего ожидала. Именно Он направил ее к этим людям, о существовании которых она и не подозревала...

■
Уже было светло. За окном по-прежнему завывал ветер и шел дождь вперемешку со снегом.

- Как вы себя чувствуете?

- Спасибо, - слабым голосом отозвалась Галя.

Во рту чувствовалась сухость, однако дыхание было ровным и спокойным, а кашель как будто бы прошел.

- Я приготовлю завтрак. А вы потихоньку раскачивайтесь... В ванной я включил теплую воду, там есть все для женского туалета.

- Спасибо, - повторила она, смущаясь от его пристального взгляда.

Спустя минут двадцать она вошла на кухню, где дымилась на

столе яичница-глазунья, распространяя присущий ей аромат. Лежала раскрытая баночка шпротов, тонкими ломтиками был нарезан хлеб, а посреди стола стояла большая тарелка с отваренной целой рассыпчатой картошкой.

- Извините меня, если что не так, - улыбнулся САНТИЛЬЯНА, ставя две рюмки на стол. - Я холостяк, значит, и все остальное у меня холостяцкое... Как спалось на новом месте?

- Спасибо... Мне стало лучше...

- Будет еще лучше, если мы с вами немножко бальзамчику. Для здоровья полезен... Для закрепления жизненного тонуса.

Он разлил водку по рюмкам.

- Гости у меня бывают крайне редко. А вы - мой гость... Я не знаю ваших возможностей, но сто грамм водки для вас сейчас не повредит. Ваше здоровье, Галя, и благополучие.

- А где же ваша жена? - спросила Галя спустя несколько минут после того как они выпили и принялись закусывать.

- У меня ее нет, - просто сказал САНТИЛЬЯНА. - Несколько лет назад мы разошлись. Точнее - она ушла от меня.

- Почему?

- Видишь ли... Извини, я перешел на «ты». Не будешь в обиде?.. Галя, что-то во мне ее не устраивало. Конечно, я не ангел, но... Трудно понять женщин.

- А мне почему-то кажется, что она, ваша... твоя жена, просто глупа. Иначе... пойти на разрыв с таким человеком...

- Галя, я ничем не лучше других. И у меня куча недостатков... И то, что она ушла, это понятно... Но есть другое, которое я не могу понять и не могу простить.

- Что ты имешь в виду?

- Галя, давай немножко добавим для закрепления нашего знакомства и вернемся к делу, - сказал, помолчав, САНТИЛЬЯНА и снова наполнил рюмки.

Она кивнула головой, и они выпили снова, а потом, выдержав небольшую паузу, он спросил:

- Ты проанализировала свою жизнь?

- Я думала всю неделю, думаю и сейчас... Я не знаю, Ваня. Я закончила школу десять лет назад. Подруги мои поразъехались, некоторые работают в городе, у каждого свои семьи, своя жизнь... Я не знаю, кто мог забрать моего Алешу. Да и что я им?.. Не представляю, на кого думать.

- А друзья твоего мужа, его подруги?.. Ты извини, конечно. Беспокою прах любимого человека. Но в таком деле любос слово о твоём сыне, даже буква - на вес золота. И кто знает, куда может нас вывести даже мимолетный шорох?..

- У моего Васи не было случайных связей.

- Галя, я не хочу тебя обижать. Извини... Старшина-сверхсрочник, женившийся в тридцать лет - и не было случайных связей?

Она умоляюще смотрела на него, и рука, сжимавшая вилку, чуть подрагивала.

- Зачем это?.. Я не понимаю.

- Галя, послушай меня... По моим данным, твоего сына за углом ждали. Ждала женщина и ждала именно его. Не какого-нибудь Ваню, Петю, Сережу, а именно его, Алешу. Его посадили в машину, не государственное такси, а личное транспортное средство. И тот человек, который за рулем, сейчас здесь в городе... Но он - пешка, исполнитель. Главное - женщина, знающая тебя, твой образ жизни, твои семейные обстоятельства... Ребенка увезли в тот же день, далеко увезли.

- Но, кто этот человек? - воскликнула Галя, подавшись к нему всем телом.

- Я говорю же: это пешка. Наверное, старый знакомый этой женщины. Мы его не найдем или будем искать очень долго... Он многого не знает. Мне думается, что он даже не из города, а живет где-нибудь в районе. Иголка в стоге сена...

САНТИЛЬЯНА поставил чашки и стал разливать в них вкусно пахнущий мятой горячий чай.

- Мята - волшебная трава, которая не только лечит, но и способна защитить от всякого враждебного действия, - сказал он и, глядя на ее пришибленный, растерянный вид, улыбнулся открыто и ободряюще:

- Галя, не стоит так паниковать... Подумай вот о чем: что тебе говорит название улицы имени Достоевского?

- Достоевского?.. Не знаю, не помню.

- Припомни... В каком городе находится эта улица? Или кто из твоих знакомых живет на этой улице?.. Возможно, твой муж упоминал улицу Достоевского?.. Галя, мы стоим на пороге раскрытия тайны.

Девушка молчала, в полной растерянности. Прошла минутная пауза. Она готова была расплакаться, и действительно слезы навернулись на глаза.

- Может быть, ты слышала от своего мужа, от подруги, от матери, от сестры?.. Улица Достоевского!..

- Я не знаю... Честное слово, - она всхлипнула.

- Хорошо...

САНТИЛЬЯНА опустил руку на ее голову и, склонившись, вдруг тихо коснулся губами ее мягкой щеки.

- Хорошо, Галя... Твоя задача - вспомнить хотя бы что-нибудь об улице с таким названием. Ты понимаешь меня?.. И еще: мне нужна фотография твоего мужа.

- Похоронная?

- Нет, Галя, прижизненная.

- Зачем?

- Галя, не задавай мне вопросов. Вопросы задаю я... Мы про-

двинулись с тобой далеко вперед, даже не отдавая себе отчета в этом... Твой сын живет у людей в каком-то городе на улице Достоевского; и этот город находится на юге страны. Разве этого мало? Мы с тобой вдвоем знаем больше, чем все Министерство Внутренних Дел России.

Твой муж - возможно, последняя инстанция в этом деле. Кто-то, а покойники привязаны к своим родным гораздо ближе, чем мы об этом думаем. Твой муж, отец Алеси, уже не раз побывал у своего сына...

С изумлением откинувшись на спинку стула, она смотрела на него и не верила своим ушам.

- Он же умер, Ваня, - прошептала она и залилась слезами.

- Это так, но душа его жива... Душа имеет душу, сердце... Я уверен, она уже не раз прилетала к тебе, чтобы сообщить, где находится сын, но мы - и ты, в частности - чрезвычайно невосприимчивы к их миру и не понимаем их. Это наша беда, Галя. Поэтому я и прошу принести фотографию, чтобы попробовать установить контакт.

За 15 минут до подъема он уже входил в здание общежития. Это случилось 13 ноября во вторник. Дежурившая ночью вахтер Дина, сорокалетняя женщина с одутловатым лицом, нависшим широким лбом и сильно близорукими глазами встретила его возгласом:

- Ну и дали в эту ночь ваши архаровцы!

Воспитатель задержался у стола.

- Разнесли весь четвертый этаж. Два стекла в дверях разбиты.

- Вы видели или предполагаете хотя бы, кто это умудрился?

- Пока я поднялась, они все разбежались.

- А в какое время, Дина?

- В час ночи ровно.

С Диной не было смысла уточнять. Она боялась темноты, и об этом знало все общежитие. Когда она дежурила в ночь, для всего общежития наступало раздолье. Свет на этажах выключали. А когда все погружалось во тьму, она не трогалась с места: сидела на низу у своего стола и не отходила от телефона, в котором она видела своего защитника. Иван Дмитриевич знал даже больше: если Дина какого полуночника и видела, то никому не сообщала, видимо, боясь возмездия.

Ученики над ней потешались: хрюкали, мяукали и завывали.

Иван Дмитриевич направился на этаж, но Дина его остановила:

- А вот и орудие преступления, - в руках она держала небольшой деревянный молоток.

На лакированной ручке молотка красивыми печатными буквами было вырезано «Агеенко Нина».

- Эта девочка с четвертого этажа? - спросил воспитатель.

- Не знаю. Их много было: человек пять девочек... Как кинулись врассыпную, как горох. А молоток я подобрала у двери, в коридоре на четвертом этаже... Испугались, наверное, и убежали.

- Спасибо, Дина. Это - улика... Кто-нибудь еще знает?

- Нет... Воспитатели здесь, но я - никому ничего...

- Спасибо, Дина, - повторил Иван Дмитриевич и пошел прямо на лестничную площадку четвертого этажа. То, что он увидел, подтвердило его предположение: стекла разбила девочка. Ударили со стороны коридора четвертого этажа, мелкие осколки стекла лежали на кафельном полу лестничной площадки. Тут же валялись оторванные и переломанные штапики. Мальчишки, если творили подобное, то старались обойтись без шума. Девочки же обычно не церемонились. Вероятно, Дина появилась слишком неожиданно, и девочки впопыхах забыли про молоток.

Потом вместе с дежурным третьекурсником Селедцовым Сергеем он поднимал ребят по звуку пионерского горна, стучал в двери. Как всегда молодцами был первый курс. Староста этажа Солоп Славик выскочил в коридор вместе с ними и стал помогать воспитателю поднимать остальных.

Как обычно не торопились с подъемом ребята третьего и четвертого курсов, а некоторые четверокурсники выбирались из комнат уже тогда, когда физзарядка закончилась.

Потом он спустился вниз. У входа за столом вахтера сидел Павел Кириллович в окружении нескольких девочек Елены Григорьевны, которые отмечали посещение физзарядки.

- У вас хуже всех, - сказал Павел Кириллович воспитателю. - Очень много опозданий. Чем это объяснить?

- Наверное, спать хочется, - сказал воспитатель. Девочки засмеялись, а Павел Кириллович закрутил головой и задвигал усами.

- Вы знаете, Иван Дмитриевич, что ваши мальчишки разбила дверь на четвертом этаже? - спросил он.

Дина, видимо, ему доложила, но как обычно не все.

- Впервые слышу, - хладнокровно ответил воспитатель.

- Надо найти виновных.

- Надо.

- Фамилии этих мальчишек обязательно сообщите мне.

- А разве они разбила дверь?

- Что вы хотите сказать?

- Я ничего не хочу сказать... Это вы говорите.

- Вы занимаетесь какой-то словесной эквилибристикой, честное слово. Вы должны выявить виновных в этом хулиганстве и сообщить мне. А мы примем меры.

Глупо все, думал воспитатель. Что за страсть у некоторых всячески подчеркивать свой статус начальника!..

- Вы поняли свою задачу?

- Моя задача - физзарядка закончилась и мне пора идти домой, - сказал воспитатель.

Павел Кириллович вспыхнул, его тщеславие было уязвлено, однако воспитатель никак не реагировал на его эмоции. Увидев Веру Александровну, вместе с девочками идущую с улицы, он сказал:

- Вера Александровна, несколько слов...

Они прошли на четвертый этаж, остановились у разбитых дверей, воспитатель отдал ей молоток.

Около сотни девочек на этаже, возможно, даже больше, дух авантюризма им не чужд, а кое-кто жаждет приключений.

- Агеенко Нина с третьего курса, - сказала Вера Александровна. - Я разберусь с ней и другими красавицами. Эта группка мне известна...

Другой, вероятно, не преминул бы в подобном случае выгородить, или реабилитировать, себя, донся по инстанции и обыграв данную ситуацию раз десять, не меньше. Но Иван Дмитриевич был далек от казуистики.

Вернув молоток адресату, он посчитал свою задачу выполненной, остальным должны были заниматься другие, в данном случае - воспитательница девочек четвертого этажа. Именно ей теперь предстояло толочь воду в ступе, ибо не было никакой гарантии, что наказание Агеенко Нины и ее соучастниц исправит положение: двери по-прежнему оставались закрытыми. И все же чуть легче становилось от сознания того, что не одни мальчики так грешны. Странно как-то получалось: все хорошее, что делалось мальчиками в общежитии, никто не замечал, хотя осуществлялось это хорошее (ремонт дверей, замков, остекление окон, ремонт кранов, чистка панелей, проведение бесед, вечеров, организация дежурства комсомольского оперативного отряда и т.д.) при непосредственном участии воспитателя. Фигурировало только плохое, это плохое увеличивалось в знную степень, и на всех собраниях, совещаниях и заседаниях склонялось имя воспитателя и его воспитанников. В прошлом году мальчики для всего общежития провели лекторий на тему «Как возникла религия». К нему готовились самым тщательным образом. Иван Дмитриевич с ребятами ходил в городской краеведческий музей, перерыли не одну полку книг в библиотеке, двое мальчиков были направлены в районную фильмотеку, по всему училищу и даже в одной средней школе искали таблицы биологического содержания. Тридцать мальчишек из этажа было задействовано в этом лектории. Две девочки с пятого этажа предложили свои услуги: познакомить слушателей с литературой, подборкой книг на данную тему.

Каково же было его изумление, когда на очередном педсовете

Елене Григорьевне объявили благодарность за подготовку и проведение с мальчиками лектория на антирелигиозную тему. Это, пожалуй, был единственный случай, когда воспитатель не удержался и вышел из себя. Он послал в президиум записку, где сообщал, что лекторий проходил по плану совета третьего этажа, но никак не Елены Григорьевны. На эту записку никто не обратил внимания. После педсовета он прямо сказал об этом директору.

- Какая разница? - последовал ответ Леонида Сергеевича. - Главное - провели, а остальное - не суть важно.

Но воспитатель не мог согласиться. Ведь основная работа проведена мальчиками, а сценарий лектория написал он, воспитатель, но не Елена Григорьевна, и репетиции целый месяц проводил опять же он вместе со своим советом.

- Девочки от пятого этажа, от Елены Григорьевны, тоже участвовали, - сказал директор.

Тот разговор напоминал ему персливание из пустого в порожнее. Он почувствовал, что ничего не может доказать, ибо просто его доказательства никому не нужны. Фантастическая сказка Гофмана «Крошка Цахес» нашла свое реальное воплощение.

Он потом долго не мог придти в себя. Обида оказалась настолько емкой, что придя домой, он раскрыл бутылку водки и выпил один добрую половину, пока чувство горечи не рассосалось.

Но это был единственный раз, когда он не смог совладать с собой. Больше подобного не повторялось.

Павел Кириллович, разумеется, не мог оставить без последствий утренний инцидент. Поэтому воспитатель несколько не удивился, когда, придя на работу, узнал, что его вызывает Леонид Сергеевич. Внутренне он всегда был готов к различного рода неприятностям, воспринимал их весьма спокойно, понимая, что ничто так не выводит администратора, как уравновешенность его подчиненного. Иван Дмитриевич даже предугадывал ход беседы, ее начало и конец и почти никогда не ошибался.

- Иван Дмитриевич, вы в курсе того, что произошло сегодня в общежитии ночью? - спросил директор.

Воспитатель молча кивнул головой, выдерживая взгляд Леонида Сергеевича. По существу, добрый, неплохой человек, пытается о всеми быть на равной ноге, в меру требователен и строг. Ранее он работал в одной из городских школ учителем, потом стал директором этой школы, а когда открылось педагогическое училище, орком порекомендовал его туда руководителем. Конечно, если бы он не был коммунистом, то не видать бы ему директорства как воих ушей. Не помогли бы и знания трех языков и несколько научных диссертаций. При всех своих достоинствах Леонид Сергеевич имел один недостаток, типичный для большинства выдвинутых партий руководителей - он не умел самостоятельно действовать и мыслить. Он не имел собственного мнения, легко поддавался

влиянию со стороны. Его близкое окружение составляли люди, в просторечии именуемые подхалимами, они пели ему в уши то, что он хотел слышать; они же через него и правили бал, поддерживая в нем чувство непогрешимости.

- Чем вы объясните такой низкий уровень воспитательной работы с мальчиками?

Этот вопрос ему, конечно, подсказал Павел Кириллович, заведующий трудовым отделением и куратор мальчишек, вместо того чтобы направить его по своему адресу и адресу классных руководителей. Но в таком случае пришлось бы расписаться в собственной педагогической несостоятельности и изменить требования к классным руководителям, что могло опять же привести к непредсказуемым последствиям. Гораздо проще указать на стрелочника, то бишь воспитателя.

- Что вы имеете в виду? - произнес Иван Дмитриевич, по-прежнему не опуская взгляда.

- Я имею в виду то, что произошло сегодня ночью на четвертом этаже.

- Не понимаю, при чем здесь я. На четвертом этаже есть свой воспитатель и, видимо, надо спросить с него. А у меня третий этаж.

- Если бы вы знали, Иван Дмитриевич, как с вами трудно разговаривать!.. Вы никогда не признаете себя виновным. Свои недоработки вы сваливаете на других. И на педсовете вы повели себя вульгарно, оскорбив весь педагогический коллектив. Вам прощения надо просить у преподавателей, а вы вместо этого имеете наглость заявлять, что не понимаете меня... Так работать нельзя вот что я вам скажу. О вас и вашей работе мы поставим вопрос на производственном совещании, потому что это безобразие, в конце концов. Ваши мальчики фактически срывают физзарядку на этаже, вы не в состоянии обеспечить подъем, потому что вы сами так настроены и соответственно настраиваете детей... Почему девочки все как один выходят на утреннюю физзарядку? Почему у мальчиков не так? Все зависит от отношения к делу, от воспитателя.

- А где же комитет физкультуры, инициатор почина? Где урапатриоты в лице «Защитников Отечества», где комсомольская организация, в состав которой входит самая передовая молодежь, где профсоюзная организация, где, наконец, классные руководители и где комитет по самоуправлению?

- Подъем на этаже - это ваша прямая обязанность как воспитателя...

- Это если речь идет о детских садиках или пионерских лагерях. В педагогическом училище, Леонид Сергеевич, мне кажется, должно быть несколько по-другому... Кстати, вы явно преувеличиваете мои способности в настраивании учеников и в том, что я могу заменить все перечисленные мной организации. Первый курс выхо-

дит на зарядку в полном составе, да и второй неплохо. Основная загвоздка, как мы видим, в четвертом курсе, а этим парням по 18 лет. Это не музыкальные инструменты, которые можно настроить. Когда вводили физзарядку, надо было обсуждать этот вопрос не только на педсовете и обязывать воспитателей. Надо было, по-моему, прежде всего, обсудить этот вопрос со студентами и выяснить, нужна ли она им.

- Хорошо, мне все ясно, - сказал директор, - с вами говорить без толку. Готовьтесь к производственному совещанию. Я собственно вызвал вас совсем по иному вопросу: разберитесь, кто сегодня ночью разбил двери, и хулиганов представьте мне. Сюда!.. А двери чтобы сегодня были застеклены.

- Извините, Леонид Сергеевич, вы снова обратились не по адресу.

- Как так?

- Почему о разбитых дверях вы говорите мне?

- А кому я должен говорить?

- Наверное, тому, кто их разбил. Тот пусть и стеклит.

- Так ваши же хлопцы и разбили! И хулиганили всю ночь по этажам.

- Как сказать... Вас неправильно информировали. Обратитесь лучше к Верс Александровне.

- Почему к ней? - возмутился директор. - Вы опять пытаетесь снять с себя ответственность.

- Во-первых, Вера Александровна чуть побольше знает, чем ваш информатор. А во-вторых, я никогда не снимаю с себя ответственности.

- Короче, стекло надо поставить на место.

- Надо, кто же спорит?.. Но мальчики мои ставить не будут.

С этими словами Иван Дмитриевич вышел из кабинета.

Вызывание мертвых как способ установления истины всегда считалось для людей, практикующих в черной магии, одним из самых опасных, если не смертельных действий. Нервное и физическое истощение - самое малое, чему может подвергнуться материализующий медиум; хуже, если не устоит его психика. Бывали случаи, когда опыты заканчивались смертью.

По лунному календарю вызывать мертвых лучше всего тогда, когда солнечная энергия убывает к своему наименьшему отливу между осенним равноденствием и зимним солнцестоянием. Ноябрь казался САНТИЛЬЯНЕ идеальным временем для подобной операции, ибо это был месяц традиционного колдовства, а луна неуклонно шла на убыль. САНТИЛЬЯНА чувствовал, что шансы добиться успеха с каждым днем у него возрастают.

Вызывание мертвых применяется в крайних случаях, когда все другие способы уже использованы и не дали ожидаемого результата. Этот крайний случай наступил. Кому-кому, а родному отцу, даже если он умер, без сомнения, известно, где находится его сын.

Руны говорили загадками, игральные карты не давали вразумительного и однозначного ответа, чайные листочки хранили молчание; обращение к духам, хрустальный стаканчик хотя и приблизили его к истине, но измотали до крайности. Единственная персона, которая, по его мнению, могла дать исчерпывающий ответ, была мертва. Именно ее он решил вызвать на контакт. Подобная магическая операция представляет из себя совершеннейшую работу тьмы и должна производиться во время наступления новой луны или почти сразу за ней. Ночь новой луны начиналась в пятницу 23 ноября, но САНТИЛЬЯНА торопился. Ритуал вызова требовал тринадцатидневной подготовки, однако и образ, и условия его жизни не позволяли досконально соблюдать традиции. Например, в течение тринадцати подготовительных дней ритуал предписывал ежедневное омовение освященной водой, насколько возможно удаляться от домашних и общественных дел, заменив их молитвой с солнечного восхода до заката в том месте, где намереваешься провести вызывание. Для наибольшей безопасности и точного соблюдения церемонии ему должны были помогать четыре помощника, САНТИЛЬЯНА не имел никого, да и не желал иметь, ибо привык рассчитывать только на свои силы.

Операцию вызывания он решил провести в ночь с 16 на 17 ноября, когда луна находилась в последней четверти и внутренне он почувствовал себя подготовленным, хотя пришлось отказаться от многих предварительных нюансов.

Ближе к полуночи он вошел в комнату с целью подготовить место. Для этого пришлось вынести два кресла и стулья; телевизор на подставке он придвинул в самый угол и закрыл его полностью накидкой, чтобы не отсвечивал экран. В западном углу комнаты он поставил небольшой треугольный столик - алтарь и накрыл его чистой скатертью.

В самый центр треугольника он поместил фотографию Василия Помелухо, снимок в полурост размером 9x12. Бравый старшина сверхсрочной службы в военной форме смотрел с этого снимка, чуть улыбаясь в широкие по-чапаевски подкрученные концами усы. По обе стороны фотографии Сантильяна поставил две свечи. На этом, собственно, приготовления и закончились. Теперь оставалось сделать то, чему он почти не придавал значения при выполнении своих магических действий, или из уверенности в себе и своих возможностях, или из стремления ради интереса выяснить, так ли уж опасно им совершаемое. Однако то, что он решил сегодня сделать, было настолько сложным и необычным, что он не стал рисковать и бравировать перед самим собой. На грудь он

повесил пентаграмму защиты, представляющую собой три листка талисманной бумаги с начертанными на них магическими словами и символами и обшитые красной ниткой вокруг четырех углов в неразъемный пакетик. Он опасался, что при ходе операции сила энергии может резко возрасти и отдать в него рикошетом или что-то пойдет неправильно. Вот для чего была нужна пентаграмма защиты - единственное средство «заземления» силы, вызванной подсознанием. Осторожные ведьмы надевают пентаграмму для всех своих магических операций, даже таких элементарных, как бросание рун или простое любовное заклинание.

До полуночи еще оставалось несколько минут. Он выключил свет и стоял, прислушиваясь к равномерному ходу времени, которое отсчитывали часы на стене. Глаза привыкли к темноте, вся комната являла собой магический круг, очищенный ладаном Меркурия, и в центре этого круга стоял он, медиум, собирающийся бросить вызов силам, обитающим за пределами здравого смысла. Границы магического круга проходили у самых плитусов с севера, запада и востока, к южной стене примыкал сервант с книжными полками.

Пробило полночь. Он чиркнул спичку и, приблизившись к алтарному треугольному столику, зажег две свечи. Затем устремил пристальный взгляд в лежащую между ними фотографию. В правой его руке очутилась магическая палочка, в один конец которой был вделан магнит. По-прежнему не опуская пристального гипнотизирующего взгляда с фотографии, он очертил над нею правильный крест с равными сторонами и обвел его кругом; губы при этом шептали:

Colpriziana Offina Alta Nestera Fuaro Menut.

Я называю Василия Помелухо.

Ты произведение Василия Помелухо.

Совершив сие, медленным движением он протянул левую руку и взял фотографию, впиваясь в глаза ее изображения, простер над ней палочку и вновь зашептал чуть громче и с силой, представляя говоримое как свершившееся наяву:

Дух Василия,

Ты можешь теперь приблизиться к воротам Запада,

Чтобы правдиво ответить на вопросы моих подданных.

Berald, Beoald, Balbin!

Dab, Dabor, Agaba!

Восстань, восстань, я заклинаю тебя и повелеваю тобой!

Эти слова заклинания он повторил трижды: к югу, западу и северу, - продвигаясь задом наперед вокруг внутреннего периметра и называя каждый раз имя ворот соответствующей стороны света.

После этого он положил фотографию на место между свечами треугольного столика. В течение нескольких минут он стоял молча, не двигаясь и все более проникаясь всеобъемлющей тишиной.

Но эта тишина после произнесенного заклинания показалась ему живой, наэлектризованной, словно чего-то ждущей. Пламя свечей по-прежнему равномерно освещало комнату, не колыхалось, лишь чуть потрескивая и отбрасывая на стены тени от предметов. Какая-то залетная мошка типа моли закружилась вокруг свечей, и вместе с ней вдруг возникло чувство, что он в комнате не один. Легкий озноб охватил все его члены, замерло дыхание; однако усилием воли он подавил в себе это обостряющееся чувство страха, ибо теперь наступило самое главное, и от того, как это главное будет совершено, зависел успех дальнейшего действия.

Он снова впился глазами в лежащий перед ним снимок. Как будто бы улыбка сползла с лица Василия Помелухо, черты стали строже и резче, а взгляд пронзительнее и осмысленнее. В кадилънице на столе он бросил щепоть некротического ладана, который он изготовил накануне из тонко измельченной сухой полыни, смоляного церковного ладана, вина, меда и нескольких капель собственной крови. Все это он тщательно перемешал и дал отстояться ночь. Пришлось довольствоваться полученной консистенцией, ибо он не мог достать чистого оливкового масла, смолы камедного дерева и белого ясенца, также входящих в ее структуру.

Когда ладан задымился, распространяя пряный аромат, САНТИЛЬЯНА вновь простер над фотографией магическую палочку и громким шепотом стал говорить заклинания, ударяя магнитным концом палочки по лицу на снимке, подчиняя каждое прикосновение ритму стиха:

Именем тайн бездны

Пламенем общины

Силой запада

Молчанием ночи и святыми ритуалами Гекаты*

я заклинаю и называю тебя, дух Василия,
чтобы ты предстал здесь и ответил на мои вопросы
Да будет так!

С последним ударом палочки он вновь наполнил кадилъницу ладаном для вызывания мертвых и затем быстро задул свечи на алтарном столике.

Комната моментально погрузилась в темноту, в непроницаемый мрак, который показался ему зловещим, ибо холодок страха ощутимо побежал по позвоночнику и не было сил ему противостоять.

Он скрестил руки на груди - символ, обозначающий череп и скрещенные кости, как в романе Стивенсона «Остров сокровищ», закрыл глаза, произнес омертвелыми губами:

Allay Fortission, Fortissio, Allysen Roa!

* Классическое греческое божество колдовства, включающее в себя Персефону (божество мертвых) и Селену (божество Луны)

- Зловещая тишина, и в ней дуновение, коснувшееся его застывшего лица, и шорох, будто сдвинулась портьера. По всему телу - от кончиков пальцев на ногах до волос на голове разливался ужас, сковывающий все его члены, но губы судорожно продолжали произносить:

- Приветствую тебя, о дух Василия, и благодарю за то, что ты явился ко мне.

И затем он громко вскричал, вскинув руки в обе стороны в форме креста:

- Василий Федорович, Василий Федорович, о, Василий Федорович!

Открыв глаза, он вперил их в темноту, вдруг начиная различать в ней некую неясную форму, плавающее белесое марево, словно ключья паутины. Волосы зашевелились на голове, и не в силах оторвать глаз он, почти не помня себя, опустился на колени. Клубящееся марево словно осветилось изнутри желтоватым фосфорическим свечением, приобретая очертания белой фигуры с простертыми к нему руками, приближающейся из угла комнаты. Желтовато-бледный облик, провалы вместо глаз и носа.

Громкий вопль ужаса вырвался из груди САНТИЛЬЯНЫ, такой вопль, что, казалось, он раскроил ночь, раздраил стены дома и потряс все окружающее до самого центра города. В действительности же из его сжатого спазмами горла конвульсивно вырывались нечленораздельные звуки, которые мозг облекал в вопросы, однако смысл их до САНТИЛЬЯНЫ не доходил.

- О ты, призванный мною из бесконечного твоего далека! Прости меня, что я имел дерзость нарушить твой покой. Но речь идет о твоём горячо любимом сыне, раб Божий Василий... Где он находится сейчас? Во имя Отца Всемогущего нашего, скажи мне, где находится твой сын Алеша, чтобы вернуть его матери? В какой город увезли его прислужники Сатаны?..

Призрак словно бы парил над ним, поднимаясь к потолку, отталкиваясь от пола, раскинув руки и внимая звукам человеческого голоса. Комната осветилась пепельным лунным светом, перед глазами закружились, словно в метели, блестящие; призрак вдруг засмеялся и, протянув костлявые руки, устремился к нему. Последнее, что увидел САНТИЛЬЯНА, - хохочущий череп, склонившийся над ним так низко, что трупное дыхание полыхнуло по его лицу. Дико вскрикнув, он отпрыгнул в сторону, и сознание его померкло.

Бледное изможденное поросшее черным волосом лицо с длинным носом, обвислые усы, круги под глазами, словно после беспробудного пьянства - таким он увидел себя в зеркале, когда очнулся под утро.

Его взору предстали упавшие на фотографию свечи, валяющаяся на полу картина «Три богатыря», сброшенная с телевизора накладка, разметанные на окне шторы. В комнате стоял запах пережженной полыни, церковного ладана и еще чего-то не то горького, не то сладковатого - он не мог определить чего. Голова раскалывалась, словно с похмелья, щипало и слезились глаза, а руки дрожали противной мелкой дрожью.

Свои восприятия и ощущения он мог объяснить, но совершенно не поддавалось пониманию, как и почему оказалась на полу картина, ибо гвоздь в стене торчал прочно, а шнур, удерживающий репродукцию, был несколько раз на гвозде перекручен.

Случилось нечто страшное. С этим чувством он очнулся, с этим чувством он кос-как потом привел себя в порядок и с этим чувством совершенно подавленный и разбитый, он вышел из дому, хотя более всего ему хотелось улечься и отлежаться после всего происшедшего. Он шел по улице, как пьяный, не замечая любопытствующих взглядов прохожих, погруженный в свои гнетущие мысли. Ясно было одно: он провалил дело. Провалил глупо и беспардонно. И всему виной его трусость. Он не смог преодолеть свой страх, он позволил панике завладеть всем своим существом, он насмерть перепугался призрака Алешиного отца и в результате не получил ничего, кроме тупой ноющей боли в голове, сердечной аритмии и состояния, близкого к умопомешательству. Вместо того чтобы свалиться от страха и пролежать без чувств, как колода, до утра, уткнувшись носом в пол, ему нужно было завершить начатое. Нужно было собрать всю свою силу воли, сжать ее в кулак и, памятуя старую истину «конец - делу венец», зажечь свечи, кадильницу, добавить немножко на угли ладана и выслушать ответ призрака, а потом расстаться в полном соответствии с ритуалом.

Затем, не откладывая дело на утро, подробнейшим образом аккуратно записать все в своей рабочей тетради. Однако он струсил, провалялся без памяти до самого рассвета, скомкав такую важнейшую для проводимого им расследования ОПЕРАЦИЮ и не получив поэтому абсолютно никакой ИНФОРМАЦИИ.

На улицах заметала поземка, снежная колючая крупа била в лицо. Голые деревья являли собой печальную картину уныния и упадка и сил, и духа. Никого не видя, Иван Дмитриевич подошел к общежитию, вошел в фойе. Вахтер Ольга Петровна вскинула на него свои большие красивые в молодости глаза, подпирающиеся сейчас дряблыми коричневыми мешками и, вероятно, что-то хотела ему сообщить, но воспитатель лишь слабо махнул ей рукой в знак обычного приветствия и стал тяжело подниматься к себе на третий этаж.

Дежурного на месте не было. Это обстоятельство никогда не проходило мимо внимания воспитателя, но сейчас он, не останавливаясь, прошел по коридору к своей комнате, нащупывая в кармане ключ. Скрученный в трубочку клочок бумаги упал к его ногам, когда он раскрыл дверь. Машинально нагнувшись, поднял, сунул, не читая, в карман. Подобные записки иногда подбрасывали ему ученики, особенно те, кого он порой ущемлял своей требовательностью. Набор ругательств и примитивных угроз - таково было в основном их содержание. Он научился к ним относиться чисто философски: на всех не угодишь. Одно время пытался по почерку определить авторов подобных ренеме, но вскоре понял, что выглядит просто смешным и, ознакомившись ради любопытства с их неприятным содержанием, выбрасывал в мусорную корзину.

- Иван Дмитриевич, - услышал он возглас и придержал шаг.

От входа по коридору к нему шла девушка, в которой он узнал Свету Зайцеву.

- Здравствуй, Иван Дмитриевич... Я ждала вас.

Молча, он кивнул головой, снял куртку и также не говоря ни слова пристроил ее на плечики в шкафу, потер ладонью колючие щеки и подбородок и попытался улыбнуться:

- Ну, что, милая Светлана, по какому случаю?..

Зайцева робко присела сбоку от стола, положив перед собой свои руки с чуть подкрашенными розоватыми ноготками. Ее лицо было заплакано, в черных притягательных глазах стояли слезы.

- Что случилось, Света? - спросил он, вдруг сообразив, что, кажется, действительно что-то произошло.

Девушка подалась к нему, всхлипнула и залилась слезами, уронив голову на руки.

- Я не виновата, Иван Дмитриевич, - услышал он плачущий дрожащий голосок.

Сбиваясь и путаясь, вздрагивая всем телом и плача едва ли не навзрыд, Света поведала о том, что, оказывается, сегодня ночью, в половине первого, в общежитии был проведен рейд, который возглавили Елена Григорьевна и Павел Кириллович. В 114-й комнате был задержан Солоп Славик.

- Я последние дни вообще плохо себя чувствовала... У меня даже была температура. Вчера мы легли рано, а Славик пришел к нам перед отбоем... Он мой друг, мы давно уже дружим. И мы просто разговаривали. Выключили свет, лежали, а Славик сидел у изголовья моей кровати... И тут стук, да такой громкий. Наверное, Елена Григорьевна услышала голоса в комнате. Катя открыла... Мы так перепугались, а Славик около меня сидел.

Она зарыдала, слезы ручьем текли по щекам.

- Ну, что ты, Светлана?.. Перестань...

Воспитатель достал платочек и, склонившись к ней, приложил его к мокрым глазам мягко, осторожно.

- Не надо так убиваться, Светлана. Ничего страшного не случилось.

- Она назвала нас - и Катю, и меня, и Лену Лукашенко - шлюхами. И сдергивала одеяла... Она сказала, что Славик лежал со мной... Она сказала, что всю нашу комнату выселит из общежития и чтобы мы искали квартиру...

Он привлек девушку к себе, и она, уткнувшись ему в плечо, тихо продолжала плакать.

- Зачем так про нас?.. При посторонних?.. Там была Бушуева и от профкома... И это не правда. Зачем оскорблять? Катя Одиноцова стала им объяснять, а Бушуева сказала, что всех нас вызовет на комитет комсомола...

- Успокойся, Света... Успокойся. Не так страшен черт... Хорошо, что ты рассказала все мне... Я постараюсь что-нибудь сделать для вас...

- Вы не знаете Елену Григорьевну, - слабым голоском проговорила она, все еще всхлипывая, но уже понемногу успокаиваясь.

- Она ни перед чем не остановится.

- Остановится... Я зайду сегодня к вам. Под вечер, хорошо?.. Иди, умненькая, и ничего не бойся.

Он проводил ее до выхода. Дежурный по этажу третьекурсник Осипенко Володя поднялся навстречу. Поприветствовав его кивком головы, воспитатель вернулся к себе. Прикрыв глаза руками, он облокотился о стол, чувствуя слабость во всем теле. Тупая ноющая боль в голове мешала сосредоточиться. Уйти бы домой, залечь в постель и отлежаться. Не может быть, чтобы так подействовал на него проведенный им сеанс. Скорее всего, приболел, простыл, поднимаясь чуть свет, чтобы успеть к физзарядке, и возвращаясь в полночь домой. Сегодня он на подъеме не был, что без сомнения, ему зачтется вкупе с происшедшим ЧП. Кто-то постучал в дверь, и тут же вошел Солоп в джинсовой куртке нараспашку, в клетчатой синего цвета рубашке с расстегнутым воротником. Весь его вид был какой-то взъерошенный, узкие глаза беспокойно моргали. Он первым протянул руку воспитателю, и тот пожал сухую, словно шепка, ладонь. День начался неудачно, неудачно продолжался и, по всему было видно, неудачно должен был закончиться. Об этом подумал Иван Дмитриевич, глядя на суетящегося издерганного своего старосту, шестнадцатилетнего подростка, возмечтавшего стать учителем трудового обучения и черчения средней школы, для чего и поступил в это педагогическое училище и теперь попавшего вот в такой переплет.

- Вы в курсе, Иван Дмитриевич?

- Да, брат, в курсе.

- Они пытались представить дело так, будто я чуть ли не каждый вечер разбивал стекла на четвертом этаже, проходил в эту дырку, а вместе со мной и другие ребята... Но это самая настоящая ложь!..

- Девочки так и не застеклили дверь?

- Я интересовался и не раз. Они сказали, что в магазине нет стекла...

- Это действительно так?

- Не знаю... Может быть. Но когда мальчишки бьют стекла, на другой день все уже исправляют... Но той дыркой я никогда не пользовался. На 5-й этаж я прошел по низу. Дежурила Александра Сергеевна, она отошла куда-то и меня не видела. И я остался в этой комнате, потому что Света была больна. Они - все девочки - лежали, а я около Светы сидел... Я не мог просто так уйти, Иван Дмитриевич. Я... я люблю эту девочку. Я не мог... У нее температура была 38...

- Спокойнее, Славик. И не надо оправдываться. Вины твоей здесь я не вижу... Что было дальше?

- А потом стук. И голос Елены Григорьевны: «Девочки, откройте!» Мы растерялись, а я... я просто испугался. Катя открыла... Вошли Елена Григорьевна, Павел Кириллович, Бушуева и еще человека два из профкома. И сразу накинулись на меня: «Вот кто руководит - староста третьего этажа!..» И сразу на девочек: «Шлюхи такие-сякие...» Кто дал право оскорблять девочек?.. А если бы вы видели, как Елена Григорьевна стаскивала одеяла! Я не понимаю, как так можно?.. Света больна, а она с нее рывком... А Павел Кириллович, не разобравшись, давай кричать: «Такие молодые... потаскушки!» А Бушуева?.. В прошлом году сама рыскала по общежитию, а теперь переродилась? Наверное, от того, что в горьком комсомола утвердили ее секретарем... Перестала своих узнавать, гонору хоть отбавляй! «Всех на комитет комсомола!» Девочки лежат раздетые, а они размахивают руками и оскорбляют разными словами!..

Солоп замолчал. Губы его дрожали, лицо покрылось красными пятнами, тонкие пальцы нервно перебирали на рубашке пуговицы.

- И чем все закончилось?

- Я хотел уйти, но Павел Кириллович меня не пускал. Потом повел меня на третий этаж, там встал у входа, где стол дежурного, и меня оставил. А комиссия пошла по четвертому, пятому и второму этажам. Мальчишки стали разбегаться, и Павел Кириллович всех ловил у входа... Семь человек задержали. Со мной вместе.

- Кто?

- Кроме меня, еще Шелганов, Костеренко, Лебедев, Климанский, Разумов и Яцков...

- Снова Яцков.

- Павел Кириллович всех записал и сказал, чтобы мы собирали вещи: все будут выселены из общежития.

Иван Дмитриевич слушал этот рассказ, смотрел на Солопа, понимая всю нервозность, растерянность и отчаяние последнего, понимая и то, что ему как воспитателю придется вмешаться в это дело, хотя уже сейчас можно с полным основанием говорить о педагогической бестактности учредителей рейда и поправки ими человеческого Я учеников. Но с воспитателя потребуют другое: растоптать недорастоптанное и растереть не до конца растертое во имя *наведения порядка* на третьем этаже. Если потом станет лучше - честь и хвала Павлу Кирилловичу, Елене Григорьевне и другим педагогам-новаторам, творчески применяющим на практике все свои знания и умения; если хуже - виноват воспитатель, не находящий контакта с учениками, мягкотелый, бездарный и бездеятельный. И кому какое дело до внутреннего мира какого-то Солопа, какой-то Светы Зайцевой, каких-то яцковых, одиночных, лукашенко, разумовых? Есть режим, есть *общая линия*, утвержденная администрацией, которая ЗНАЕТ, как все должно быть и *никогда* не ошибается.

- Значит, сказали собирать вещи?

Солоп кивнул головой, поджав губы и обреченно глядя в пол.

- Я - ладно, - помолчав, заговорил он снова неровным, вздрагивающим голосом, - пусть, я уйду... Но при чем здесь девочки? При чем здесь Света?.. У нее большая семья, она четвертая, самая старшая из детей; отец - скотник в колхозе, а мать на разных работах... И почему, что за мода так сразу набрасываться? Это несправедливо, Иван Дмитриевич.

- Светлана уже побывала у меня... Я понимаю вас: и тебя, и ее, и девочек. Если бы так понимали другие!.. Ладно, утрясемся как-нибудь. Иди, дорогой, а я... Что-то я сегодня из колеи вышел.

- А что мне? - спросил Славик, поднимаясь.

- Ты о чем?

- Вы же... должны наказать меня...

- За что? За то, что любишь?.. Продолжай честно и добросовестно выполнять свои обязанности, а остальным делом займусь я.

- Иван Дмитриевич, - голос совсем изменил старосте, на глазах появились слезы, - а с выселением...

- Не торопись... Позови-ка лучше ко мне Яцкова Виктора. Он не уехал домой?

- Нет, я видел его в столовой.

- Пусть зайдет ко мне, потолковать надо. Ступай...

Конечно, думал он, оставшись один, ночной рейд без последствий не останется. Развернется целая система мероприятий, носящих разъяснительно-карательный характер. И, как правило, карать обяжут воспитателя. На себя же возьмут иную роль: в глаза будут учеников стыдить и говорить о совести, а за глаза - метать на них громы и молнии. Так было всегда: выселение или какое-либо иное наказание мальчиков прикрывалось именем Ивана Дмитриевича. «Воспитатель сказал», «воспитатель написал», «воспитатель жаловался» - эти и подобные формулы указывали ученикам точный адресат, откуда проистекали неприятности. Любое родительское собрание не проходило без осведомления перипетий жизни подростка в общежитии, и здесь уже не особенно церемонились, воспитателя приглашали редко, и можно было говорить все, что угодно. После родительских собраний обычно дисциплина резко падала и взаимоотношения Ивана Дмитриевича со своими подопечными обострялись. Не сразу он догадался, что его именем беспардонно пользуются, приписывая слова, которые он не говорил, и действия, которые не совершал. В глазах воспитанников, таким образом, он выставлялся вечным брюзгой, сексотом и жалобщиком. Зато классные руководители мальчишеских групп убивали сразу несколько зайцев: во-первых, проявляли свою осведомленность; во-вторых, в глазах родителей и учеников создавали о себе имидж, как человека строгого, справедливого, требовательного и в то же время глубоко человеческого и заботливого опекуна, имидж няньки, вытирающей у несмышленишней под носом. Особенно в этом преуспели Григорий Абрамович и Николай Петрович, к четвертому курсу, как правило, полностью терявшие контроль над своими группами...

Громкие голоса в коридоре отвлекли его от мрачных мыслей. В комнату вошел Яцков Виктор, плотный, среднего роста черноволосый парень в форменных брюках зеленого цвета и такой же рубашке с небрежно закатанными рукавами. Густые черные, как сажа, брови были сдвинуты на переносице, глаза смотрели настороженно, даже вызывающе, толстые губы чуть раздвинулись в гримасе, обозначающей улыбку. Яцков Виктор учился уже третий год и третий год был сам себе, то есть делал то, что хотел и как хотел, ни с кем и ни с чем не считаясь. Нарушений распорядка общежития за ним числилось немало, не отличался он и чистоплотностью; если попадался, то выкручивался до последнего, врал и лгал напропалую, грубил, спорил и никогда не признавал себя виноватым. Дежурил всегда безответственно, бывало, уходил с поста, бывало, и выпивал, тогда вел себя дерзко, нагло, начинал размахивать ру-

ками и лезть в драку. Его обсуждали на Совете этажа и Совете общежития, где ему дали двухнедельный испытательный срок. Срок прошел, и Яцков вновь вернулся к своей повседневной манере поведения, пока теперь не попался Павлу Кирилловичу во время ночного рейда.

- Ну-с, что новенького, дорогой? - спросил воспитатель, указывая на стул сбоку от себя.

- А что? - неторопливо проговорил Яцков с той же гримасой, осторожно присаживаясь на краешек, не спуская настороженных глаз с Ивана Дмитриевича.

- Ты сегодня домой не едешь?

- Нечего там делать.

- Дом есть дом... Да и мама, я слышал, у тебя болела.

- Все нормально ужс.

- Ну, если все хорошо, то хорошо... А как же нам теперь быть?

- Что?

- У мамы все хорошо - слава Богу! А у нас с тобой опять неприятности, Витя.

- Нечего таскаться по ночам... Взяли моду, - сквозь зубы произнес Яцков, покачав головой. - Нигде такого нет... Концлагерь.

- Ну, насчет концлагеря - это ты перегнул.

- А разве не так?.. Час ночи, а они ходят, когда все спят, орут на весь коридор, стучат в двери. Пока нашли меня, перебудили сто человек. Стоит ли овчинка выделки?

- Ну, а ты-то почему не спал?

- А это мое дело... Я самостоятельный человек, у меня уже паспорт есть... На занятия я хожу без опозданий и выполняю то, что нужно. А остальное время мое, и я как хочу, так его и провожу.

- Витя, если бы ты находился в своей комнате, - это другое дело. Внизу, в фойе, висит распорядок дня проживающих в общежитии. Подъем в семь утра, отбой - в одиннадцать ночи, затем - сон. Никаких шатаний, никаких брожений!.. Дома - пожалуйста, ты можешь вообще спать не приходить, там за тобой смотрят родные. Но здесь, в общежитии, за тебя отвечает не мама, отвечаю я, комендант, вахтер, в конце концов, директор училища. И если что с тобой случится, спросят с них. Твоя же мама спросит. А зачем это нам надо, чтобы в час ночи ты шлялся где-то, вместо того чтобы быть в постели... И так везде, не только у нас в общежитии. И в армии так: режим! И попробуй его нарушить! Ты учишься третий год, неужели надо растолковывать эту азбуку? Вся жизнь наша подчинена порядку - и нельзя иначе.

- Во-первых, я не шлялся... Я был у своей девушки...

- У Инги?

- Откуда вы знаете?

- Мне ли не знать, кто с кем ходит!.. Общежитие - та же деревня: что с кем происходит на первом этаже, известно на пятом... Я много кое-чего знаю, должность моя обязывает вникать во все, что касается моих воспитанников...

- Наподобие надзирателя.

Сколько помнил Иван Дмитриевич, таким был Яцков всегда: колючим, недоверчивым, игнорирующим доводы здравого смысла. В училище он был одним: с классным руководителем, преподавателями предпочитал не вступать в конфликты, ибо успеваемость его зависела от них, даже участвовал как-то в художественной самодеятельности и был избран профоргом группы. В общежитии Яцков становился совсем другим, постоянно с ним приходилось воевать. В 57-й комнате вместе с Яцковым проживали еще два третьекурсника, Коваленко и Глазунов. Хорошая трехместная комната, в хороших руках она могла бы стать образцовой по чистоте, но ей явно не посчастливилось: хозяева ее отличались разболтанностью в поведении и нечистоплотностью в быту. Вечная паутина по углам, пыль и мусор под кроватями и в бельевом шкафу, спертый, прокуренный воздух. Двойки сыпались на них практически при каждой серьезной проверке, в ответ эти парни мстили воспитателю, видя в нем источник своих неудач. Мстили исподтишка, как и всякие вздорные, мелочные, с неустоявшейся моралью люди: скручивали в умывальнике краны, воровали в местах общего пользования лампочки, мелом чертили на стенах коридора ругательства, засоряли унитазы в туалете, переворачивали баки с мусором на кухне и тому подобное. Воспитатель знал, что и этот ночной рейд выйдет ему боком, хотя он не имел к нему никакого отношения. Обязательно ученикам в училище подкинут мысль, что рейд проведен по инициативе самого воспитателя. Может быть даже уже подкинули, потому так Яцков и держится вызывающе, считая воспитателя сексотом и стукачом.

- На следующий год ты заканчиваешь училище, будешь работать в школе учителем и поймешь меня.. Ты будешь сам требовать от учеников того, что я требую от вас. Более того, ты будешь воспитывать...

- Никого я не буду воспитывать, - сказал Яцков, - и учителем я не собираюсь становиться.

- Как так?

- А так... Я эту профессию терпеть не могу.

- Так зачем же ты поступал?

- Я и сам не знаю... Дурость одна. А теперь вот канителю.

- В таком случае ты просто бестолку тратишь время, Витя. Транжиришь годы, отпущенные тебе судьбой...

- Разберемся, - помолчав, сказал Яцков. - Мы с Ингой поженимся и уедем.

- Куда?

- В Латвию... Она оттуда.

- Ты еще и в армии не служил.

- Разве для того чтобы жениться нужно отслужить в армии?.. Мы уже с ней на эту тему говорили. Докончим год как-нибудь - и все.

- Она, кажется, тоже на третьем курсе?

Яцков кивнул головой, в настроении обоих произошел перелом, и они оба это почувствовали. Прошла минута или чуть больше молчания. Настороженность и недоверие Яцкова прошли.

- Вы меня выселите? - спросил он.

- Кто тебя поймал, тот пусть с тобой и разбирается.

Яцков ушел. Усталость и тоска охватили Ивана Дмитриевича. Он закрыл глаза и некоторое время сидел откинувшись на спинку стула и безвольно положив вытянутые руки на стол, совершенно ни о чем не думая.

Расслабление было полным и благотворным. Через несколько минут он потянулся, почти физически ощутив, как прояснилась голова и по клеточкам тела стала разливаться теплой волной бодрость и энергия.

Надо было продолжать жить и выполнять свои обязанности: контролировать отъезд учащихся домой, провести санитарную уборку этажа, назначить дежурных на воскресенье, проанализировать ЧП. Он вспомнил про клочок бумажки на полу, достал его, развернул. Вместо примитивных безграмотных ругательств и советов, начертанных нередко левой рукой, его глазам предстало нечто, заставившее вдруг забиться сердце:

3	6
P, A, H, Д, P, C, K, O, A	
6	3

Что такое? Неужели?.. Неужели это?.. Острая мысль вдруг пронзила его так неожиданно, что он буквально оцепенел, застыв на месте, не веря тому, что видит. Странное необъяснимое совпадение... Неужели это ответ призрака в форме *иерогаммы*, изолированных букв? Сгруппированные определенным образом, они

могут явить символ-иероглиф, ответ на заданный вопрос... Плотно прикрыв дверь, он сел за стол и впился взглядом в клочок бумажки, чувствуя, как кровь приливает к голове и начинает покалывать в глазных яблоках.

Спустя неделю в Москву было отправлено письмо следующего содержания:

«Per aspera ad astra!»

Дорогой Вадим!

Я сделал все, о чем ты меня просил. Расследование, кажется, близится к завершению. В то время как ты получишь мое письмо, я, вероятно, буду находиться в одном из крупнейших южных городов России. Именно сюда, по моим данным и как подсказывает мне Великая Интуиция, судьба-индейка унесла мальчика, сына Галины Помелухо. Остается теперь последнее: взять его. Однако на этом завершающем этапе я предчувствую некоторые затруднения. Поэтому, без всякого сомнения, мне может понадобиться твоя помощь, хотя бы юридическое обоснование предпринимаемой акции. Я могу рассчитывать только на тебя, Вадим. Когда все будет готово, вышлю телеграмму со своим подробнейшим адресом и жду тебя. Приезжай тогда немедленно... Дорогой друг, тебе, разумеется, интересно узнать о ходе моих изысканий, как они начинались, как продолжались. Расскажу при встрече, но в пределах, дозволенных Высшим Разумом, оккультизмом и Всевышним. Сейчас я могу сообщить лишь одно: это было не просто; факты и улики - термины материалистической юриспруденции и криминалистики - мне совершенно не понадобились, да и было бы странно, если бы я собирал их, соединяя и подгоняя, разъединяя и подтасовывая, как делают обыкновенно государственные следователи, втиснутые в рамки предоставленного им времени. Этот кропотливый труд изнурителен, а результаты его чаще всего вызывают досаду и внутреннюю опустошенность. Меня вели Великая Интуиция Высшего Разума, Ее Величество Психическая Логика и Божий Промысел...

Несколько слов о себе: я все тот же маленький и неприметный человек, каких, наверное, сотни и тысячи. Мне тридцать семь лет и меня до сих пор учат, как надо жить, как надо работать и каким путем я должен идти. Я по-прежнему стараюсь не высовываться и поменьше говорить, потому что моя разговорчивость учителям моим кажется подозрительной, они видят в ней ущемление своего авторитета. Я больше предпочитаю молчать, но и мое молчание

они воспринимают недоверчиво, ибо им кажется, что я что-то замышляю против них. Каждый мой шаг негласно контролируется, анализируется и берется на заметку. За два с половиной года работы я ни разу не услышал, чтобы кто-то из учителей мне сказал: «А вот здесь, Иван Дмитриевич, ты поступил правильно».

Что касается моей личной жизни - это разговор особый...

До свидания, дорогой Вадим! До скорой встречи!

Крепко жму руку.

Всегда твой САНТИЛЬЯНА.

24 ноября 1984 г.

ВНОМ

Слов о любви и дружбе

Слов о любви и дружбе

Слов о любви и дружбе

... Сильно похоронил в жизни...

ЧАСТЬ III

... что во внутреннем сердце подка...

*... Сняты покровы с жизни.
В резком свете мир прост!..*

Винокуров Е. «Простота»

*Все, что угодно,
может еще
судьба напорочить...*

Рождественский Р.
«Двести десять шагов»

Вадим Суходоев прилетел в Краснодар под вечер. В Москве шел снег и завывал ветер, здесь же было тепло, тихо и безоблачно. В лучах уходящего на закат южного солнца спокойно текла жизнь незнакомого ему города, улицы были заполнены народом, курсировали автобусы и троллейбусы и, совсем как в Москве, громыхали трамваи.

- Гостиница «Краснодар», - сказал Суходоев таксисту, мужчине лет сорока с кавказскими чертами лица, усаживаясь рядом с ним.

Вчера утром Вадим получил от своего друга телеграмму; понадобилось определенное время, чтобы убедить свое начальство в необходимости поездки и выбить командировку, уладить некоторые свои дела и собраться в дорогу. Хотя САНТИЛЬЯНА заранее посланным письмом и предупредил его о грядущих событиях, но Вадим не ожидал, что все произойдет так скоро. Возможно, поэтому сборы были быстрыми, спешными и беспорядочными. Все казалось странным и несчастливым. Вдруг закрутилось колесо, и он опрометью, словно автомат, кинулся исполнять каждое его движение. Еще вчера спокойно и размеренно текла его жизнь - сегодня все стало с ног на голову, и вот он уже за тысячу километров от Москвы, в городе, в котором никогда не был и где обязан выполнить миссию, самую фантастическую из всех, какие только можно представить.

- Приехали, - сказал водитель, притормаживая, и, с улыбкой взглянув на него, добавил: - Вон, видите, на той стороне серое здание?.. Туда.

Вадим кивнул головой, пересек улицу. Не прошло и десяти минут, как с его оформлением было покончено, чему он даже несколько удивился, зная по опыту, что с местами в гостинице в крупных городах туго.

- Номер 36-й, - улыбнулась ему черноокая молоденькая администраторша и добавила, подавая паспорт: - Хорошо, когда есть бронь, верно?

Вадим неторопливо сунул его во внутренний карман пиджака и протянул руку за ключом, но девушка сказала:

- Комната открыта... Это на втором этаже.
- Спасибо.
- САНТИЛЬЯНА лежал на кровати прямо в одежде, листая какой-то журнал. Друзья крепко обнялись, обрадованные встречей.
- Как добрался?
- Только самолетом можно долететь, - засмеялся Вадим.
- Молодец, что догадался. Время не терпит.
- Да я уж понимаю... И все же удивляюсь, просто не могу поверить: неужели *победа*.
- Победа будет тогда, когда мальчик будет вот здесь... Но мы уже рядом, а это - главное.
- А ты, дорогой САНТИЛЬЯНА, цветешь и пахнешь!..
- Спасибо за комплимент, адвокат!.. Южный воздух, климат, иные люди. Я чувствую: грядут великие события! Поговорим после, хорошо? Нам есть, о чем поговорить...
- Я приму душ, потом.
- Шагай, сними дорожную пыль...
- Спустя час два друга уже сидели в ресторане. Прошло три месяца, как они расстались, даже не предполагая, где и как встретятся вновь. Поистине неисповедимые пути жизни!..
- Мне кажется, - тихо говорил САНТИЛЬЯНА, будто я все время находился в какой-то бездонной черной яме. Господу было угодно, чтобы я оттуда выбрался... Такого чувства свободы, раскованности, собственной значимости я не испытывал давно.
- А-а, вот как ты заговорил!.. Этого и следовало ожидать: для мыслящего человека общезитие - дно человеческого существования. Все живое, творческое, устремляющее вперед, в конце концов, обречено там на прозябание. И это в лучшем случае!
- Я бы - честное слово! - не вернулся туда, но остались некоторые обязательства перед моими учениками. Их выполню и - прощай!..
- Все правильно. Наша официальная педагогика отупляет человека, и пик этого отупления - в общезитии. Система воспитательной работы, которая навязана с верхотуры, лишена здравого смысла.
- Подумай, мой друг: даже ежу понятно, что все твои потуги *воспитать* сотню четырнадцати - восемнадцатилетних подростков, закончивших сельские школы и уже *воспитанных* своим бытием, обречены на провал. А с тебя на полном серьезе спрашивают за обмылок, валяющийся на полу в умывальнике.
- Наш директор начинает обход этажа с туалета. И гордится этим. Кажется, я никогда не отмоюсь от всего, что мне наговорено...
- От туалетных претензий?.. САНТИЛЬЯНА, это вершина абсурда, администраторско-педагогического невежества и неграмотности. То, что директор проверяет туалет мальчиков, - это его дело; но то, что в увиденном он упрекает воспитателя, - это, извините, недалекость, кураж, недомыслие, издевательство и унижение

личности... Оставим это, не за столом! Лучше, дорогой, расскажи мне, как ты *вышел* на Краснодар?

Они выпили по рюмке и принялись за закуску. Мелодия популярной песни распространялась по залу, создавая ощущение неповторимости происходящего, теплоты, задушевности и уюта.

Земля в иллюминаторе,
 Земля в иллюминаторе,
 Земля в иллюминаторе видна...
 Как сын грустит о матери,
 Как сын грустит о матери,
 Грустим мы о земле - она одна.
 А звезды, тем не менее,
 А звезды, тем не менее
 Чуть ближе, но все так же холодны.
 И как в часы затмения,
 И как в часы затмения,
 Ждем света и земные видим сны...

- Я предполагал, что мальчика увезли на юг. И мои предположения подтвердились... О том, что мальчик находится именно здесь, мне сообщил Василий Помелуха, отец его, - сказал САНТИЛЬЯНА, разламывая вилкой котлету.

- Но, прости... Насколько я помню, мне говорили, что муж... этой женщины, отец мальчика, погиб в аварии, - с изумлением произнес адвокат.

- Совершенно верно... И тем не менее он мне соизволил дать такую информацию, - хладнокровно заметил собеседник.

- Но это же абсурд! - вскричал Вадим, во все глаза глядя на своего друга. - *реникса!*.. Это же просто... я не понимаю... невозможно!

- Мне была послана иерограмма. Обычный клочок бумажки, я ношу его постоянно с собой... Вот смотри!

Вадим принял бумажку с осторожностью, словно стакан, до краев наполненный водой.

- На первый взгляд, здесь бессистемный набор букв. Придя вечером с работы, я просидел почти до трех утра. Из этих букв составилось только одно членораздельное слово - *Краснодар*.

- Но эта записка... возможно, просто розыгрыш.

- Я проверял *маятником*. Истинность информации подтвердил и *великий Меркурий*... К тому же этот почерк - ни один мальчишка в общежитии не пишет таким почерком. А когда я показал иерограмму Гале, она сказала, что манера письма напоминает ей почерк мужа.

- Это просто... случайное совпадение.

- Нет, Вадим... Я ехал сюда в девятом вагоне.

- Ну и что?

- В слове Краснодар сколько букв? В иерограмме начертаны цифры. Сумма этих двух цифр дает в результате номер вагона и

количество букв в названии города. Тоже совпадение?.. А в каком гостиничном номере мы остановились? 36 - цифры из иерогаммы. Не слишком ли много совпадений, дорогой мой Вадим?

- Не понимаю, не понимаю... Не могу поверить.

- Какой-нибудь следователь из отдела на это сказал бы так: «Факты - упрямая вещь».

Вадим вернул листок, затем наполнил опять рюмки. Они выпили молча и также молча принялись закусывать - один, шокированный услышанным; другой, видимо, довольный произведенным впечатлением. Впрочем, выражение лица его несколько смягченное принятой дозой водки, оставалось спокойным, непоколебимо уверенным в себе. САТИЛЬЯНА никогда не старался производить впечатление, в его понимании это было мелко и безнравственно. Он откровенно поделился тем, что у него было, предоставляя слушателю, свосму другу, самому делать выводы.

- Признаюсь, с некоторым сомнением я сел в поезд, и это сомнение не покидало меня всю дорогу. Прежде всего, я уточнил, есть ли в Краснодаре улица Достоевского, и можешь представить мою радость, когда в горсправке на Кооперативном рынке мне сообщили, что улица с таким названием есть и даже не одна: проезд Достоевского первый, проезд Достоевского второй и даже третий. Уверенность моя в правильности избранного пути возросла, а диапазон моих поисков расширился... Краснодар - город большой, здесь впору растеряться.

Я решил начинать с детских садиков и посетил два. Один в районе Первомайского парка, другой - тоже поблизости от улицы Достоевского. Разумеется, нужного мальчика я там не нашел, однако Господь меня надуумил: пустое дело затеял я и рискованное. Во-первых, практически нет никакой гарантии, что украденного ребенка новая мама сдаст в детский садик. Она будет держать его при себе, пока он не перешагнет этот возраст - так безопаснее. А во-вторых, показывая его фотографию, я рисковал многим. Вдруг я наткнулся бы на людей, знающих и этого мальчика, и его новых родителей?.. Вдруг они решили бы предупредить их? Я не стал больше испытывать судьбу и, поразмыслив, пришел к решению: чтобы действовать наверняка, надо прочесать эту улицу от первого дома до последнего. Я вновь обратился к посланию Василия Помелуха, две ночи перед последним открытием я не спал. Понимаешь, не мог заснуть, чувствовал, что разгадка где-то рядом, в цифрах иерогаммы. В них номер дома!.. Но их надо сгруппировать, надо вычислить этот номер. И я вычислял: складывал, делил, вычитал, умножал. Ничего не получалось, пока... В общем, я остановился на нескольких вариантах и решил их проверить.

А на третью ночь мне приснился сон... Приснилось, будто я нахожусь в бане, маленьком таком полутемном помещении. И со мной какой-то мужчина, невысокого роста, широкое лицо. Мы

начали раздеваться, но не наголо. Я остался в трусах, майке, оставшаяся одежда лежала тут же, на скамейке. Я подумал, что она сейчас вымокнет и ее надо вынести отсюда, но в это время мужчина кинул на раскаленные камни большую шайку воды. Языки пламени, как живые, вырывались из печи, устремлялись ко мне, словно норовя обжечь. Я бросился к двери, выскочил наружу и очутился перед вешалкой, где висела чья-то одежда. Из-под незнакомого мне светлого плаща я достал форменный зеленый пиджак с погончиками, какой обычно носят студенты строительных отрядов, надел его. И вдруг я понял, что нахожусь в каком-то городе, как будто бы знакомом мне. По крайней мере, площадь, где я находился, весьма напоминала мне площадь г. Карачева, недалеко от Брянска, куда я ездил еще в студенческие годы к своим знакомым. Я шел по площади, снег поскрипывал под ногами. Как будто бы наступал вечер, желтоватый диск солнца уже прятался за деревьями ближайшего парка. Я обратил внимание на то, что сама площадь и соседствующие с ней улицы были заполнены народом, словно в праздничный день. И действительно это было гуляние: я видел катающихся на качелях взрослых, видел детей, играющих в снежки, будто бы слышались откуда-то песни, смех, доносилась музыка. Я подумал, что надо возвращаться домой, потому что время довольно позднее. И вдруг я увидел, что по небу несется фэзтон, в который был впряжен молодой рысак, гнедой масти. Он буквально летел вперед, развевалась грива. В фэзтоне я отчетливо увидел силуэт человека. Возница, управляющий рысаком, вполборота повернулся к человеку, который стал что-то ему говорить. Я закричал окружающим: «Смотрите, смотрите!..» Но странно: меня никто не слышал, более того, люди не видели того, что видел я.

Фэзтон сделал полный круг по небу, затем второй и остановился (я почувствовал) где-то у меня за спиной. С него сошел молодой человек с крупным продолговатым гладко выбритым лицом в черном одеянии и направился ко мне. Перед собой он держал что-то ослепительно блестящее, мне показалось, что это палец. Он подошел ко мне почти вплотную, ткнул этим блестящим мне в грудь и сказал... цифру. Двузначное число!.. В следующую секунду он стал уходить в сторону и... я проснулся! Но это число зашло в мой мозг. Я проснулся, повторил его вслух...

Склонившись над столом, Вадим остановившимся взглядом смотрел на своего друга. То, что рассказывал САНТИЛЬЯНА, напоминало ему сказку, фантастическую и нереальную, каким и может быть сновидение. Однако он осознавал, что именно набор подобных сказок, вопреки здравому смыслу, заставил его бросить работу и сломать голову прилететь сюда. Кажется, проще было бы расхохотаться прямо в лицо своему товарищу, покрутить пальцем возле виска, вспомнить курс истмата и диамата, напоследок извиниться, тысячу раз извиниться и попросить друга, чтобы он не

обижался на его стойкий *материализм и атеизм*... Но вместо здравого мышления он сидел, не шевелясь, слушал, едва не раскрыв рот, как младенец, веря в истинность рассказываемого, не веря и, в конце концов, веря до последней запятой.

- И какой же это число? - произнес адвокат, прервав молчание, и голос его снизошел до шепота.

- В моих вариантах этого числа не было, однако оно тоже основано на цифрах иерограммы... Вадим, небесный посланник сказал мне номер дома по улице Достоевского.

- Какой номер дома? - едва не вскричал Суходоев.

- Извини... Внутренний голос мне подсказывает, что это число нельзя произносить вслух. Пока нельзя. Его знаю один я.

- Но ты нашел его?

- Мальчугана? Да... Для того чтобы, не вызывая подозрений, прочесать эту улицу, а вместе с нею и жильцов, надо было придумать причину. На это труда не потребовалось. Ты сам знаешь, что в студенческие годы я посещал театральную студию профессора Бориса Степановича Найденова, так что перевоплощение для меня - своего рода хобби. Я выдал себя за работника горэлектронадзора, тем более что эта улица - частный сектор... Перед тем как отправиться на операцию, я в сорокнадесятый раз пересмотрел и перепроверил все свои данные. Нет, все шло хорошо, ошибка исключалась. И тем не менее, Вадим, если бы ты вошел в мое состояние!... Сердце выскакивало из груди, дрожали руки и ноги. Три раза я прочитал заклинание, прежде чем дошел до остановки трамвая. Это был субботний день, народу тьма, я сел на забитую до отказа «двойку» и за полчаса, пока я доехал до необходимой остановки, я мысленно прочитал еще несколько молитв и заклинаний. Зато, когда подошел к первому дому, я был совершенно спокоен, как луна на небосклоне.

- Но почему ты не пошел сразу в тот дом?

- Интуиция мне говорила: «Не спеши!» К тому же мне представилась блестящая возможность войти в роль... Поражало то, что мне верили, вполне искренне считая ответственным лицом... И вот, наконец, я позвонил в калитку. Раздался лай собачонки... Краснодар буквально наводнен собаками, кажется, Маяковский называл этот город «собачкиной столицей»... Мне открыла женщина. Лет тридцати, в цветистом таком, желто-синем халате с длинными рукавами, русые волосы зачесаны на пробор, лицо в веснушках, глаза не то что узковатые, но... Чертами лица она мне напоминала артистку Васильеву. Природа иной раз лепит людей, не думая об их предназначении. «Здравствуйте, - говорю. - Я из электронадзора... Разрешите проверить и записать показания электросчетчика и осмотреть электропроводку». Собачонка, такая дворняжка, продолжала лаять и крутиться возле ног. «Она не кусается, - сказала женщина и пригласила меня в дом. Через прихожую мы прошли в кухню, где под самым потолком висел счетчик. Я поп-

росил показать книжку расчета за электроэнергию, и вот тут Вадим, на кухне показался мальчик... Я даже не ожидал, что вот так вот, сразу. Я узнал бы его из тысячи, я видел его во сне, в джинсовых штанишках и желтенькой кофточке... Он был в этой одежде, Вадим!.. Я видел и эту собачонку, белую с коричневыми пятнами. Только у той, которая мне приснилась, были длинные уши, а у этой короче. Ты понимаешь?.. Когда я его увидел, у меня словно что-то зазвенело в голове и в ушах. Звон, словно удары колокола. Часто-часто... дзынь-дзынь-дззынь!.. «Это ваш сынок?» - спросил я у подошедшей хозяйки. «Алеша, не мешай дяде, ступай в комнату», - сказала она малышу. Надо было как-то разговорить ее. «Похож на моего, - продолжил я как можно более непринужденно, - только моему скоро шесть, а ваш как будто поменьше...» «А моему скоро пять», - засмеялась она. Я записал все данные счетчика. Когда уходил, заглянул в комнату, мальчик возился с игрушками на полу...

Потом я посетил еще два дома на всякий случай, чтобы отвести возникшие вдруг подозрения... Но вряд ли она что заподозрила.

- Она была без... мужа? - спросил потрясенный Вадим.

- Мужа я не видел. Но, разумеется, она не одна.

- Фамилия, имя?

- Я записал... впрочем, я записывал всех, у кого побывал... Шохина Тамара Диомидовна.

Над столиками густо расплывался синий дымок. Очень юная девушка на импровизированной сцене пела что-то задушевное, французское, явно из репертуара Миррей Матье. На ней были красные брюки гольф с манжетиком под коленом, белая шелковая блузка с большим воланом у ворота и пышными рукавами; светлые волосы, подхваченные заколками, обрамляли личико с большими, чуть подведенными карими глазами и пухлыми непосредственными губками, зовущими к любви. Голос юной певицы и музыка оркестрантов увлекли танцевать всех присутствующих, но два друга оставались на месте, никого и ничего не видя.

- И что же теперь? - произнес адвокат. - Когда ты думаешь забирать ребенка?..

- Не так все просто, дорогой... Хотя обстановка сейчас благоприятствует, и луна достигла полной фазы. В таком положении она продержится еще несколько дней, затем пойдет на убыль. Это плохо... могут произойти непредвиденные и весьма неприятные вещи. А в древнем тексте написано: «Молитесь луне, когда она круглая, тогда все будет тебе в изобилии...» Должна приехать мать.

- Ты вызвал телеграммой и ее?!

- Обязательно... Мы вручим ребенка ей в руки, и это произойдет быстрее, чем ты думаешь.

Последний их разговор состоялся дней десять назад, перед самым его отъездом. Часа в четыре дня он подошел к большому дому на Садовой улице. Здесь на втором этаже жила Галя Помелухо. О встрече договора не было, однако он несколько не сомневался, что она дома. Эта уверенность, граничащая с фанатической убежденностью, стала чертой его природы и практически никогда не подводила. Если он намеревался кого-то встретить или найти, то обязательно встречал или находил именно там и в то время, какое задумывал. Вот и сейчас он, не раздумывая, словно манекен, вошел в подъезд, поднялся по лестнице и нажал кнопку звонка у двери с номером 18.

За дверью раздалось некое движение, потом женский голос спросил:

- Кто?

- Это я, Галя.

- Кто - я?

- Я, Галя, - повторил он с интонацией, устраняющей всякое сомнение с той стороны.

И действительно в замке повернулся ключ, затем еще что-то звякнуло, дверь открылась, и он увидел девушку, чуть отступившую в сторону.

- Добрый день.

- Извините... я не ожидала, что вы...

- Ничего, ничего... Чем объяснить такую предосторожность? Или к тебе кто-нибудь имеет привычку ломиться?

- Да нет, просто я... растерялась.

- Пустое, Галя. Я не тот человек, которого следует теряться, бояться... Я глубоко мирный и очень покладистый, - пошутил он с улыбкой. - Пора бы тебе это заметить... А хорошая у тебя жилплощадь, - продолжал он, бросая взгляды по сторонам. - И вид из окна хороший: небо, здания, деревья. Все - путем!.. Много воздуха, простора, света...

САНТИЛЬЯНА сел на диван.

- Садись вот сюда, - указал он на место рядом, - надо поговорить, детально обсудить одну вещь...

Девушка, покраснев, присела на краешек дивана, смущенно поправляя юбку на коленях. Этот человек, странный и непостижимый, сам, видимо, того не ведая, буквально гипнотизировал ее каждым своим словом, каждым движением. Эта власть была поистине всеобъемлющей, и не было сил ей сопротивляться.

Она не пугала ее, эта зависимость, наоборот, она вливала в нее спокойствие, уверенность в своих силах и возможностях, в том, что все, в конце концов, будет хорошо. Он взял ее руку в свою, и это

прикосновение, неожиданное проявление чувств, бросило ее в жар. Она даже не допускала мысли, что может нравиться этому человеку. Простой человеческий жест, понятный и легко объясняемый в обиходе, показался ей неестественным для этого человека-каменья и вызвал замешательство. Потупившись, она сидела не смея дышать, чувствуя, как толчками отдает ее сердце; он сжимал ладонь, поглаживая мягкие пальчики.

- Внимательно послушай, Галя, что я тебе буду говорить. В начале нашего расследования я уже упоминал, что твой Алеша находится за пределами нашей области, на юге или юго-западе России. Мы оказались правы... Твой сын сейчас в Краснодаре. Это точно и не может быть никаких сомнений.

При сих словах девушка вся всколыхнулась, ее черные глаза устремились на него с такой доверчивостью и благодарностью, что, кажется, исходящим теплом растопилась бы ледяная глыба.

- Спокойнее, спокойнее... Мы на правильном пути, но это еще не значит, что он приведет нас к цели. Мы не должны себя успокаивать; мы должны быть готовы ко всякого рода неожиданностям, а они вполне возможны, вполне. Я вчера взял отпуск за свой счет на две недели. Разумеется, меня не пускали... Но думаю, что в две недели вряд ли мы управимся. Как бы там ни было, я буду сидеть в Краснодаре до тех пор, пока не выясним все, касающееся Алеши.

- Тебе нужны деньги?

- Деньги нужны не мне, а тебе, Галя... Билет на Краснодар у меня уже в руках. Я уезжаю завтра. Ты оставайся дома до тех пор, пока я не позову тебя. Я вышлю телеграмму; как получишь ее, сразу же выезжай.

- Но - куда?

- Я пока сам не знаю. Но ты жди... Никакой инициативы со своей стороны. И никому ни звука!.. Телеграмму я направлю сюда, на этот адрес.

- А маме?.. Сестре?

- Никому ни звука!.. Когда, если Бог даст, будешь уезжать, придумай что-нибудь. Но о цели - ни слова.

Эти слова, произнесенные вполголоса и напористо, словно заклинание, были восприняты ею, как некий магический целебный бальзам, пробудивший к жизни обескровленные иссохшие члены. Словно наконец-то раскрылась мифическая книга счастья, осталось ровно ничего: найти нужную страницу - и ты в обставанном мире!.. Она сжала его руки, подалась вперед - и он ощутил на своей щеке лихорадочный горячий поцелуй.

- Спокойнее, - проговорил САНТИЛЬЯНА, осторожно отстранив девушку. - Спокойнее, Галя... Радоваться пока нечему. Впереди еще туманно и сыро.

Он поднялся, отошел к окну и остановился спиной к ней.

- Отсюда великолепный вид и будем надеяться, что ты увидишь еще своего мальчика из этого окна...

Неожиданно раздался звонок в дверь.

- Это, наверное, сестра!

Галя ушла в прихожую, откуда затем последовало молчание, затем неопределенный возглас и тихий, отчаянный голос девушки

- Зачем?.. Уходи отсюда. Зачем ты пришел?

- Но-но-но! Со мной такие фокусы не пройдут... П-пусти-и, будешь еще здесь выпендриваться!..

В комнату прошел здоровенный белобрысый парень в кожаной куртке нараспашку и в джинсах, подвернутых у ботинок. Он был без головного убора, длинные патлатые волосы торчали во все стороны; красное обветренное лицо с широким гладким нависшим лбом, маленькими близко посаженными глазками светло-голубого цвета и крупным широким носом являло собой лик человека, решительного, нахального, не терпящего возражений.

- А-а-а, вот кого ты прячешь, сучка! - осклабился он, встав посреди комнаты вполоборота, засунув большие пальцы согнутых в локтях рук за пояс брюк на животе. - Я знал, что ты стерва, но такого нахальства даже не предполагал. Притащить прямо к себе в хату, а? Каково это?..

САНТИЛЬЯНА, повернувшись, холодно смотрел на пришедшего, не двигаясь и скрестив руки на груди.

- Кстати, это не тот кобель, у которого ты ночами пропадаешь? - продолжал громким хриплым басом парень, оглядываясь на Галю и тряся головой. - Я же предупреждал тебя, что прирежу эту паршивую собаку, если она мне попадется... А еще иду и как чувствую: сейчас что-то будет! Так и есть!

- Федя, перестань... Перестань, не трогай его, Федя... Я прошу тебя, - в полнейшей растерянности лепетала девушка. Лицо ее покрылось бледными пятнами, тело вздрагивало; тонкими руками она пыталась удержать его за плечо. Резким движением парень оттолкнул ее от себя и очутился перед САНТИЛЬЯНОЙ.

- Ты, фраер недоношенный... Ты здесь что?

Прошла весьма ощутимая пауза, в течение которой оба стояли вплотную друг к другу: один, нависнув вперед и сверля взглядом, другой - по-прежнему скрестив руки и отвечая холодными, бесстрастными глазами.

Но вот другой сделал шаг в сторону, обходя Федора, как придорожный столб, приблизился к столу и пододвинул к себе стул.

- Ты хочешь поговорить? Садись...

Происходило что-то непонятное. Галя видела, как Федор, словно загипнотизированный, шагнул к столу и плюхнулся на стул напротив гостя. Глаза его были широко раскрыты, он пытался заговорить, но вдруг закашлялся, и кашель этот громкий, надтрес-

нутый, будто исходящий изнутри, продолжался минуты две без перерыва. Тело его изгибалось, грудь и плечи сотрясались от перекатов.

- Дай ему водички, Галя, - сказал гость, повернув к ней бесстрастное лицо с блеснувшим взглядом.

- Вот видишь, что бывает, когда торопишься, - проговорил он спустя минуту, наблюдая, как Федор опустошает стакан. - Успокойся и охолонь.

- Гадство... Никогда такого со мной не было, - сказал Федор, тяжело дыша и вытирая ладонью застывшие губы. - Но ты, падла, не надейся...

В следующую секунду голос его вновь пресекся и безудержный кашель согнул его едва ли не пополам. Галя вновь побежала со стаканом на кухню. САНТИЛЬЯНА со странной усмешкой смотрел на своего противника.

- Тебе лечиться, парень, надо, а не размахивать руками. Пришел, распоясался, но ведь это, кажется, не твой дом, верно?.. И что это за оскорбления в адрес человека, к которому пришел? Имеешь право? Она - твоя жена? Насколько мне известно, муж у нее погиб. Ей и так не сладко, а ты еще добавляешь горечи... Кто это такой, Галя, и что ему от тебя надо?

Федор рукавом куртки вытирал слезы на глазах, к горлу, подступил какой-то острый ком, он никак не мог откашляться. К тому же он почувствовал вдруг слабость, разлившуюся по рукам, ногам, всему телу, даже как будто закружилась голова. Небольшими глотками он отпил из стакана, подставленного Галей, воды и посмотрел на человека, сидящего напротив. Он его не знал, более того, был уверен, что никогда его в городе не встречал.

- Это Федор, он ... знакомый, - говорила Галя, понемногу справляясь с охватившей ее растерянностью. - Знакомый нашей семьи... Помогает нам, если что...

- Помощник, значит... Ну-ну.

- Ты не подумай ничего... Он безбидный, он считает меня... как бы своей, невестой... И разолился.

- Ты действительно его невеста?

- Нет, что ты!.. Просто... он так думает.

- Ты бы убедила его в тщетности намерений.

Федор сидел, словно в какой-то прострации. Он слышал их разговор, но не понимал смысла слов. Наконец наступило некоторое прояснение, слабость стала отступать. Он закрутил головой и повел плечами, испытывая неловкость за случившееся с ним.

- Что такое?.. И не болел же ведь никогда. Перед глазами какая-то... разноцветная морошка. И в голове «бу-бу-бу».

- Пить надо меньше, дорогой. Тем более если идешь к девушке.

- Я просто так... Навестить.

- Ну, вот и навестил.

Скользкий тип!.. Федор чувствовал непонятную внутреннюю зависимость от этого человека, ускользала логичность мысли, губы двигались как бы сами собой, выбрасывая слова помимо воли.

- А ты, если по правде, зачем пришел?.. Я тебя раньше нигде не встречал.

- Оно и понятно. Я работаю ночами.

- Ты городской или как?

- Или как... Успокойся, смертный, и не требуй правды той, что не нужна тебе... * Проводи его, Галя. Он уже уходит.

И Федор, почти не отдавая себе отчета, в самом деле поднялся и, шатаясь, словно пьяный, неловко пошел к выходу, сказав уже на лестничной площадке изумленной Гале:

- Пока.

В недоумении она вернулась в комнату, где, чуть ссутулившись, сидел на прежнем месте ее спаситель.

- Я не понимаю, что с ним стало... Он же здоров, как бык. Пыст, как лошадь, и - ничего. А тут, что с ним случилось, Ваня?

- Меньше пить надо... Галочка, есть хорошая поговорка: капля долбит камень не силой, а частым падением.

Через двадцать минут он ушел, оставив ее в некотором смятении: происшедшее не поддавалось здравому анализу.

- Вселенная - это живое существо, состоящее из трех начал: Природы, Человека и Божества. Материалисты только запутали существо вопроса. Отрицая Бога и Высший Разум, они льют воду на мельницу Дьявола и таким образом способствуют вырождению человечества. Человек - это микрокосмос, то есть маленький мир, в нем действуют такие же законы, какие управляют Вселенной; по этим законам он живет и развивается. Господь наш всемогущий управляет всем миром и проявляется во Вселенной, между прочим, деятельностью Провидения, которое освещает пути человеческие и не препятствует проявлению Природы и самого человека...

Была глубокая ночь. Два друга при потушенном свете, лежа в своих кроватях, тихо вели беседу о бытии и смысле всего сущего. Вадим слушал откровения САНТИЛЬЯНЫ, представляющиеся, по его мнению, неким мистическим сумбуром.

- Люди недопонимают самых простых вещей, ибо материализм отучил их мыслить. Какая-то всеобъемлющая тупость, как хмара, опускается над нашими головами. Эта болезнь скудоумия - тоже

* Строка из стихотворения Сергея Есенина «Жизнь - обман с чарующей тоскою...»

порождение Дьявола. Да и что можно ждать от страны, которую лишили Бога?..

- Но если, как ты говоришь, Бог всемогущий, то как он мог позволить вытеснить себя из людских сердец?..

- Э-э, дорогой мой, это же не во всем мире, а только здесь, на одной шестой части суши... Тут как на весах: добро - зло, Бог - Дьявол... Что перевесит? Пока у нас побеждает Дьявол...

- Выходит, все дело в случае?

- Случайностей на свете нет, Вадим. Нашим рождением управляет Природа, она дает нам отца и мать, братьев и сестер, место на земле, даже общественное положение. Все предопределено.

- Значит, я не случайно стал адвокатом? Так было предопределено свыше?

- Именно так. Ты шел по тропе, указанной в книге твоей судьбы.

- И то, что мы находимся здесь, - тоже не случайно?

- Воля Господа, дорогой мой друг. Он нам - и мне, и тебе - указал путь и по этому пути привел сюда, в этот город, эту гостиницу и даже этот номер.

- Так что же получается: я манекен? Меня можно туда привести, сюда привести, как чемодан?.. К тому же будем точны: ты прислал мне телеграмму. Если бы я не захотел или если бы мы не были друзьями, никакой бы Бог, САНТИЛЬЯНА, не направил бы меня сюда.

- Человек как творение Творца имеет разум и волю, благодаря которым он действует; именно они определяют его поведение на жизненном поприще, различать добро и зло. Ты мог бы сделать так, как говоришь, если бы вся предшествующая жизнь не научила бы тебя состраданию, не была бы предопределена свыше... Я скажу тебе даже больше, Вадим. С первой минуты появления на свет ты уже защищен: Господь дает тебе своего Ангела. Ангел-Хранитель есть у каждого, он не покидает человека ни на минуту и находится за правым плечом. Если с тобой случается что-то страшное или чего-то ты опасешься (например, ночью, когда ты возвращаешься домой, навстречу идут несколько хулиганов, тебе становится страшно), обратись мысленно к своему Ангелу-Хранителю, попроси у него защиты - ничего с тобой не случится, твой хранитель придет на помощь.

- Но ведь десятки, сотни людей гибнут и в уличных драках, при автомобильных авариях, железнодорожных катастрофах. при стихийных бедствиях. Где же находятся их Ангелы-Хранители?

- Оттого и гибнут, что люди дальше собственного носа ничего не видят и не хотят видеть... Веры нет, страна сплошного безверия. Вот тебе притча. Во время своих странствий к Иисусу Христу подошла одна женщина и попросила исцелить свою дочь. Он не отсал ни слова. Она продолжала просить и умолять о помощи. И тогда Он сказал: «Не хорошо взять хлеб у детей и бросать псам».

Женщина же возразила: «Так, Господи, но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их». И тогда Иисус сказал: «О, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему». И исцелилась ее дочь в тот же час. Вот так: велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему...

- Ты как проповедник, САНТИЛЬЯНА, честное слово!

- Я не проповедник... Просто я, в отличие от других, знаю, чего хочу и у меня, опять же в отличие от других, есть цель и вера. Вера в Господа нашего не дает мне пропасть, я это чувствую, она держит меня в рамках, но границы этих рамок, я бы сказал, безграничны, неисповедимы. Они меня нисколько не сковывают, наоборот, я чувствую себя свободным, более того, могущественным. Я смотрю на людей мне порой становится их жалко. Всех, даже своих противников. Мне достаточно одного взгляда, чтобы понять, о чем человек думает и что он хочет сказать... Помню: умер Леонид Ильич Брежнев. Спустя неделю после траурной недели приходит в общежитие педучилища парторг, поднимается на третий этаж. А у нас стенд, посвященный жизни и деятельности Леонида Ильича. «Малая земля», «Возрождение», «Целина» - все как надо. Посмотрел и говорит: «Это - убрать!» Я даже не ожидал... Только постановление вышло о переименовании Набережных Челнов в город Брежнев, а тут - на тебе!.. Говорю: «Как же так? Верный ленинец... Восемнадцать лет». А он мне: «Был верным. А теперь поступило указание» - и улыбается... Понимаешь? Смотрю на него: бедняга, несчастный человек! Сколько лет лицемерить, говорить не то, что думаешь, скрывать нутро!.. И так всю жизнь - по указанию. Поступит указание Гитлера считать верным ленинцем - и будет считать!.. Ну, а как же быть с Андроповым, спрашиваю, готовить материал для стенда или нет? Готовь, отвечает. Только приготовим, говорю, а вдруг опять скажут, что он не верный ленинец?.. А ты об этом не думай, делай то, что с тебя требуют... Вот так. Говорим одно, думаем другое, делаем третье... Этот человек - отличник народного просвещения вдобавок, учит всех, как надо жить, и указывает путь, куда надо идти. Это о таких Иисус говорил, что по наружности они кажутся праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония... Слава Богу! Я свободен от этой суеты, мне нечего терять, я всегда говорю правду, только правду и ничего кроме правды.

- Нельзя так судить о людях, САНТИЛЬЯНА, - тихо сказал Вадим. - Не все такие... К тому же я знаю парторга педучилища. Нормальный человек, по характеру спокойный и рассудительный. Я знаю его, потому что он близко знаком с моими родными. По существу, их коллега.

- Я не сужу, просто констатирую. Я знаю он не злой, мягок и добр, на ученика не повысит голоса... Но речь идет о другом. Он - не свободен, он вынужден, вопреки своей натуре, всю жизнь

подстраиваться по руководящую догму, соглашаться там, где не согласен, улыбаться там, где хочется плакать. В этом, Вадим, суть лицемерия. «Как бы чего не вышло» - формула чеховского Беликова; он и такие, как он, живут по ней.

- Не могу согласиться с тобой, друг мой. Не все такие... Я - и ты это знаешь - тоже партийный. Но я не считаю себя догматиком. Ко мне как адвокату обращаются люди со многими вопросами, и я абсолютно каждому посетителю стараюсь оказать квалифицированную юридическую помощь, помогаю восстановить справедливость там, где это необходимо. Я работаю совершенно бесплатно, ни копейки не беру за ту или иную консультацию. Мне приходится иной раз наступать буквально на горло некоторым зарвавшимся чиновникам-партийцам. Для меня главное - закон, перед которым все равны: и бабка-колхозница, и директор завода, и министр... Да вот последнее дело. Приходит ко мне женщина лет сорока, работница одной из швейных фабрик. Работала мотористкой, администрация фабрики предложила ей перейти на другую работу, она отказалась. Тогда ее уволили. Возникает вопрос: по закону ли это? Ведь в данном случае грубо нарушено трудовое законодательство. Перевод рабочих и служащих на другую работу допускается только с их согласия. Я объяснил ей это, она ушла. А потом думаю: вот придет она на фабрику, издерганная, вся на нервах женщина. Ей уже раз наплевали в душу незаконным увольнением, наплюют и второй раз тем, что даже слушать не будут. Или пойдет она по судам искать управу на начальников... Короче говоря, не откладывая дела в долгий ящик, взялся я за телефонную книжку, нашел председателя профкома фабрики и говорю: «Что же вы делаете, дорогие товарищи? Можно ли так издеваться над человеком? Где же закон, в конце-то концов, который вы призваны соблюдать?» В тот же день ее восстановили на прежней работе...

- Ты - совсем другое дело, Вадим. Ты честен и справедлив, умеешь выслушать человека и понять его, но стоял ли ты хоть раз перед выбором: или - или?

- А то что я сейчас здесь с тобой - это разве не выбор?.. Моя партийная принадлежность совершенно не значит, что у меня нет своей головы. Если я с чем-то не согласен, я говорю об этом прямо... Я нахожусь на своем месте и стараюсь помочь обиженному теми средствами, которые у меня есть.

О своем приезде Галя Помелуха уведомила телеграммой, которую она отправила при пересадке в Гомеле. В субботу утром два друга троллейбусом прикатили на железнодорожный вокзал.

Погода стояла пасмурная. Вчера еще было тепло, пригревало

почти по-летнему солнышко; сегодня же продувал промозглый сырой ветерок, небо сплошь закрылось серыми облаками и мокрые липкие снежинки слетались на спины и плечи прохожих, оседали на ветвях деревьев и кустов, неровно покрывали белым ковром землю.

Они увидели Галю сразу, лишь только она сошла на перрон. В стройной и смуглой девушке с аккуратно уложенными на голове волосами, в модных джинсах и расстегнутом светлом плаще, из-под которого была видна белая вязаная кофта, с повязанным на шею мохеровым шарфиком фиолетового цвета. Вадим Суходоев не сразу узнал сестру Маргариты, которую ему довелось видеть когда-то: пьяную, растрепанную, с красным, словно обветренным лицом и потухшими, подернутыми мутной паволокой глазами. Он увидел совершенно другую девушку и не смог сдержать восхищения:

- Вот тебе, друг, готовая невеста!

В свою очередь Галя, увидев двух молодых людей, спешивших ей навстречу, смутилась и явно застеснялась, не зная, как себя вести и что говорить. Иван Дмитриевич, как будто бы пропустивший слова Вадима мимо ушей, взял у нее довольно тяжеловатую сумку.

- Как доехали? - с улыбкой осведомился адвокат и всжливо придержал девушку за локоть.

- Спасибо... Хорошо, - все более теряясь под его пристальным взглядом, ответила Галя.

Кажется, от этой встречи она ожидала чего-то большего, и эти ожидания не оправдались: плечи ее поникли, на глаза набежала тень.

- Мы ждали вас, - продолжал Вадим, словно поняв ее состояние. - Не волнуйтесь: все идет о'кей.

Она не сразу догадалась, что это случайный знакомый ее сестры Маргариты. Если бы не их знакомство, не было бы никакой записки, указавшей ей путь к САНТИЛЬЯНЕ, к которому она стала испытывать чувство безграничного доверия и трепета. Если бы не их знакомство, кто знает, как в дальнейшем сложилась бы их жизнь; наверное, заглохла бы в трясине отчаяния и безнадёги, утонула бы в водке, истаяла бы, как нераскаившаяся душа от неизлечимой болезни. Если бы не их знакомство - не было бы *Краснодара*.

Вадим Суходоев не писал ее сестре писем и вообще не давал о себе вестей, будто забыл об их существовании. Теперь она видела, что это не так. Она не знала, что Вадим нередко вспоминал о своем ночном приключении, вспоминал Маргариту, испытывая, с одной стороны, жалость к этой хрупкой девушке, противостоящей грязному водовороту закрутившей ее жизни, с другой - осознавая свое бессилие исправить хотя бы что-либо в ее судьбе.

- Ты посмотри, какая девушка! - продолжал восхищаться Вадим уже в гостинице, когда они, устроив Галю, остались одни в номере.

- Прошло всего лишь несколько месяцев - и так измениться!.. Это только благодаря тебе.

- Почему именно мне? - возразил Иван Дмитриевич. - Я встречался с ней очень мало и только ночью... Единственно чего я от нее потребовал - абсолютной трезвости. В интересах дела. Ибо алкоголь мешал мне сосредоточиться.

- Вот в этом-то вся и соль, - сказал Вадим. - Если бы не ты, она превратилась бы в заурядную выпивоху, каких полно... Ты перевоспитал человека, дорогой мой!

- Если и есть моя заслуга, то она не так велика, как ты думаешь. Просто у Галя есть сила воли. К тому же она стояла перед дилеммой: или продолжать пить - и тогда прощай ребенок, или взять себя в руки - тогда появится надежда. Она выбрала второе, отсюда и результат.

- Тем не менее, ты помог ей выбрать, а это уже немало...

В дверь постучали, и в комнату вошла Галя.

- Устроилась? - спросил Иван Дмитриевич.

Она молча кивнула, посмотрев на обоих друзей робко, нерешительно. С того дня, как уехал ее детектив, она буквально не находила себе места. Время тянулось так долго, что, казалось, остановилось. Она не могла заснуть ночью то теряя надежду, то вновь ее обретая; днем она боялась уходить из квартиры: вдруг принесут телеграмму, а ее не будет... Телеграмма может попасть в другие руки, может затеряться где-нибудь в почтовом отделе, почтальонка вдруг перепутает адрес. Самые фантастические мысли лезли ей в голову, повергая то в отчаяние, то в состояние, близкое к шоку.

Дома все оставалось по-прежнему. После отъезда Вадима Рита о нем не упоминала. По-прежнему она вела свой образ жизни, пропадая вечерами и возвращаясь под утро в изрядном подпитии. Лишь однажды она спросила у Гали взялся ли Вадимов друг за розыск Алеши. Галя ответила отрицательно, чем очень огорчила ее: все же была какая-то надежда, теперь же улетучилась и она. Продолжались и чуть ли не каждодневные застолья, однако Галя стала избегать их, а если не получалось, то старалась не пить, отговариваясь разными якобы недомоганиями. Как-то при одной встрече САНТИЛЬЯНА доходчиво и неназойливо рассказал ей о том вреде, который приносит пьянство человеку и душе человека. Никому так не радуется дьявол, как пьяному человеку. Ибо через пьянство он уводит человека с пути истинного. С медицинской точки зрения, алкоголь вредит всем органам человека. Его действие на организм продолжается 24 часа, а в некоторых случаях и дольше. У того, кто ежедневно пьет спиртное, организм постоянно пребывает в состоянии алкогольного отравления, слабеет разум и воля, теряется способность управлять собой. Именно пьянство христианство

считает большим пороком, причиной почти всех зол и человеческих грехов.

САНТИЛЬЯНА рассказал ей об одном подвижнике, которого сильно искушал дьявол совершить какой-либо грех. Но подвижник чтит Бога и не поддавался искушению. Тогда дьявол явился к нему открыто и сказал: «Если хочешь, чтобы я тебя более не смущал и оставил в покое, сделай один грех из следующих трех: или убей человека, или сотвори блуд, или напейся допьяна». Сказав это, дьявол исчез. А подвижник, поразмыслив, решил из трех грехов выбрать самый, по его мнению, безобидный: напиться допьяна. Тут, кажется, нет ничего страшного и греховного: напьюсь, просплюсь - и больше ничего. Так и сделал, пошел в город, зашел в корчму, взял вина и напился до опьянения. Случилось так, что в этой корчме находилась одна красавица. Разгоряченный вином подвижник стал приставать к ней. Но в это время явился муж этой женщины, завязалась драка, и пустынный убил своего соперника. Вот так дьявол с помощью вина и сгубил душу человека. Рассказ произвел на нее сильнейшее впечатление, тем более что, по словам Ивана Дмитриевича, выходило, что каждая принятая ею рюмка отдаляет ее от своего Алеши. Долгожданная телеграмма представилась ей наградой, упавшей с неба, не только за страдания, но и, вероятно, за упорство в воздержании. Она вчитывалась в скупые слова послания, вдруг уверив себя, что увидит своего сыночка уже на вокзале. Разве не говорила об этом телеграмма? Ведь если бы Алеша не отыскался, зачем понадобился бы ее приезд?.. На краснодарском перроне она едва не упала от охватившего ее отчаяния: Алеши рядом с встречавшими не было. В троллейбусе, не в силах оставаться больше в тисках неизвестности, она спросила о своем мальчике.

- Все нормально, Галя, - немного успокоил ее детектив. - Потерпи чуть-чуть.

Теперь вот в 36-й комнате все должно было проясниться.

- Как поживает ваша сестренка? - обратился к ней Вадим.

- Спасибо, ничего... Жива, здорова.

- А мама?

- Тоже хорошо, - ответила она, смутившись, ибо все оставалось по-старому, а Маргарита по-прежнему предпочитала скрываться из дома.

- Я не писал писем, - сказал Вадим, - потому что просто не люблю писать. Мы и с другом обмениваемся письмами просто так, от случая к случаю...

- Давайте обговорим некоторые вещи, чтобы расставить все точки над i, - сказал Иван Дмитриевич. - Галочка, тебя разумеется, интересуется, как я понимаю, только одно - Алеша.

Девушка устремила на него свои черные, влажно поблескивающие глаза.

- Но прежде хочется уточнить вот что: тебе о чем-нибудь говорит такое имя - Шохина Тамара Диомидовна?

- Н-нет, - не сразу произнесла Галя и отрицательно закачала головой. - Я не знаю женщины с такой фамилией.

- Не торопись, подумай.

- Не знаю, - повторила вновь она.

- Скорее всего, - сказал Вадим, - это фамилия по мужу. Но имя-то у нее свое.

- Это верно, - поддержал его Иван Дмитриевич. - Тамара... Припомни, Галя. Неужели у тебя не было подруг или просто знакомых с таким именем?..

- На работе... на швейной фабрике у нас была Тамара. Феоктистова ее фамилия. Она уволилась в прошлом году... Сейчас работает в горпищескомбинате... И еще одну я знаю, в профкоме есть у нас Тамара... Но они обе, насколько я знаю, замужем. И дети есть.

- Больше ты никого не припоминаешь?

В комнате повисло молчание, и продолжалось оно минуты две.

- Н-нет, - наконец проговорила Галя. - Разве что...

Последние два слова она произнесла тихим неуверенным голосом, почти шепотом.

- Что - разве что?.. - тотчас спросил Иван Дмитриевич.

- Я припоминаю... До меня у моего мужа была девушка... Кажется, ее звали Тамара. Точно я не знаю, и отчества ее тоже не знаю.

- Ты об этом не говорила.

- Я забыла... И к тому же она очень скоро уехала.

- Стоп, - прервал ее Иван Дмитриевич, поднявшись с места и подходя к окну, за которым шумела жизнь города: доносились приглушенные людские голоса, сигналы автомобилей. - Не надо суетиться... Рассказывай самым подробнейшим образом.

- Но я не помню точно... Ее звали Тамара... А может быть, Антонина. Тоня...

- Хорошо, пусть так. Рассказывай о Тамаре-Антонине... В конце концов, имя - не суть важно.

- Теперь я припоминаю, - помолчав, начала свой рассказ Галя. - По окончании школы я поступила на фабрику на курсы кройки и шитья, проучилась несколько месяцев, а потом там же и осталась работать. С Васей мы познакомились в городском парке, в мае, во время открытия летнего сезона. Он служил в местном гарнизоне по контракту, срок которого истекал осенью, и собирался уходить на гражданку. Родом он был из Свердловской области, там были у него мать и отец, были и сестры; однако он говорил, что прижился в нашей местности и уезжать никуда не хочет... Так вот, я и Марина - моя подруга, потом она вышла замуж и уехала в Донецк - пришли в парк. И на танцплощадке нас все время

приглашали танцевать одни и те же ребята... Из местного гарнизона. У Марины с прапорщиком ничего не получилось, а мы с Васей стали встречаться...

Она смущалась, рассказывая о былом, о своих отношениях с человеком, которого полюбила; она терялась и путалась в словах и выражениях, словно говоря наобум. Но два друга не делали никакой попытки прийти ей на помощь, предоставляя право самой находить выход. Благожелательное их молчание понемногу успокоило ее, голос зазвучал спокойнее и сдержаннее.

- Мы поженились осенью 1979 года. Свадьба была намечена на 15 октября. К тому времени Вася приходил к нам домой запросто, иногда оставался ночевать. Он служил по контракту и мог располагать своим временем, к тому же срок его контракта истекал, я уже говорила об этом... После службы он намеревался оформиться механиком на деревообделочный завод. Так, собственно, все и произошло... Незадолго до свадьбы после рабочей смены (мы работали посменно), когда я шла домой, меня остановили две девушки. Я не сразу даже сообразила, что им от меня надо. «Ты Галя Иванченко?» - спросила одна из них. Я ответила утвердительно. «Ты нам и нужна», - сказала другая. И тут же они схватили меня и стали подталкивать к краю аллеи. Я растерялась, а потом испугалась. У меня не было врагов, я никогда ни с кем не ссорилась, а этих девушек, мне кажется, я до этого случая даже не встречала.

- Какое отношение ты имеешь к Ваське Помелухо? Знаешь такого? - спрашивали они наперсбой и толкали меня все злее и сильнее. - Конечно, знаешь, и не притворяйся душой... Мы давно за тобой следим, ты еще стерва та...! Признавайся, ты встречаешься с ним или нет? Конечно, встречаешься, разве ты упустишь такую возможность отбить чужого мужика?..

Я перепугалась настолько, что не могла вымолвить ни слова, а они продолжали все более угрожающе:

- Чего молчишь, дура? Язык проглотила?.. Так вот запомни раз и навсегда: перестань клеить Василия, поняла? Иначе глубоко пожалесешь.

Я сказала, что ни к какому Василию я ничего не клею, что мы с Васей любим друг друга, и у нас скоро будет свадьба.

Тогда одна из девиц больно ударила меня по щеке, а другая вцепилась мне в плечо и зашипела, чуть не брызгая слюной:

- Слушай, дорогуша, добрый совет: он - не твой, поняла? Он женат вот на этой девушке. И у них есть ребенок. Если ты хочешь жить спокойно, то завтра же откажись и отмени свадьбу. Поняла?.. Иначе смотри. По гроб жизни запомнишь нас.

Это было глубокой ночью, после одиннадцати. Я перепугалась до смерти. Они стали меня дергать за волосы, но тут меня догнали мои попутчицы, и незнакомки отстали. Я вернулась домой и никому ничего не рассказала, хотя чувствовала себя едва ли не на

границы срыва. Когда мы вновь встретились с Васей, я ничего от него не утаила. Он выслушал очень внимательно и признался, что действительно до знакомства со мной у него была девушка, с которой он время от времени встречался. Но эти встречи ни к чему его не обязывали, ни о какой женитьбе речи не шло. Ребенка у них не было и нет. Он сказал, что это самый настоящий шантаж и он быстро разберется что к чему. Насколько я успела его узнать, он был человек довольно решительный. И в самом деле разобрался, потому что больше мне никто не угрожал и не искал со мной встреч после работы... Однако дурное предчувствие не оставляло меня. Я совершенно не знала той женщины, с которой он встречался до меня, я больше ее не видела, но почему-то мне казалось, что она незримо присутствует рядом или где-то находится поблизости. Это какое-то жуткое чувство... Будто за тобой кто-то постоянно наблюдает. Оно охватывало меня всякий раз, когда я находилась посреди улицы или в толпе, там, где много народа, к примеру, на рынке, в магазине.

Однажды действительно я поймала на себе чей-то пристальный взгляд, взгляд в спину... Меня словно пронизало током. Я оглянулась, но никого, кто смог бы вызвать мое подозрение, не увидела. Я теперь припоминаю: будто какой-то рок преследовал нас. С сестрой случилось несчастье, ей пришлось бросить школу; потом у мамы случились неприятности на работе, и она, собственно, с позором ушла на пенсию; и со мной вечно приключались какие-то несуразицы: то однажды у меня в магазине украли кошелек со всей зарплатой, я положила его на прилавок и забыла, выбирая, что купить, а когда вспомнила, то его уже на прилавке не оказалось; то возникала адская головная боль, от которой просто не было спасения; любая случайная или нечаянная царапина начинала набухать и кровоточить. А незадолго до смерти Васи на автобусной остановке «Почта» рядом со мной остановилась одна особа моего возраста, возможно, чуть постарше. Лицо продолговатое, веснушки - крапинки вокруг носа и глаза... Вы понимаете? Блестящие глаза... Как молоко! Она посмотрела на меня, я вдруг почувствовала слабость во всем теле. Закружилась голова... Это была *его* женщина. Голос внутренний мне сказал: *она!* Тут подошел автобус, и я не знаю, куда она делась. Будто провалилась я в беспамятство... А спустя несколько дней погиб Вася.

- А раньше вы в городе ее встречали? - спросил Вадим.

- Думаю, что она жила где-то в пригороде, - помолчав, ответила Галя. - Не знаю... О ней мы с Васей вообще не и не говорили. Не приходилось, да и не до этого было...

В комнате воцарилось молчание. Иван Дмитриевич сидел у окна, смотрел наружу, выбивая пальцами по подоконнику дробь одному ему ведомой песни. Вадим не отводил глаз от лица девушки. Как адвокат, призванный стоять на страже интересов подзащитного, он сразу уловил в ее рассказе недоговоренность и попы-

тался внести ясность наводящими вопросами, чувствуя, что эти уточнения не безразличны и его другу.

- Почему вы считаете, что она не городская?

- Просто... В городе я ее не встречала. И речь... интонация такая же, как у жителей окраин и деревень. обороты специфические...

- Например?.. Насколько я понял, вы с ней даже не перекинулись словом. Как можно судить о ее речи?

Галя неуверенно пожалала плечами, качнула головой:

- Не знаю, но почему-то такое у меня сложилось впечатление... И на автобусной остановке... по манере одежды. Косынка на голове, повязанная, как у сельских девушек...

Галя словно чувствовала себя виноватой, что больше ничем не может помочь своим друзьям.

- Даже из краткой встречи и первых слов можно кое-что выудить, - сказал Иван Дмитриевич, ободряюще улыбнувшись девушке. - «Дура, язык проглотила, стерва, дорогуша, перестань клеить» - это все словечки из просторечного лексикона, приближающиеся к вульгаризмам. С определенной натяжкой, но можно нарисовать социальный портрет женщины, чья речь изобилует подобными перлами. Простолюдника, но с претензиями. Такие могут жить в пригороде, могут в деревне, могут обитать и в центре города. Но где бы она не жила, корни ее, без сомнения, в деревне, которую она, скорее всего, презирает.

И если связь ее с родной вотчиной сохранилась, то в виде наездов за продуктами и за деньгами, ибо она любит блеснуть, пустить пыль в глаза, показать, что она не просто там какая-то Фекла, а кое-что значит. Внешний облик ее: прическа типа «пони», или «конский хвост», или «каре», украшения, соответствующая одежда - это всего лишь дань моде, способной ввести в заблуждение кого угодно. Такими особами наполнено любое взрослое общество. Что касается внутреннего мира этих красавиц, он остается в большинстве случаев косным, довольно-таки непритязательным, но опять же с претензиями на некую духовность... По правде говоря, мне жалко их, ибо, в конце концов, цель жизни любой женщины - не обижайся, Галя, - удачно выйти замуж. Какими бы они ни казались нахальными, многие из них глубоко ранимы и их агрессивность - это своего рода защитная реакция.

- А косынка на голове? Как ее понять? Это чуть ли не национальный головной убор, - с сомнением проговорил Вадим.

- Вполне возможно, я не спорю, - согласился его друг. - Но обратим внимание на сей факт: платки, косынки чаще всего мы видим на головах женщин и девушек из сельской местности, горожанки же или обходятся вообще без головных уборов, или надевают шляпки... А если быть точнее, то косынки, платочки, вязаные шапочки, ис-

панки, шапочки типа «кардинал» носили тридцать лет назад. Им на смену пришли шляпки типа «чалмы» и «тюрбана», очень длинные шарфы, кепи из вельвета, бархата и береты, которые назывались «рембрандтовскими». Но косынки остаются, легкие, цветные, их стали завязывать на один бок, как когда-то испанские моряки. Сейчас, конечно, формы головных уборов чрезвычайно разнообразны, но косынка еще не вытеснена... Однако она - принадлежность села.

- Ну, хорошо, предположим, что встреченная Галею женщина из сельской местности. Что из этого следует?

- Абсолютно ничего... Просто мы предприняли попытку обосновать ее социальный статус. Так обычно делают следователи, анализируя факты путем логики, да, Вадим?.. Мне думается, что здесь нужно оттолкнуться от другого.

- От чего?

- От обычных человеческих чувств. Люди совершают преступления или делают пакости ближнему, руководствуясь не любовью, например, или состраданием, сочувствием, доброжелательностью, стремлением помочь попавшему в беду, отнюдь нет... Здесь выступают такие эмоции, как злоба, ненависть, жадность и скупость, грусть и страх. Среди них не последнее место занимает и зависть. В область юриспруденции человеческие эмоции не входят, этим занимается психология. А зря, ибо насколько высока была бы раскрываемость преступлений, если бы следствие учитывало их характер не на словах, а на деле.

- По-моему, ты слишком упрощенно трактуешь правоведение, Иван. Раскрытие преступлений - это целая наука. Она включает в себя криминалистическую идентификацию, которая подразделяется на дактилоскопию, трасологию, то есть следоведение, судебную фотографию, судебную баллистику. Следователь, который выезжает на место происшествия, имеет при себе специальный чемодан; чтобы переписать его содержимое, понадобится несколько страниц. Переносной рентгеновский аппарат и чувствительный металлоискатель для обнаружения скрытых объектов; тепловизор, позволяющий по разнице температур участков поверхности определить контуры исчезнувшего предмета; прибор, выявляющий колебания ворсинок ковра, распрямляющихся после того, как по нему прошел давно скрывшийся с места происшествия преступник...

- Да, поистине чудеса техники.

- Но следователь опирается не только и даже не столько на технику, сколько на людей, которые помогают ему в меру своих сил и способностей. Ты говоришь, дорогой друг, что эмоции чужды юриспруденции. Это неправда. Современную криминалистику нельзя представить себе без использования психологии. Именно на ее основе в значительной степени строятся и весь процесс расследования и розыска преступника, и отдельные тактические приемы следственных действий - осмотр, обыск, опознание и так далее.

САНТИЛЬЯНА с улыбкой внимал словам Вадима, который вдруг остановился на полуслове, будто наткнулся на невидимое препятствие. Возникло впечатление, что он словно бы оправдывается перед своим другом, спасая честь мундира, и Вадим подсадовал на свою горячность.

- Дорогой мой товарищ, я совсем не претендую быть истиной в последней инстанции. Я не безгрешен и могу ошибаться, как и все прочие люди. Но вспомни, чем был вооружен Шерлок Холмс?.. Лупа и рулетка, плюс голова на плечах.

- Шерлок Холмс - литературный герой, выдуманный фантазией Конан Дойля, - тихо сказал Вадим.

- Пусть так... Но ты, вероятно, лучше меня знаешь, сколько у нас в правоохранительных органах бездарностей, которым никакой металлоискатель не в состоянии помочь. Впрочем, мы с тобой уклонились от темы. Поставим вопрос так: что побудило женщину похитить ребенка?

- Думаю, что желание отомстить или... невозможность самой иметь детей в силу особенностей своего организма, - предположил Вадим.

- Вряд ли, - сказал Иван Дмитриевич. - Она могла взять ребенка из любого детского дома, усыновить или удочерить, но не идти на заведомое преступление. Вот желание отомстить - это да. А еще точнее - зависть.

- Зависть?

- Да, это своего рода болезнь нервной системы, которая исподволь подтачивает весь организм, разъедает, как ржа железо. Прости за это избитое сравнение. Завистливого человека можно распознать по выражению его глаз, по интонации голоса, по общему к тебе отношению. Вроде бы и разговаривает с тобой приветливо, улыбается, расточает комплименты, а в глазах - неестественный блеск, в голосе - едва уловимое сожаление: это - твоя обнова, твое прекрасное настроение, твой успех, твоя удача. Если у тебя податливый характер и ты слаб духовно, то с завистником лучше не встречаться взглядом, ибо его взгляд становится материальным и несет прямое зло, которому порой чрезвычайно трудно противостоять.

- Где-то у Пушкина я читал: «Зависть - сестра соревнования, стало быть, хорошего роду», - с сомнением в голосе сказал Вадим.

- Гм... Не знаю таких пушкинских слов... Ты, наверное, спутал.

- Нет... Точно тебе говорю, что эти слова принадлежат Пушкину.

- Возможно. Но вспомни тогда пушкинского «Моцарта и Сальери». Сальери отравил Моцарта, руководствуясь завистью к его таланту и одаренности. Зависть и мстительность идут рядом, как две сестры-близняшки. Зависть начинает, мстительность заканчивает. Практически в любом случае зависть ведет к преступлению. Причем обрати внимание: к слову «зависть» наиболее приемлем эпитет - «черная». О белой зависти говорят крайне редко, гораздо

реже, чем о белой вороне. Черная зависть обладает черными мыслями, а соответственно и черным взглядом, который заключает в себе некую таинственную силу, способную причинять вред не только людям, но и домашним животным, растениям и даже неодушевленным предметам. Ты писателя Юрия Олешу знаешь?

- Читал, еще будучи студентом.

- У него есть роман, который так и называется - «Зависть». Правда, герой его не совершает особых злодейств, зависть приводит его всего лишь к равнодушию. Но ведь равнодушие, по существу, - тоже преступление?.. Теперь тебе, Галочка, ясно, почему похитили твоего ребенка?

Галя, не проронившая ни звука во время разговора друзей, растерянно замигала глазами и неловко улыбнулась.

- Но... чему мне завидовать?.. Денег у нас только что получка, квартиру нам предоставили в порядке очереди. Никаких других источников...

- Э-э, дорогая моя! - воскликнул Иван Дмитриевич. - Во-первых, ты увела, хотя и невольно, первоклассного, с точки зрения, соперницы, жениха; во-вторых, вы любили друг друга, а любовь - это не только счастье, это превосходный объект для зависти; в-третьих, двухкомнатная квартира, налаженная жизнь, родился мальчик... Боже мой! Ускользнувшая рыба всегда кажется большой - эта пословица, наверное, специально придумана для завистников, которым даже улыбка младенца стоит поперек горла... Я даже подозреваю, что эта женщина обладает определенными гипнотическими способностями. Более того, допускаю мысль, что она обращалась к каким-нибудь бабкам-колдуньям, знакомым с черной магией. Иначе чем объяснить такое обилие несчастий, скатившихся на всю твою семью, как снежный ком?

- Но все теперь, кажется, позади, - повернулся Вадим к Гале. - Алеша уже найден и скоро ты его увидишь.

- Когда? - голос девушки дрогнул.

- Начнем завершать операцию с понедельника, - заговорил Иван Дмитриевич. - Хотя этот день и считается тяжелым, тем не менее, будем надеяться на Божью помощь... Вадим, в понедельник с утра ты отправляешься в отдел милиции, ближайший к улице Достоевского. Тебе необходимо установить контакт с начальником уголовного розыска, только с ним и ни с кем больше. Рассказать ему о сути дела, убедить в правомерности и целесообразности наших действий. Избегай подробностей, никаких адресов, никаких имен. Главное - существо дела.

- Я что-то не вполне тебя понимаю, - возразил адвокат. - Ведь он спросит меня: на каком основании я должен вам верить? Куда едем? Кого берем, почему?

- Преподнеси дело так, чтобы этих вопросов не было... Брать

мальчика будем во вторник, так и договаривайся. Три милиционера и нас двое - итого пятеро, этого вполне достаточно.

- Я не знаю, - вновь пожал плечами Вадим. - У меня потребуют обстоятельного рассказа... Нужно же разрешение прокурора!

- Обстоятельный рассказ будет после. И прокурор тоже.

- А я?.. Что делать мне? - прерывающимся голосом спросила Галя.

- Ты встретишь сына.

- А вдруг?..

- Никаких вдруг, - побледнел САНТИЛЬЯНА. - Никаких вдруг!.. Ни грамма сомнения в успехе!.. Ни имен, ни адресов, ни названий улиц. Пространство наполнено нечистыми духами, которые вездесущи...

Он закрыл лицо ладонью и некоторое время сидел, не шевелясь. В комнате повисла напряженная тишина. Но вот САНТИЛЬЯНА выпрямился, ладонью провел по лицу, словно что-то снимая с него, и тихо, извиняющимся тоном, сказал Гале:

- Ты войдешь вместе со мной. Твой сын должен узнать тебя.

- Он узнает! - вскричала девушка, схватив его за руки.

- На этом и остановимся... Следующий ход, Вадим, - твой, - улыбнулся САНТИЛЬЯНА и протянул для пожатия свою руку.

В 10 часов утра адвокат Суходоев поднялся по высоким ступенькам Прикубанского райотдела милиции. Его служебное удостоверение произвело впечатление на дежурного старшего сержанта: он поднялся из-за стола и вежливо уведомил, что начальник уголовного розыска капитан Степанов должен подъехать с минуты на минуту.

- По какому делу? - поинтересовался старший сержант.

Вадим неопределенно качнул головой. Этот жест можно было понимать как угодно.

- Вы договаривались о встрече? - вновь спросил дежурный.

- Нет, - коротко ответил Суходоев. - Где мне его можно подождать? - спросил он через секунду, установив этим вопросом своего рода дистанцию между собой и старшим сержантом.

- Если хотите, поднимитесь на второй этаж. Комната 14, - тем же вежливым тоном отвечивал дежурный.

- Спасибо.

Напротив дверей четырнадцатого кабинета стоял обыкновенный канцелярский стол с выдвигаемыми ящиками, потертый и потресканный, с чернильными отметинами и, вероятно, давно списанный. Адвокат присел на единственный качающийся стул, стоявший с боку стола. Отсутствие капитана предоставляло возможность вновь прикинуть ход беседы, вопросы и предполагаемые ответы. САН-

ТИЛЬЯНА особенно настаивал на одном: строжайшее соблюдение тайны местонахождения малыша и всего хода операции. По существу, капитану уголовного розыска и его сотрудникам предназначалась роль обыкновенных исполнителей, бездумных винтиков в решающем движении основного механизма. А кому это может понравиться?..

Ждать пришлось сравнительно недолго. Спустя минут пятнадцать в коридоре появился высокий широкоплечий капитан милиции с широким открытым лицом и жесткими светло-кариими глазами. Видимо, дежурный предупредил его о посетителе, ибо капитан сразу же устремил на Вадима свой ясный немигающий взгляд и жестко произнес:

- Вы ко мне?

Молча, Вадим кивнул, чувствуя, как сердце вроде бы подобралось и сжалось в пружину.

- Пройдете, - тем же тоном произнес капитан, открывая дверь своего кабинета и пропуская адвоката вперед. Он снял шинель и пристроил ее на одном из крючков у двери, специально приспособленных для этой цели.

- Мне сказали, что вы из Москвы. Это интересно, очень интересно...

- Да. Суходоев Вадим Александрович, - отрекомендовался адвокат, первым протягивая руку капитану.

- Иван Мартынович, - назвал тот себя и сжал ладонь Вадима, словно заключил в капкан. - Присаживайтесь, Вадим Александрович... Извините, одну секунду... - Капитан взялся за телефон, и прошло не менее десяти минут, пока он снова обратился к посетителю.

- Извините, дела, дела... Как в круговороте, честное слово! Вот с утра прихожу, день верчусь, как белка, в десять, а то и позже дома, в два часа ночи звонят... И так круглые сутки, Вадим Александрович! Да что я вам объясняю?.. Вы же имеете представление о нашей кухне, хотя и адвокат.

- А почему - хотя?

- В суде вы всегда защищаете воров, убийц, насильников... Вы хороший, Вадим Александрович, - засмеялся капитан, - а мы плохие, потому что мы их тащим в суд для возмездия...

- Что делать?.. Эти люди, какие бы они не были, тоже нуждаются в защите.

- Все так, - сказал капитан, извлекая из ящика стола пачку сигарет. - Закурите?

- Спасибо, некурящий...

- А я вот грешным делом балуюсь... Как у вас там обстановка, в Москве-то?

- А чем, собственно, Москва отличается от Краснодара? - улыбнулся Вадим. - Разве что метрополитеном и количеством населения?..

- И географическим положением, - подчеркнул сказал капитан.

- И этим тоже, - согласился Вадим. - Но проблемы те же... Куда ни поедешь - везде одно и то же. Как в песне: «Поедешь на Север, поедешь на Юг - везде тебя встретит товарищ и друг».

Капитан, улыбаясь, кивал головой, стряхивая пепел в пепельницу-раковину на столе.

- Но я бы, например, - сказал он, выдержав паузу, - отменил бы вот эту идиотскую практику условно-досрочного освобождения от наказания. Ибо получится черт знает что!..

- Статья 44-я Основ уголовного законодательства сейчас выглядит несколько по-другому, чем это было, скажем, два года назад. Условное освобождение применяется только к тем осужденным, которые твердо встали на путь исправления, и лишь при наличии их обязательства примерным поведением и добросовестным отношением к труду оправдать оказанное им доверие.

- И вы серьезно верите в то, что говорите?.. Я работаю в отделе уже двенадцать лет и могу засвидетельствовать: если из сотни исправятся пять человек, то слава те, Господи! После освобождения практически все берутся за старое, только осторожнее и изощреннее. Вот взять, например, такую категорию преступников, как «несуны». Термин придумали какой-то обтекаемый, вместо того чтобы сказать прямо - «воры»... Вы обратите внимание, как наше законодательство их обхаживает: лицо, совершившее мелкое хищение (то есть на сумму до 50 рублей), несет административную ответственность в виде штрафа до 100 рублей или исправительных работ на срок от одного до двух месяцев с удержанием 20% заработка. Это же «мертвая статья». Я не помню, чтобы у нас в Краснодаре за последний год наказали кого-нибудь подобным образом. А воруют - по-черному!.. Пятнадцатисуточники - это да, тут у нас отработано.

- К «несунам», Иван Мартынович, чаще всего применяются меры иного характера. Ведь зачем доводить дело до милиции, если можно обойтись без нее.

- Что вы имеете в виду?

- Человек, совершивший мелкое хищение, может быть полностью или частично лишен премии, вознаграждения по итогам годовой работы - так называемой тринадцатой зарплаты, льготной путевки в санаторий или дом отдыха. Ему даже могут перенести очередность на получение жилой площади. Все это в руках администрации того предприятия или учреждения, где он работает...

- Я думаю, - усмехнулся капитан, - что сейчас самое спокойное

место в мире - это какая-нибудь таежная глухомань. Зарыться, как крот в нору...

- Это вы явно драматизируете... Я вот уже несколько дней в вашем городе. Отдыхаю душой и телом. Люди доброжелательные, собачки бегают по улицам, и никто их не трогает... Тихо, мирно, спокойно.

- Тихо, мирно, спокойно! - воскликнул капитан и похлопал широкой ладонью себе по затылку. - Вот где у меня это спокойствие... За последнюю неделю два угона автомобилей, два убийства и четыре кражи, а про хулиганства я вообще не говорю. Какое тут спокойствие, Вадим Александрович!

Вадим слушал словоохотливого капитана и все раздумывал, каким образом начать разговор об истинной цели своего посещения. Иван Мартынович, вероятно, обрадовался представившейся возможности поболтать с гостем из Москвы, не допуская, наверное, и мысли, что у того может быть к нему какое-то дело. Вновь зазвонил телефон. Дежурный спрашивал у Степанова о каком-то удостоверении, не то потерянном, не то найденном; капитан отвечал односложно, кивая головой и соглашаясь. Улучив момент, когда он положил трубку, Вадим, как бы продолжая прерванную беседу, сказал:

- Мне нужна ваша помощь, Иван Мартынович.

- Именно моя?..

- Да-с... Именно ваша.

Широкое лицо капитана сразу посерьезнело, светло-карие глаза смотрели, не мигая, на собеседника.

- В чем проблема?

- Иван Мартынович, я пришел к вам, потому что преступник или, по крайней мере, лицо, совершившее преступление, находится в непосредственной близости от вашего отдела милиции.

- А-а... вид преступления?

- Похищение ребенка.

И далее обстоятельно и доходчиво, насколько было возможно, адвокат изложил суть дела. Степанов слушал, не перебивая, покусывая нижнюю губу и покачивая время от времени головой.

- М-да, - произнес он не сразу, когда рассказ был окончен. - Похищением детей я еще не занимался. И даже не слышал, чтобы совершалось подобное в Краснодаре... Я знаю, что дети порой убегают из дома или из-за плохого к ним отношения родителей, или из-за страсти к путешествиям. Это бывает. Разыскиваем сбежавших из детских домов, интернатов, приютов. Снимаем с поездов... Он живет где-нибудь в Тимашевской или в Гулькевичах, а ловим здесь, в Краснодаре или в Ростове-на-Дону. Недавно вот задержали на вокзале одного лет двенадцати мальчишку... Тут еще на родителей насмотришься, никакой ответственности за своего ребенка. Но чтобы воровать - это уж слишком...

- В Соединенных Штатах ежегодно бесследно пропадают около 150 тысяч детей, как говорит статистика. Только 10% пропавших, в конце концов, находятся, а около двух тысяч погибших при разных обстоятельствах детей ежегодно хоронят неопознанными. Там есть специальная организация, которая занимается этим делом. Она так и называется - «Розыск детей».

- Я не слышал, чтобы у нас была такая или хотя бы подобная организация, - сказал капитан.

- Где нам?.. Мы только критиковать мастера... Вы можете, Иван Мартынович?

- Разумеется, о чем речь?.. На какой улице проживает подозреваемая вами osoba?

- Простите, Иван Мартынович, но я к сожалению, не уполномочен сообщить адрес, - сказал Вадим. Получилось несколько выспренне, но именно так сложилась фраза, и теперь ничего нельзя было поправить. Капитан с недоумением вскинул голову:

- Я, извините, не понял... Вы не знаете адреса?

- Можно сказать, что так... Точнее, я знаю, но... не уполномочен...

Опять этот канцеляризм! Вадим с досадой прикусил кончик языка; лицо капитана стало краснеть, он извлек из кармана белый платочек, приложил его ко лбу.

- Вадим Александрович, простите, мне кажется, мы с вами говорим на разных языках... От чьего лица вы выступаете? Кто вас уполномочил?

- Я вам все сейчас объясню, Иван Мартынович, - торопливо заговорил адвокат, стремясь сгладить допущенный промах. - Только выслушайте внимательно.

- Хорошо, хорошо, но... Как фамилия этой женщины?

- Товарищ капитан, я же хочу вам объяснить!..

- Хорошо, слушаю... Только подробнее.

- Завтра, в 10 утра вы со своими сотрудниками - человека два, не более - подъезжаете к гостинице «Краснодар» (это улица Гоголя, 66). Забираете меня, моего друга и мать пропавшего ребенка. Мы едем по одному адресу, туда, где находится этот мальчик. И далее вы понимаете, как надо действовать?.. Мальчика надо вернуть родной матери, а преступница должна понести заслуженное наказание. Именно там, на месте, вам сообщат и адрес, и имя этой женщины.

Капитан, откинувшись на спинку стула, в упор смотрел на Вадима, словно изучая его лицо. Одна рука сжимала потухшую сигарету, пальцы второй выстукивали по столу какую-то дробь.

- Я, наверное, отстал от жизни, - с некоторой иронией в голосе заговорил он, выслушав собеседника, - или это в Москве так работают, что нам, провинциалам, только затылок чесать... Вы не находите, товарищ адвокат, наш разговор весьма странным? Игра в

одни ворота, честное слово!.. Вы не даёте мне фактически никаких исходных данных, касающихся преступника. Более того, вы навязываете мне свой план, что я должен делать завтра, кого брать и куда ехать. Но товарищ Суходоев, мы же приходим на службу не в домино играть. У нас, кажется, есть свои планы. И что я должен сказать своим сотрудникам?.. Притом, какое я имею право влезать в чей-то дом, не имея ни соответствующего постановления, ни разрешения прокурора? Ведь это, простите, прямое нарушение закона...

- В исключительных случаях закон допускает возможность обойтись без разрешения прокурора.

- Согласен. Но вдруг эта женщина не виновата?.. Вы, товарищ адвокат, ввергаете меня в авантюру. Какие у вас есть доказательства, что именно эта женщина преступница? Кто проводил расследование? Как? Каким методом, И чем объяснить такую секретность?..

Вадим вдруг почувствовал, что вся его миссия висит на волоске, ибо те доводы, которые он приводил и намеревался еще провести, давали совсем противоположный ожидаемому результат.

Тем временем САНТИЛЬЯНА и Галя Помелухо сидели в кафетерии поблизости от кинотеатра «Аврора». Мысль о том, что завтра кончатся все ее мучения и она увидит своего мальчика, превратилась у многострадальной женщины почти в слепую веру. Да и, кажется, невозможно было абсолютно ни в чем сомневаться, глядя на четкий профиль САНТИЛЬЯНЫ, с обострившимся носом и сжатými худыми скулами, на его жесткие свинцово-серые глаза, непоколебимо-уверенный вид. Эти уверенность и спокойствие, без сомнения, передавались другим, слабость и отчаяние отступали, на смену безнадеги приходила надежда. Словно зеркальная стена защищала Галю от всего дурного и наносного. За ней, этой стеной, все становилось до предела ясно, понятно, разрешаемо и достижимо.

Так уж получилось, что жизнь столкнула ее с человеком, которого она по прошествии столького времени, по сути дела, не знала и не могла понять. И сейчас, за закрытым белой скатертью столиком, ей хотелось узнать его лучше. Кажется, и обстановка кафетерия, спокойная, тихая, уютная, способствовала откровенности.

- Помнишь, Ваня, как-то ты сказал, что не можешь простить женщине только одного?.. Что ты имел в виду?

Он усмехнулся, разливая в рюмки легкое вино, прозрачно-оранжевого цвета, которое принесла на подносе молоденькая черноглазая казачка-официантка.

- Все просто, Галочка... Просто, как стакан воды. Я имел в виду

женскую жестокость. Это, - он помолчал, словно подыскивая нужное слово, и закончил: - Это - аномалия самой природы.

В чертах его полуугрюмого лица показалось что-то такое щемящее, что Галя почувствовала, как жалость к нему буквально пронизала каждую клеточку ее души. Резко обозначились морщины на его лбу, в уголках глаз, на переносице. Она подалась к нему, чуть коснулась ладонью твердой, как камень, руки.

- Ты прошел и через женскую жестокость? - глаза ее увлажнились.

- И через это... Зверь защищает и оберегает своего детеныша до последнего. Люди же - хуже... Трудно понять тех особей, которые оставляют своих детей в родильных домах, отдают в детдома, убивают или подбрасывают к чужому порогу, чтобы самим устроить свою личную жизнь. Трудно понять и тех, кто превращает своего ребенка в орудие мщения, как это случилось со мной.

- С тобой?

- Я не хочу об этом вспоминать, Галя.

Он выпил всю рюмку, она сделала всего лишь два небольших глотка и вновь обратила к нему свои глаза, проникновенные и глубокие, как ночное небо.

- Почему, Ваня?

- Я понимаю, что закон охраняет интересы женщин, - помолчав, заговорил он. - Однако... развод - страшная вещь. В своей жизни я больше всего боялся именно этого, но именно это со мной и произошло. Сразу же после суда моя супруга поклялась, что своего сына я никогда больше не увижу. И сдержала обещание... Когда я приходил к нему, вся ее семья, в том числе и она, воспринимали меня, как врага. Они хватали малыша (ее мать и отец, люди, впрочем, интеллигентные), уносили его в комнаты, запирали двери. Поднимался такой крик, что через забор заглядывали соседи... Мой мальчик (ему было всего два года) с плачем тянул ко мне ручки, кричал: «Папа, папа!..», доходил чуть не до истерики... От всей этой картины у меня разрывалось сердце - им же все было нипочем.

- Но... как же так было можно?

- И вот что интересно... По всей стране милиция разыскивает алиментщиков, уклоняющихся от воспитания своих детей. Во имя исполнения закона... Их привлекают к суду, стыдят на всевозможных собраниях, позорят в печати. Меня не надо было искать. Я сам обратился к закону и попросил одного: помочь видетсь со своим сыном, гулять хотя бы иногда с ним. И что же?.. Судьи развели руками. «Она не имеет права, - сказали мне. - Решение суда она знает». «Но она не выполняет это решение!..» «А что мы можем сделать? Попробуйте как-нибудь с ней договориться, найти общий язык». Бог свидетель, я пытался неоднократно - все шло насмарку. И тут я понял: ей доставляло какое-то дьявольское удовольствие

видеть мои мучения из-за того, что я лишен возможности встретиться с сынишкой. Она даже светлеела лицом, когда проделывала это. Что я мог поделывать?... Драться с женщинами я не умею, стучать кулаком по столу тоже, сквернословить не научился. Я снова обратился к закону, пошел к прокурору. Хороший человек попался, украинец. Старался помочь чисто по-человечески. Организовал нам встречу... Потому что она избегала меня, на звонки не отвечала, сама работала в школе и настроила против меня весь коллектив, хотя этот коллектив меня даже в лицо не знал. Но когда я звонил, кто-нибудь обязательно меня с издевкой в голосе уведомлял: «Она не желает с вами разговаривать».

- Ну и как прокурор? Помог?

САНТИЛЬЯНА отрицательно покачал головой.

- Все его убеждения о том, что ребенок должен иметь отца, остались втуне. При нем она соглашалась, кивала головой, обещала не препятствовать встречам. Но как только оставались одни, - опять: «Пусть он *пасталакает*, что хочет, но Димку ты не увидишь, как своих ушей!» Какая жестокость! Какое бессердечие!.. Сознательно лишить ребенка родного отца!.. Причем она знала и видела, как я его любил. Мальчик это чувствовал и понимал: он буквально расцветал, когда я брал его на руки...

- Но почему, почему она к тебе так, Ваня?

САНТИЛЬЯНА молчал, и прошла, наверное, целая минута, прежде чем он заговорил.

- Тот, кто задумал развестись, всегда для этого найдет причину: не то сказал, не так посмотрел, не вовремя пришел с работы... Я жил у ее родителей и причин было тьма. На суде мне инкриминировалось пьянство - классическая причина, против которой я просто не знал, что возразить. Я пил ровно столько, сколько пили ее родители: по праздникам, в дни рождения. Кружка пива, выпитая по случаю с приятелем за стойкой, вызывала с ее стороны бурное расследование, переходящее в скандал и всевозможные упреки, поэтому я старался избегать всякого употребления на стороне. Тем не менее, во время судебного процесса мне был задан вопрос: «Вы злоупотребляете спиртными напитками?» Я ответил отрицательно. «А вот ваша жена в своем заявлении пишет, что вы систематически пьянствуете и не даете ей зарплату». «То, что она пишет, пусть остается на ее совести, это неправда». К тому же пить мне нельзя: я работаю учителем в сельской школе, где каждый человек на виду. Если не верите мне, обратитесь туда, и вам скажут все, как есть... «Но никто никуда не обращался... Так во всех бумагах и прошло: я - пьяница; от того и жена от меня ушла... Но все дело было в другом. Не успели развестись, как она вышла замуж. У меня умерла мать, и я отступился. От всего отступился, Галя. От всего... Два года я работал в сорока километрах от своего сына, но не видел его и двух минут. И тогда я уехал...

- Надо было добиваться, Ваня!..

- Ты говоришь: добиваться!.. Умница моя, у кого добиваться? Наши законы настолько несовершенны, что не хочется даже об этом и говорить. Судьи разводят руками, ибо бессильны остановить зарвавшуюся подлость... А твой собственный опыт разве не показывает, что в этом мире надо рассчитывать только на самого себя и на Господа нашего?.. Я сам сирота. Мой отец умер от ран в 1949 году, после войны. Меня по существу осиротил фашизм, а то, что она на себя взяла эту роль по отношению к сыну, - Бог с ней... Когда-нибудь это ей зачтется. Мои алименты - я знаю - пошли ее матери. Бог с ними!.. Но я не сдался, Галя. Я потратил годы на то, чтобы кое-чему научиться. Если бы в то время да теперешний мой ум!.. Но видно, так было угодно Богу, чтобы судьба моя сделала подобный зигзаг...

Они вернулись в гостиницу около двенадцати дня, Вадима не было. Галя ушла к себе в номер, а САНТИЛЬЯНА, пользуясь свободным временем, вышел на оживленную улицу и направился к трамвайной остановке. Дойдя до перекрестка улиц Горького и Коммунаров, он дождался «второго» номера трамвая. Свободных мест, как всегда, не было, впрочем, он в них и не нуждался. Он стоял у окна, непроницаемый и неприметный в толпе пассажиров, машинально отмечая про себя промежуточные остановки: «Одесская», «Офицерская», «Первомайский парк»... Маршрут ему был известен. Завтра предстоял решающий день, и сейчас он готовился к нему, как находил это нужным. Высокий дом с черепичной крышей никуда не исчез. Он стоял на прежнем месте за добротной металлической оградой, сквозь которую виднелся широкий двор и его постройки, свидетельствовавшие не только о деловитости хозяев, но и об их материальном благополучии. Там, за оградой, в стенах дома находился пятилетний мальчик, ничего не подозревавший и даже не догадывающийся о том, что в каких-нибудь полутора километрах от него в гостиничном номере сидит его родная мать. Улицей Достоевского завершался маршрут «двойки». Он просхал до конца и повернул обратно.

Улица в этот час была пустыня, пустынно было возле этого дома и во дворе, зато у приоткрытой калитки сидела маленькая белая собачонка, с любопытством взирая на окружающий ее мир. Спокойнее и мирнее этой картины нельзя было представить; до самой глубины души лучом солнца пронизало его удовлетворение - добрая примета, все задуманное должно было сбыться в точности. И серая кошка, перебежавшая через рельсы перед самым носом трамвая, тоже предвещала, в его понимании, удачу, ибо она перебежала *справа налево*.

Разведка успокоила его и подкрепила и внутренние, и внешние,

физические, силы: он почувствовал себя бодрее, энергичнее и собраннее. Иначе быть и не могло. Когда-то он чувствовал себя беспомощным перед лицом все подчиняющей себе судьбы. Понадобилось определенное время, чтобы он понял, что только встав на тропу ночи, выйдя за светлый круг известных всем и понятных предметов и явлений, изучив темные и неизведанные пути магии, он сможет противостоять року. Темнота ревнива к своим тайнам и сторожит их многими способами. Овладеть ими - значит, познать настоящее, открыть для себя будущее, стать воистину свободным и независимым, как птица.

Его мысли перекинулись к последним дням перед отъездом. Послание призрака возродило его к жизни. Ночной рейд в общезжитий представился ему теперь мышинной возней высокомерных, возмнивших в себе недоучек, начисто лишенной здравого смысла. Жалко только было учеников-подростков, чьи интересы оказались втиснуты в рамки педагогического всезнайства.

Вечером того злополучного дня только он пошел к девочкам в 114 комнату, как на лестнице его встретили директор и Григорий Абрамович. Пришлось вернуться. Он сразу понял, что их приход не случаен. Конечно, то, что произошло, требовало обсуждения, и воспитатель сам был бы не прочь проанализировать случившееся со всех сторон. Такой анализ вполне был бы возможен среди товарищей по работе, коллег, занятых одним, общим делом, которое объединяет и сплачивает, делая участников равными. Здесь же подобные нюансы не брались в расчет. Воспитатель должен был знать свое место - место винтика, беспрекословно выполняющего *рекомендации*, от кого бы то они ни исходили, - и «не высовываться».

- Как дела, Иван Дмитриевич? - спросил директор. - Что у вас сегодня по плану?

- Сегодня суббота, многие уехали домой, так что работаем в общем режиме, - ответил воспитатель.

- Сколько человек осталось на этаже? - спросил Григорий Абрамович.

- Двенадцать... Первый курс уехал весь, второй тоже. Остались пять человек третьего курса и семь четвертого.

Он достал из выдвижного ящика стола тетрадку. - «Недельный план работы».

- Могу назвать пофамильно.

- А с дежурством как? - вновь спросил Григорий Абрамович. Лицо его с кустистыми рыжеватыми бровями, крупным носом и маленькими глазами было озабоченным. Интонация голоса, подернутые вверх сутулые плечи, порывистость движений, весь его облик словно бы говорили: катастрофа! вода подошла к горлу! но мы не позволим стихии одолеть нас!.. Мы найдем все концы и начала!..

- Заканчивает дежурить третий курс... Попросил я Селедцова

подежурить сегодня и завтра, хотя он и отбыл свое, вместо Стороженко, который уехал домой, - просто ответил воспитатель.

- Но дежурного на месте сейчас нет.

- Собственно, в нем сейчас и нужды нет: этаж пустой, я здесь. Селедцов отпросился на полчаса в магазин сбежать.

- Дежурный должен быть всегда, - сказал Григорий Абрамович тоном, не допускающим возражений, словно уличил воспитателя в скрываемой последним недоработке.

Иван Дмитриевич ничего не ответил. Директор, молча слушавший этот разговор, окинул взглядом комнату.

- Скажите, Иван Дмитриевич, почему у вас в комнате совсем не так, как у других воспитателей?.. Неуютно как-то, хотя и обстановка однотипная: книги, стенды... У них же цветы... море цветов, а у вас два горшочка всего, и запах не то сырости, не то... сам не знаю чего. Шторы на окне надо заменить, а то они совсем уже выцвели. Скажите коменданту... Эстетики просто никакой! Почему так?..

Воспитатель, не отвечая, листал свою тетрадку. Да и что можно было ответить, если это было правдой? Вся мебель в комнате была старая, изношенная, списанная лет пять назад, неоднократно отремонтированная и им самим, и учениками. Шторы, занавески, скатерти, постельная принадлежность - все это находилось у Людмилы Ивановны, старое, стиранное-перестиранное тысячу раз, ничего нового уже сколько лет не поступало. Женщины-воспитательницы обустроили свои комнаты сами, принесли из дома что смогли. Женская интуиция хозяек, извечная склонность к красоте помогли им создать в своих комнатах обстановку комфорта, уюта, домашности, так резко контрастирующих сухому рационализму воспитателя. Упреки администрации были справедливы, как справедливо было и то, что сама администрация палец о палец не ударила для того, чтобы помочь ему оборудовать комнату в соответствии с требованиями современной педагогической науки. Даже несчастные горшочки с цветами он буквально выклянчил в училище у преподавателей изобразительного искусства. А ведь были на этаже цветы: и немало, и во многих комнатах, но сдавая дела два года назад, Елена Григорьевна все цветы перенесла на свой, пятый, этаж.

- Вы знаете, что произошло у вас сегодня ночью? - спросил Леонид Сергеевич, не дождавсь ответа.

- Слышал, - коротко ответил воспитатель.

- Вы теперь согласны, что уровень воспитательной работы у вас чрезвычайно низок?

Иван Дмитриевич молча наклонил голову, лицо его приняло бесстрастное выражение, словно у каменного изваяния. Рука машинально переворачивала листы школьной тетрадки.

- А ваш староста? Как его?.. Которого вы считаете одним из самых ответственных ребят на этаже?..

- Солоп, - подсказал Григорий Абрамович.

- Да-да... Вы совершенно не знаете своих воспитанников, Иван Дмитриевич. Вы далеки от них, у вас абсолютно отсутствует душевный контакт с ними... Как вы могли его назначить старостой?

- Он выбран товарищами. На общем собрании.

- Выбран, как же... Заводила!.. Оттого у вас и порядка нет, что вы идете на поводу. Весь этаж после отбоя гуляет у девочек вместе со старостой, а вы делаете вид, что ничего не происходит!.. К тому же и как воспитатель вы ведете себя вульгарно, неэтично. Что вы наговорили Елене Григорьевне? Отдаете ли вы себе отчет, что говорите и что делаете?

Воспитатель прикрыл глаза, словно погрузился в дремоту. Он оперся о локоть, наклонив голову и положив ладонь на щеку. Последние слова директора словно бы заставили его очнуться.

- А вы не допускаете мысли, Леонид Сергеевич, что это Елена Григорьевна наговорила? - тихо произнес он замедленным тоном, отскакивая каждое слово и глядя в упор. - Не могу понять к тому же, откуда такая слепая вера в непогрешимость Елены Григорьевны?.. Откуда такая слепая вера в абсолютную непогрешимость?.. Откуда такая убежденность, что источник зла в общежитии - я?

Директор смутился, накал его голоса заметно сник.

- Перестаньте. Вы явно преувеличиваете...

- Дай Бог, дай Бог.

- В общем, - после минутной паузы заговорил Леонид Сергеевич, - вам надо разобраться с тем, что произошло. Всех нарушителей на совет этажа и - выселить.

- А старосту переизбрать! - рубанул воздух рукой Григорий Абрамович. - Вместо того чтобы помочь воспитателю укрепить дисциплину, он сам ее нарушает.

- В понедельник проведите совет этажа, примите решение о выселении, а совет общежития утвердит, - сказал директор.

- Совет этажа не примет такого решения, - сказал Иван Дмитриевич.

- Почему?

- Потому что в совете этажа сверстники Яцкова, Шелганова. Разве это не понятно: против своих товарищей совет не пойдет.

- А вы тогда на что? - воскликнул Григорий Абрамович. - Надо провести так работу, чтобы все поняли необходимость этой меры.

«Вот вы и проведите», - хотел было ответить воспитатель, но вместо этих слов, помедлив, он сказал другие:

- Если так необходима эта мера, то Павлу Кирилловичу было бы проще.

- А причем здесь Павел Кириллович?

- Он же руководил рейдом. Непосредственный очевидец проис-

ходящего, соврать ему никто не сможет. Он и заведующий трудовым отделением, куратор мальчиков. Ему и карты все в руки...

- Опять вы хотите уклониться, Иван Дмитриевич, от своих прямых обязанностей; - сказал Леонид Сергеевич. - Кстати, на той неделе в пятницу состоится производственное совещание. Будет заслушан ваш вопрос.

- Я никакого вопроса не задавал.

- Я имею ввиду ваш отчет о состоянии воспитательной работы с мальчиками третьего этажа.

- Спасибо.

Директор и председатель профкома ушли, а воспитатель направился на пятый этаж. В этот субботний день многие девочки Елены Григорьевны тоже уехали домой, в коридоре было тихо, однако дверь в комнату воспитательницы была приоткрыта. Он прошел по безмолвному коридору, не заходя в 114-ю комнату. Елена Григорьевна сидела за столом в окружении нескольких девочек-четверокурсниц. Вместе с воспитательницей они занимались сугубо женским делом: вышиванием узоров на салфетках.

- Вы, наверное, насчет рейда? - спросила Елена Григорьевна.

Иван Дмитриевич поздоровался, кивнул головой.

- Девочки, выйдите на минутку, - обратилась она к ученицам.

- Надо поговорить с воспитателем.

Иван Дмитриевич с удивлением смотрел на нее: он ожидал худшего. Последний разговор окончательно развел их в разные стороны, о содержании разговора Елена Григорьевна не преминула уведомить начальство, разумеется, с соответствующими прибавлениями. Что можно было еще от нее ожидать?... Доброжелательная улыбка воспитательницы несколько смутила его, но не настолько, чтобы поверить в ее искренность. Однако он принял условия игры и тоже улыбнулся приветливо и открыто.

- У вас были на этаже директор и председатель профкома? - спросила Елена Григорьевна.

- Были.

- У меня тоже.

- Ну и - как?

- Да так... Прошлись по коридору. На этаже всего семнадцать девочек, все разъехались... Тихо, спокойно.

- Елена Григорьевна, то, что произошло, конечно, неприятно. Мальчишки мои, разумеется, виноваты в том, что шлындают ночами. Но если рассуждать чисто по-человечески: никакие методы не остановят их. Они ходили, ходят и будут ходить, хоть поставь железные решетки... Я сам ставлю себя в их положение: мне шестнадцать лет, где-то на пятом этаже у меня девочка, которая тоже меня ждет... Да я расшибусь, а приду к ней, какие бы заборы мне ни ставили. Их можно понять...

- Конечно, это понятно, Иван Дмитриевич. Ходили и раньше,

когда все было открыто. И никто ничего, ни шума, ни скандала... А потом куда-то директор съездил, где-то что-то увидел и ввел это новшество. С тех пор и пошло... Вагон стекла, наверное, ушло только на одни эти двери.

Они помолчали, видимо, взаимно проникаясь сткровенностью этой беседы и удивляясь, что, оказывается, могут так спокойно, без напряжения, по-дружески вести разговор.

- Как вы думаете распорядиться девочками из 114-й комнаты?

- А никак, - последовал короткий ответ.

- Простите, не понял.

- Мы уже разобрались, Иван Дмитриевич... Я вызвала всех трех, побеседовали, устно предупредила. Этим решили и ограничиться. Взяла с них расписки, что больше подобного не повторится.

- Значит, выселение им не грозит?

- Зачем?.. Да и сгоряча чего не наговоришь... Совет этажа, конечно, мы проведем, но там другие у нас вопросы.

Что случилось с Еленой Григорьевной?.. Он думал драться, доказывать, отстаивать, защищать девочек - ничего подобного не потребовалось. Конфликт урегулирован просто и естественно, как оно и должно быть в нормальном человеческом обществе. Минут через пятнадцать он вышел из комнаты, остановился перед дверью с номером 114, но не стал заходить, а пошел вниз. Что же произошло?.. Может быть действительно он чего-то не понимает?.. А может быть, воспитательница девочек просто не хочет накалять страсти с выселением, поднимать излишний шум? Ведь могут вмешаться родители девочек, в орбиту скандала будет втянута администрация, и все это бумерангом может вернуться опять же к воспитательнице.

Господи, да будет благословенна мудрость Твоя; да отразится в ней, словно в зеркале, разум людей, которые, бывает, сами не ведают, что творят!

Не иначе как Божия мудрость сошла на него в ночь на воскресенье, продиктовав ответ *цереограммы*. В понедельник утром он был уже в училище и уведомил Леонида Сергеевича, о необходимости срочного своего отъезда.

Директор был шокирован, изумлен, раздосадован.

- Я не нахожу слов, - развел он руками. - Как вы можете сейчас брать отпуск, когда на этаже такая обстановка?.. Вы просто режете без ножа, Иван Дмитриевич.

- Не понимаю, почему вы так переполошились. Две недели - срок не такой большой. Что же касается обстановки - если она настолько катастрофическая, как пытаются некоторые представить, - то вот блестящая возможность педагогам доказать свои способности в деле воспитания подрастающего поколения.

- Вы что, шутите, Иван Дмитриевич?..

- Напротив, я как никогда серьезен. Сколько в училище зас-

луженных учителей и отличников народного просвещения?.. Поставьте кого-нибудь из них в мое отсутствие на должность воспитателя. Пусть докажет на деле свое звание. Ибо в искусстве говорить и размахивать руками многие превзошли самих себя... А я... клянусь! - публично тогда признаю свою бездарность и подам заявление на расчет.

Перед отъездом в Краснодар ему стало известно, что вместо него исполнять обязанности воспитателя на третьем этаже временно была назначена Елена Григорьевна.

Зеленый милицейский газик в начале одиннадцатого утра подкатил к гостинице «Краснодар» и остановился напротив входа. Три человека сидели в нем: двое в форме, один в штатском. Они не вышли из машины, но ждать долго им не пришлось. Спустя три минуты к газику приблизился молодой человек среднего роста в демисезонном пальто и высокой нутриевой шапке.

- Все в порядке? - спросил Степанов, приоткрыв дверцу

- Да, - коротко произнес адвокат.

Вчера они разговаривали долго, очень долго. Пришлось Вадиму приоткрыть некоторые карты, касающиеся методики расследования, хотя САНТИЛЬЯНА настоятельно просил его этого не делать. Капитан, человек решительный и практичный, признающий только реалии бытия, был озадачен и согласился, по мнению Вадима, лишь из любопытства.

Суходоев занял место на заднем сиденье рядом с милиционером, обтянутом португеей, и попросил еще пару минут, пока подойдут его товарищи. Они не замедлили явиться, точнее, подошла Галя; САНТИЛЬЯНА, спустившись вниз по ступенькам на заснеженный асфальт, остановился, словно о чем-то размышляя.

- Что это он? - спросил Вадим.

- Не знаю... - пожала Галя плечами.

САНТИЛЬЯНА стоял посреди улицы, будто к чему-то прислушиваясь. Но вот он подошел к обочине, поднял прутик, затем, не обращая внимания на прохожих, очертил вокруг себя окружность; тем же прутиком он стал что-то писать впереди себя за кругом, позади и по бокам с сосредоточенным серьезным видом. Люди проходили стороной, оглядывались на него с недоумением. Но вот он переломил прутик пополам, отбросил половинки в стороны, помедлил еще несколько мгновений и, наконец, пересек улицу.

Кивнув присутствующим, он сел на свободное место рядом с Галей. Все молчали.

- Куда ехать? - спросил Степанов, чуть повернув голову в его сторону.

Капитан вдруг почувствовал, что начинает испытывать к этому человеку нечто большее, чем обыкновенное любопытство. Просто не верилось, что сидящий за его спиной в кожаной куртке с поднятым воротником и угрюмым серым лицом раскрыл преступление, опираясь не на факты или улики, не на данные всевозможных экспертиз, а на собственное подознание и... *чертовщину* (иного слова капитан просто не мог подобрать).

- Улица Достоевского, - ответил адвокат.

Водитель не спеша нажал на газ. В полном молчании отъехали от гостиницы и вырулили на Красную. Каждый думал о своем.

- Какой номер дома? - спустя несколько минут поинтересовался капитан, все же считая себя ответственным за ход операции.

Никто не проронил ни слова. Вадим вопросительно посмотрел на своего друга, Степанов недоумевая повернул голову.

- Я покажу тот дом, - хрипло произнес САНТИЛЬЯНА, не мигая глядя мимо капитана в широкое смотровое стекло газика.

- Мы подъедем и... хотя бы ориентировочно... - сказал один из милиционеров, видимо, желая поддержать своего шефа.

- В протоколе запишите тот номер, который увидите на калитке, - все так же хрипло ответил САНТИЛЬЯНА.

Он не хотел разговаривать. Он проснулся сегодня в четыре утра и больше не сомкнул глаз. Полчаса он плескался в ванной, затем прочитал несколько молитв и заклинаний, глядя в мрачное беззвездное небо. Сегодняшняя операция по своей значимости требовала не только тщательного соблюдения всех деталей ритуала, но и, как он предполагал, абсолютного немгословия.

- Вон тот дом, справа, - произнес он через несколько минут. - Высокий, с черепичной крышей.

- За металлической оградой? - спросил Степанов, вдруг почувствовав непривычную дрожь, волной пробежавшую по телу.

- Да... Остановитесь здесь.

- Еще не доехали, - сказал милиционер-водитель.

- Не важно.

Без сомнения, руководил всем происходящим не капитан уголовного розыска, а именно этот невысокий человек с немигающим холодным взглядом и хриплым голосом, которому никто не в силах был противиться.

Все вышли из машины.

- Я все же хочу вам напомнить, - тихо произнес Степанов, поворачиваясь к САНТИЛЬЯНЕ, - о презумпции невиновности. Мы, в какой-то мере, нарушаем 160-ю статью Конституции СССР...

- Товарищ капитан, мы вчера с вами обсудили и этот вопрос,

- вмешался адвокат, - и, кажется, пришли к согласию: никакого нарушения закона нет.

- Небеса с нами, капитан. Действуйте... Галя, мы подойдем с тобой через пару минут.

Три милиционера и Вадим пошли к калитке. Капитан легонько нажал металлическую щеколду, и они очутились во дворе. К высокому крыльцу в глубине вела асфальтированная дорожка. Не успели они и сделать двух шагов, как на крыльце появился плотный мужчина лет сорока в темной рубашке и расстегнутым воротником и чуть закатанными рукавами.

- Добрый день, - произнес капитан. - Мы к вам.

Мужчина заулыбался с некоторой растерянностью, закивал головой.

- Хозяйка дома?

* - Да-да...

- Вот хорошо, как раз все на месте.

Хозяин вдруг засуетился, торопливо раскрыл дверь в сени, пропуская гостей вперед. В тот же миг изнутри послышался тонкий залиvistый лай собачонки. Гости переступили порог и оказались в светлой просторной горнице. Навстречу к ним вышла из соседней комнаты женщина в длинном розовом халате, а вслед за ней выбежал маленький чернявый мальчуган в темно-синем трико и цветистой рубашонке навыпуск. Белая собачонка, махая хвостом, звонко лаяла на пришедших, выказывая преданность дому и его хозяевам.

- Тимоша, перестань! - крикнула хозяйка, топнув на нее ногой. Ворча и недовольно повизгивая, собачонка нырнула под стол и там легла, положив голову на лапы и с подозрительным любопытством глядя на пришедших.

- Чем обязаны? - спросил мужчина тонким, чуть надтреснутым голосом, проходя вперед и садясь на небольшой диван с круглыми подушечками. - Какая-нибудь проверка или что другое?..

Как только вошли, все внимание Вадима сразу переключилось на малыша. И не только его. Милиционеры, которых начальник перед операцией, ввел в курс дела, тоже не сводили с него глаз. Мальчик, увидев такое количество незнакомых взрослых, застеснялся, а потом подошел тоже к дивану и взобрался на него.

- Это ваш мальчик? - спросил капитан, присаживаясь за стол и раскрывая планшет.

Вопрос был предназначен женщине.

- А чей же еще? - ответила та, и вдруг синеватая бледность стала расплзаться по ее вытянутому книзу лицу.

- Как его зовут?.. Как тебя зовут, малышок?

Мальчик застеснялся совсем, личико его сморщилось и он быстро пододвинулся к папке, который обнял его за плечи и прижал к себе.

- Алеша, - дрогнувшим голосом сказала хозяйка.

- Разрешите ваши документы.

- А это зачем еще?.. И что вам от нас нужно?

Она ушла в комнату и через секунду появилась вновь с двумя паспортами, которые подала капитану.

В наступившей затем тишине тоненько заскрипела дверь и появились еще двое, САНТИЛЬЯНА с Галей Помелухо.

В то же мгновение раздался звонкий детский вскрик:

- Мама!.. Мамочка!.. Моя мамочка!

Мальчик оторвался от мужчины, очутился на середине горницы и вдруг протянув ручонки кинулся навстречу вошедшим. Издав звук, похожий на стон Галя подхватила малыша на руки, крепко обхватив его.

- Алеша... Алеша... Алешенька!..

- Мамочка моя, - всхлипывая лепетал мальчик, - почему ты так долго не приезжала?.. Мамочка... Мамулечка моя...

- О Боже, - прошептал мужчина, сжав голову руками.

Хозяйка в полнейшем замешательстве, словно без сил, опустилась на стул. САНТИЛЬЯНА приблизился к ней, не отводя взгляда от ее широко раскрытых бледно-голубых глаз.

- А тот, кто отвезил вас с мальчиком в Гомель, - хрипло произнес он, - ваш брат?

- Двоюродный, - еле слышно произнесла она и закрыла лицо ладонями.

- И живет он в Гомеле?

- Да.

- Боже мой, проклятая, что же ты натворила? - заговорил ее муж, тряся головой. - Говорил же я тебе, что добром это не кончится... Что надо отвезти хлопца обратно. А ты?.. Доигралась, стерва.

- Где одежда ребенка? - спросил один из милиционеров.

Мужчина поднялся, ссутулившись и кряхтя пошел в комнату. Милиционер шагнул следом.

- Галя, иди с Алешей к машине, - тихо сказал САНТИЛЬЯНА. - Сейчас для него все принесут.

Степанов отложил паспорт в сторону и некоторое время молча смотрел на женщину, сидевшую напротив в прежней позе.

- Документы я вам возвращаю, - сочувственно произнес он. - Но я вам предлагаю, в ваших интересах, завтра утром явиться лично ко мне и чистосердечно рассказать все. Вы поняли?.. Чистосердечно. Вот адрес, - он положил перед ней на стол листок бумаги.

- Явка с повинной, конечно, от ответственности вас не освободит, - сказал Вадим, - но значительно смягчит вашу участь... Будьте благоразумны.

- Я не забираю вас сейчас только потому, что даю вам воз-

возможность до завтрашнего утра подумать обо всем, что вы сделали, - снова сказал капитан.

- Я хотела на той неделе вернуть мальчика, - рыдающим голосом проговорила женщина, - я уже узнавала про поезд...

- Это не меняет сути дела.

Спустя минут пятнадцать все вышли из дома. У машины Степанов остановился и взглянул на САНТИЛЬЯНУ.

- Разрешите пожать вашу руку. Честное слово, я поражен... Но скажите, как вам удалось разыскать этого малыша?.. Каким методом?

Скупая улыбка обозначилась на лице САНТИЛЬЯНЫ.

- Не будем говорить о деталях, капитан, - это скучно. Что же касается метода, то вряд ли он имеет название в современной криминалистике, да и вообще в юриспруденции... Метод Икс - вот все, что я могу ответить на ваш вопрос.

Молча сели в машину, молча отъехали. Вадим взглянул на счастливо улыбающуюся мать, крепко сжимавшую в объятиях своего малыша, осторожно обнял ее за плечи, тихо привлек к себе.

На хмуром краснодарском небосклоне проглянуло солнце, и окружающая природа заискрилась, расцвела в его лучиках всеми цветами радуги.

ЭПИЛОГ

Нам остается лишь добавить несколько слов о дальнейшей судьбе героев этой истории.

В Краснодаре на вещевом рынке у южных ворот стоит крытая палатка. В женщине, которая находится в ней и бойко торгует парфюмерией и предметами личного пользования, привезенными зачастую из Польши и стран Ближнего Востока, мы без труда можем узнать Шохину Тамару Диомидовну. Правда, она расплелась, перекрасила волосы в темно-каштановый цвет, частенько выпивает, курит и ругается матом. Мало кто знает о ее прошлой жизни. Тамара Диомидовна отбыла назначенный ей срок и, вернувшись из мест заключения, занялась бизнесом, благо, что жизнь повернулась в благоприятствующую этому делу сторону. Иногда ей помогает вести разговоры с покупателями муж, полысевший, постаревший, но сохранивший верность за все выпавшие им неприятные годы. Говорят, что у них есть ребенок, мальчик, уже свой, законный... Не знаю, насколько это достоверно. Но хорошо, если Господь наставляет нас на путь истинный и ведет по пути добра и справедливости.

Мама «Маргариток» вскоре умерла. Это произошло зимой 1987 года. Как рассказывают, вечером она выпила лишнего, не рассчитав своих сил и возможностей, вышла в холодные сени закрыть дверь на крючок, в темноте оступилась, упала и больно ударилась головой о скамейку. Добрых полчаса пролежала бедная старушка в промерзлых сенях. Этого хватило вполне достаточно, чтобы застудить легкие. Она умерла в ночь на 20 января, когда свирепствовал крещенский мороз.

К тому времени ее дочь Маргарита уже жила в Москве. Адвокат Вадим Суходоев в очередной свой приезд забрал ее с собой. У меня есть их адрес. В Краснопресненском районе Москвы стоит двенадцатизэтажный дом. Здесь на шестом этаже в двухкомнатной квартире живут Суходоевы. Как мне известно, Вадим уже стал старшим адвокатом. У людей о нем очень хорошее мнение. Те, кого настигла беда, стараются обратиться к нему и получают, как правило, квалифицированную всеобъемлющую помощь. Жена его Рита нигде пока не работает, она в декретном отпуске и в скором времени в семье ожидается прибавление.

Галя Иванченко, ее старшая сестра, замуж еще не вышла. Она живет в том же доме, на той же улице и работает по-прежнему на швейной фабрике. Алеша уже подросток, энергичный крепкий мальчишка, он уже учится в школе, у него много друзей и товарищей, с которыми он ходит в библиотеку, катается на велосипеде и вообще весело проводит время. Когда он убегает с мальчишками на улицу, Галя смотрит на него с второго этажа и часто вспоминает слова САНТИЛЬЯНЫ: «Надеюсь, ты еще увидишь своего мальчика из этого окна.»

Она не знает, куда исчез САНТИЛЬЯНА. И я тоже не знаю. Года два назад он рассчитался и куда-то уехал. В его квартире живут другие люди.

Недавно мне стало известно, что Вадим Суходоев получил от него письмо. И я верю, что Галя дождется его, он вернется, ибо нельзя не вернуться туда, где тебя любят, ждут и часто вспоминают с теплотой и благодарностью.

Содержание

Часть первая.....	5
Часть вторая.....	35
Часть третья.....	135

Гала Иванченко, ее старшая сестра, замуж еще не вышла. Она живет в том же доме, на той же улице и работает по-прежнему на швейной фабрике. Алена уже подросток, энергичный кривой мальчишка, он уже учится в школе, у него много друзей и товарищей, с которыми он ездит в библиотеку, катается на велосипеде и вообще весело проводит время. Когда он убегает с мальчишками на улицу, Гала смотрит на него с второго этажа и часто вспоминает слова САНТИЛЬЯНЫ: «Мальчишка, ты еще увидишь своего мальчишку на этом свете».

Она не знает, где живет САНТИЛЬЯНА. И я тоже не знаю. Годы мне выдала бы овалышка и куда-то уехала. В его квартире живут другие люди.

Недавно мне стало известно, что Витим Суходоев получил от него письма. И я знаю, что Гала дождалась его, он вернулся отсюда здоровым, работоспособным, тем, кем всегда был, жил и часами вспоминает о детстве и безмятежном.

Владимир Викентьевич Петроченко

РАССЛЕДОВАНИЕ МЕТОДОМ «Х»

Художник Д.Т.Сулоев

Подписано в печать 13.02.1997. Формат 60x84 1/16. Печать офсетная.
Бумага газетная. Усл. п.л. 11,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 1338.

Издательство Брянского государственного педагогического университета
имени академика И.Г.Петровского. 241036, Брянск, Бежицкая, 14.

ЛР 020070 от 25.04.97

Отпечатано в Навозыбковской городской типографии.
243000, Брянская обл., г.Новозыбков, ул. Ленина, 12.